

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Московская академия Следственного комитета Российской Федерации»

На правах рукописи

Рыжов Эдуард Валерьевич

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА

12.00.08 – Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель
доктор юридических наук, профессор
Голик Юрий Владимирович

Москва – 2019

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Доведение до самоубийства: философский, исторический и сравнительно-правовой аспекты	13
1.1 Самоубийство и доведение до самоубийства: понятие, сущность и проблемы криминализации	13
1.2 Эволюция представлений об ответственности за самоубийство и доведение до самоубийства	27
1.3 Ответственность за доведение до самоубийства и смежные с ним составы преступлений по зарубежному законодательству	47
Глава 2 Уголовно-правовая характеристика доведения до самоубийства и его сравнение со смежными составами преступлений.....	65
2.1 Проблемные вопросы конструирования объективных признаков основного состава доведения до самоубийства.....	65
2.2 Проблемные вопросы конструирования субъективных признаков основного состава доведения до самоубийства.....	89
2.3 Сравнение доведения до самоубийства со склонением к совершению самоубийства и содействием совершению самоубийства	104
Глава 3 Уголовно-правовая характеристика квалифицированных составов доведения до самоубийства	120
3.1 Квалифицирующие признаки доведения до самоубийства	120
3.2 Особенности уголовно-правовой характеристики доведения до самоубийства лиц, заведомо для виновного находящихся в беспомощном состоянии, и несовершеннолетних.....	161
Заключение.....	181
Список литературы	186
Приложение А Проект Федерального закона «О внесении изменений в статью 110 Уголовного кодекса Российской Федерации».....	215

Актуальность темы исследования. Самоубийство в современном российском обществе – явление распространенное. По данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации в результате совершения самоубийства в 2011 году в России погибло 31144 человека, в 2012 году – 29735, в 2013 году – 28779, в 2014 году – 27066, в 2015 году – 25476, в 2016 году – 23119, в 2017 году – 20278, в 2018 году – 17930¹.

Выдающийся российский юрист А.Ф. Кони на рубеже XIX-XX веков так писал об этой проблеме: «Черное крыло насильственной смерти от собственной руки все более и более развевается над человечеством, привлекая под свою мрачную тень не только людей, по-видимому, обтерпевшихся в жизни, но и нежную юность, и тех, кто дожил до близкой уже могилы. Случаи самоубийства перестали быть единичным, хотя и частым, окончанием расчетов с жизнью, а обратились в целое общественное явление, даже в бедствие, заслуживающее внимательного изучения и обдуманной борьбы с ним»².

Несмотря на чрезвычайную распространенность самоубийств, лишь ничтожная их доля совершается вследствие преступного воздействия на потерпевшего – из одной-двух тысяч самоубийств лишь одно совершается вследствие доведения. В 2011 году следственными органами Следственного комитета Российской Федерации, к подследственности которого относятся преступления, предусмотренные статьей 110 УК РФ, окончено расследованием и направлено прокурору с обвинительным заключением 28 уголовных дел этой категории, в 2012 году – 15, в 2013 году – 16, в 2014 году – 16, в 2015 году – 21, в 2016 году – 17, в 2017 году – 21, в 2018 году – 29.³

Поскольку указанная правовая норма не получила широкого распространения, состав доведения до самоубийства остается недостаточно

¹ Сведения о числе умерших от внешних причин смерти за 2011 – 2018 гг. [Электронный ресурс] // URL: <https://http://www.gks.ru> (дата обращения: 23.10.2018).

² См.: Кони А. Ф. Самоубийство в законе и жизни. СПб., 1898 [Электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/k/koni_a_f/text_1898_samoubiistvo.shtml (дата обращения: 23.10.2018).

³ Сведения о следственной работе следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2011 – 2018 гг. Форма № 1-Е (СК).

исследованным, отсутствуют и руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по этому вопросу.

Данное обстоятельство порождает значительное число следственных и судебных ошибок. Из 72 судебных актов (приговоров, постановлений, определений судов всех уровней), изученных в ходе настоящего исследования, в 10 случаях подсудимые были оправданы по обвинению в совершении преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ, либо уголовное преследование в отношении них было прекращено судом в связи с отсутствием состава преступления.

При всём при том данная правовая норма привлекает к себе пристальное внимание законодателя, о чем свидетельствуют изменения, внесенные в неё Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» и Федеральным законом от 29.07.2017 № 248-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». В 2017 году законодатель, дополнив статью 110 УК РФ частью второй, предусмотрел 12 новых квалифицированных составов этого преступления, чем существенно модифицировал норму.

В результате тех же изменений Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен еще двумя смежными с доведением до самоубийства составами преступлений – склонением к совершению самоубийства и содействием совершению самоубийства (статья 110¹ УК РФ). В этой связи имеется потребность в научном анализе квалифицированных составов доведения до самоубийства (часть 2 статьи 110 УК РФ) и определении критериев, позволяющих отграничить доведение до самоубийства от склонения к совершению самоубийства и содействия совершению самоубийства (статья 110¹ УК РФ).

Ввиду новизны уголовно-правовых норм указанные вопросы ранее не были предметами диссертационных исследований, и настоящая работа имеет своей

целью этот пробел восполнить. Указанное обстоятельство свидетельствует об актуальности исследования.

Степень разработанности темы исследования. В отечественной науке уголовного права исследованием различных аспектов доведения до самоубийства занимался целый ряд ученых, и все они внесли вклад в изучение этой проблемы.

Эти вопросы освещались в работах выдающихся отечественных ученых XIX-XX веков П.Ф. Булацеля, Н.И. Загородникова, А.Ф. Кони, А.А. Пионтковского, С.В. Познышева, Н.Д. Сергеевского, В.Д. Спасовича, Н.С. Таганцева, И.Я. Фойницкого, Е.П. Френкеля, М.Д. Шаргородского.

В условиях современности эту проблему исследовали Е.В. Благов, Г.Н. Борзенков, С.В. Бородин, А.Н. Бастрыкин, Н.А. Егорова, А.И. Коробеев, А.Н. Красилов, Н.Е. Крылова, А.С. Михлин, Э.Ф. Побегайло, А.Н. Попов, Е.Ю. Пудовочкин, А.И. Рарог и другие ученые.

Диссертационные исследования данной теме посвятили Р.З. Авакян, Е.К. Волконская, Н.А. Сафонова, Ю.А. Уколова, А.А. Цыркалюк, Н.Г. Чукаева, Д.И. Эльмурзаев, Н.Н. Ярмыш.

Вместе с тем в трудах названных ученых не достаточно полно исследованы особенности доведения до самоубийства отдельных категорий потерпевших, таких как несовершеннолетние, лица, заведомо для виновного находящиеся в беспомощном состоянии, в материальной или иной зависимости от виновного. Не в полной мере раскрыты вопросы соучастия в доведении до самоубийства, а также особенности доведения до самоубийства двух или более лиц. Не исследованы критерии отграничения доведения до самоубийства от смежных составов преступлений, проблемы доведения до самоубийства, совершенного с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, особенности квалификации при наличии совокупности преступлений.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в связи с совершением доведения до самоубийства. Предметом исследования являются нормы отечественного и зарубежного уголовного законодательства, отечественный и зарубежный

исторический правовой опыт, научные подходы, статистические данные, следственная и судебная практика по исследуемой проблеме.

Цель и задачи исследования. Целью настоящего исследования является разработка теоретико-практических положений, раскрывающих сущностные признаки основного и квалифицированных составов доведения до самоубийства, определяющих формы и методы совершенствования данной уголовно-правовой нормы, а также устанавливающих критерии отграничения доведения до самоубийства от склонения к совершению самоубийства и содействия совершению самоубийству.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

- дать определение понятию «доведение до самоубийства»;
- проследить эволюцию представлений об ответственности за самоубийство и доведение до самоубийства;
- изучить зарубежный опыт уголовно-правовой регламентации доведения до самоубийства;
- исследовать проблемные вопросы конструирования объективных и субъективных признаков основного состава доведения до самоубийства;
- раскрыть содержание квалифицирующих признаков анализируемого состава преступления;
- провести сравнительный анализ уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за доведение до самоубийства и смежные с ним составы преступлений;
- разработать рекомендации по совершенствованию законодательства, следственной и судебной практики по уголовным делам о доведении до самоубийства.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в нем обоснован ряд теоретических предложений, развивающих представление о формах вины и способах совершения преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ. Настоящая работа является первым диссертационным исследованием, в котором с теоретических и практических позиций осмыслены

квалифицированные составы доведения до самоубийства.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Значимость работы заключается в том, что нами выявлены закономерности развития уголовно-правовых норм об ответственности за доведение до самоубийства, определены особенности построения и функционирования этой уголовно-правовой нормы на современном этапе. Сделанные в работе выводы и сформулированные предложения могут быть использованы в научных исследованиях и правотворческой деятельности, а данные правоприменительно рекомендации могут быть востребованы при обобщении судебной практики и расследовании уголовных дел о преступлениях этой категории.

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования послужила материалистическая теория познания. В ходе настоящего исследования использовался ряд общенаучных и частнонаучных методов. Применение диалектического метода научного познания позволило изучить предмет исследования в его развитии и во взаимосвязи с другими явлениями общественной жизни. При разработке понятийного аппарата использовались методы индукции, анализа и синтеза. Данные о количестве самоубийств и сведения о расследованных уголовных делах изучены с использованием метода статистического анализа. С помощью историко-правового метода удалось проследить эволюцию правовых норм, устанавливающих ответственность за деяния, инспирирующие самоубийство, а с помощью сравнительно-правового метода обнаружены сходства и различия в соответствующих уголовно-правовых нормах. Методы правового моделирования и аналогии позволили исследовать квалифицирующие признаки доведения до самоубийства посредством использования знаний о тех же квалифицирующих признаках других преступлений против личности.

Решение поставленных при подготовке диссертации задач и достижение цели исследования позволило сформулировать следующие **основные положения, выносимые на защиту:**

1. Доведение до самоубийства представляет собой умышленное или неосторожное противоправное деяние, выражающееся в угрозах, жестоком обращении и систематическом унижении человеческого достоинства, под влиянием которых потерпевший принял решение совершить самоубийство и реализовал данное решение.

2. Ретроспективный анализ норм отечественного уголовного права позволяет выделить 5 исторических этапов, характеризующих восприятие самоубийства и деяний, обусловивших его совершение: донормативный (до XII века), канонический (XII – XVIII века), карательный (1715 – 1845 годы), мотивационно-канонический (1845 – 1917 годы), мотивационный (с 1917 года по настоящее время). В основу классификации положены два критерия: первый – наличие в уголовном законодательстве норм, устанавливающих ответственность за самоубийство и деяния, обусловившие его совершение, второй – определение субъекта преступления (самоубийца или лицо, действия которого направлены на формирование у потерпевшего решимости совершить самоубийство).

3. Согласно сложившейся в доктрине уголовного права точке зрения, угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего, то есть указанные в диспозиции статьи 110 УК РФ способы доведения до самоубийства, должны представлять систему действий. Однако, на наш взгляд, данные деяния надлежит оценивать не с точки зрения их количества, а с точки зрения их способности в тех обстоятельствах, в которых находился потерпевший, сформировать в нём решимость совершить самоубийство. В зависимости от жестокости и характера деяния даже однократное преступное воздействие на потерпевшего может образовывать состав указанного преступления.

4. Согласно господствующей в доктрине уголовного права точке зрения вина в доведении до самоубийства может выражаться в форме умысла (прямого и косвенного), однако, по нашему мнению, для данного состава преступления характерны как умышленная, так и неосторожная формы вины.

5. Доведение до самоубийства посредством злоупотребления должностными полномочиями или превышения должностных полномочий, если общественно опасным последствием преступления является лишь самоубийство потерпевшего, надлежит квалифицировать как доведение до самоубийства, совершенное в отношении лица, находящегося в служебной зависимости от виновного (пункт «а» части 2 статьи 110 УК РФ). В то же время под иной зависимостью, указанной в пункте «а» части 2 статьи 110 УК РФ, помимо зависимости, основанной на наличии формальной власти (нахождение на иждивении, подчиненность или подконтрольность по работе, службе, учебе, родственная зависимость), необходимо понимать также и зависимость, обусловленную фактическим характером взаимоотношений между виновным и потерпевшим.

6. В целях повышения уровня уголовно-правовой защиты от преступных посягательств, устранения дефектов правотворчества и обеспечения соблюдения принципа справедливости предлагается:

а) дополнить часть 2 статьи 110 УК РФ квалифицирующими признаками: «совершение преступления группой лиц», «с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение»;

б) дополнить статью 110 УК РФ примечанием, раскрывающим содержание понятия «беспомощное состояние»;

в) распространить действие отягчающих обстоятельств, указанных в части 2 статьи 110 УК РФ, исключительно на деяния, повлекшие последствия в виде самоубийства потерпевшего.

С учетом изложенного мы предлагаем изложить статью 110 УК РФ в следующей редакции: *«1. Доведение лица до самоубийства или до попытки совершения самоубийства путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего -*

наказывается принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до семи лет или без такового либо лишением свободы на срок до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или

заниматься определенной деятельностью на срок до семи лет или без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового.

2. Доведение до самоубийства, совершенное:

а) в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного;

б) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;

в) в отношении двух или более лиц;

г) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

д) в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть "Интернет");

е) с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, -
наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового.

Примечание. Под лицом, заведомо для виновного находящемся в беспомощном состоянии, в настоящей статье, а также в статье 110¹ настоящего Кодекса, понимается лицо, не достигшее четырнадцатилетнего возраста либо лицо, которое в силу престарелого возраста, физического и психического состояния неспособно понимать характер и значение совершаемого в отношении него деяния, если виновный сознает это обстоятельство».

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность полученных в ходе проведения настоящего исследования результатов обеспечивается использованием обширной теоретической базы, отечественных и зарубежных источников права, эмпирического материала и официальных статистических данных. Предлагаемые нами решения и сделанные выводы

основаны на данных правоприменительной практики.

Апробация результатов исследования. Выводы и рекомендации, сделанные в работе, докладывались автором на научной конференции молодых ученых «Служа закону – служим Отечеству» (Москва, 30 мая 2017 года) и межвузовской молодёжной научно-практической конференции на тему «Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития» (Москва, 8 декабря 2017 года). Результаты диссертационного исследования апробировались автором в ходе практических занятий со студентами и магистрантами ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации».

Публикации по теме исследования.

Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в 6 авторских публикациях, 3 из которых размещены в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, утвержденный ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Нормативная и теоретическая основа исследования. Нормативной основой исследования являются общепризнанные принципы и нормы международного права, Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, иные федеральные законы, нормативно-правовые акты Правительства Российской Федерации, российское уголовное законодательство предшествующих исторических периодов, зарубежное уголовное законодательство по теме исследования. Теоретической основой исследования стали научные труды в области уголовного права, криминологии, истории государства и права, философии, социологии, психологии, психиатрии.

В диссертации использованы труды таких ученых-криминалистов, как: А.И. Бастрыкин, Е.В. Благов, С.В. Бородин, Г.Н. Борзенков, А.В. Бриллиантов, Л.А. Букалерева, Я.И. Гилинский, Ю.В. Голик, Н.А. Егорова, С.А. Елисеев, В.И. Зубкова, А.Н. Игнатов, Л.В. Иногамова-Хегай, О.С. Капинус, М.А. Кауфман, Ю.А. Красиков, Н.Е. Крылова, А.Ф. Кони, Н.И. Коржанский, А.И. Коробеев, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, В.Б. Малинин, В.В. Малиновский, А.С. Михлин,

А.В. Наумов, Н.А. Неклюдов, В.А. Номоконов, П.Н. Обнинский, В.Г. Павлов, А.Н. Попов, Л.М. Прозументов, Ю.Е. Пудовочкин, А.И. Рарог, А.Н. Савенков, Н.Д. Сергеевский, В.Д. Спасович, Н.С. Таганцев, С.В. Тасаков, И.Я. Фойницкий, Р.Д. Шарапов, М.Д. Шаргородский, А.В. Шеслер, А.И. Чучаев, А.Я. Эстрин и других авторов.

Эмпирическая основа исследования представлена открытыми статистическими данными Федеральной службы государственной статистики, ведомственными статистическими данными Следственного комитета Российской Федерации, обзорами судебной практики, постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации, судебной практикой по уголовным делам данной категории (изучено 72 судебных акта за 2011 – 2018 годы), информационными публикациями по материалам уголовных дел, размещенными на официальном сайте Следственного комитета Российской Федерации в сети «Интернет».

При проведении исследования использован собственный опыт работы автора в следственных органах Следственного комитета Российской Федерации.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, объединяющих восемь параграфов, заключения, списка литературы и приложения.

Глава 1 Доведение до самоубийства: философский, исторический и сравнительно-правовой аспекты

1.1 Самоубийство и доведение до самоубийства: понятие, сущность и проблемы криминализации

Проблема самоубийства существует столь же давно, сколько существует человек. Её изучением занимались и занимаются не только юристы, но и врачи, философы, писатели, психологи, социологи и представители других профессий. Достаточно вспомнить наших выдающихся соотечественников – врача-психиатра В.М. Бехтерева, философов В.С. Соловьева, В.В. Розанова, писателей Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.И. Куприна, А.М. Горького, Д.С. Мережковского.

В отечественной литературе, в том числе и юридической, как правило, используется термин «самоубийство», в то время как в зарубежной – «суицид» (от лат. «sui» – себя, «caedere» – убивать).

Термин «суицид» впервые был использован в опубликованной в 1642 году книге Т. Брауна «Религия врача»¹. В русском языке термин «самоубийство» появился в 1704 году «Лексиконе трезычном»².

В настоящее время в отечественных толковых словарях представлено весьма лаконичное определение термина «самоубийство».

Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой определяет самоубийство как «намеренное лишение себя жизни»³, также точно определяет данный термин и Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова⁴.

¹ См.: Нечипоренко В. В., Шамрей В. К. Суицидология: вопросы клиники, диагностики и профилактики. СПб., 2007. С. 13.

² См.: Ефремов В. С. Основы суицидологии. СПб., 2004. С. 16–17.

³ Толковый словарь русского языка Ожегова С. И. и Шведовой Н. Ю. [Электронный ресурс] // URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=27782> (дата обращения: 04.06.2017).

⁴ Толковый словарь русского языка Ушакова Д. Н. [Электронный ресурс] // URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=67723> (дата обращения: 04.06.2017).

Энциклопедия «Британика» понимает самоубийство, как «акт умышленного лишения себя жизни»¹.

Несколько шире это понятие дает Э. Дюркгейм: «самоубийством называется каждый смертный случай, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах. Покушение на самоубийство – это вполне одноразовое действие, но только не доведенное до конца»².

Юридическую характеристику термина «самоубийство» дают В.М. Борзов, Н.В. Костовская и В.В. Яворский в монографии «Криминальный суицид (психолого-психиатрические, уголовно-правовые и процессуально-криминалистические аспекты)»: «Самоубийство – деяние умышленное. Человек намеренно, прямо желает лишить себя жизни, имеет цель и мотив, которые побуждают его к этому действию. Целью является совершение акта самоубийства. В качестве мотива выступают осознанные побуждения, которые создают решимость человека реализовать указанную цель – совершить самоубийство»³.

О.С. Капинус под самоубийством рекомендует понимать «собственноручное, сознательное и добровольное лишение себя жизни по любым причинам, кроме случаев сознательного, целенаправленного воздействия на волеизъявление человека со стороны других лиц, под влиянием которого он принимает решение причинить себе смерть не добровольно, а в силу обмана, безвыходной ситуации, физического и психического принуждения и иных условий, сложившихся по воле этих лиц»⁴.

¹ Encyclopedia Britannica. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.britannica.com/topic/suicide> (дата обращения: 04.06.2017).

² Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. Пер. с фр. А.Н. Ильинского с сокр. / Под ред. В. А. Базарова. М., 1994. С. 7.

³ Борзов В. М., Костовская Н. В., Яворский В. В. Криминальный суицид (психолого-психиатрические, уголовно-правовые и процессуально-криминалистические аспекты): монография. М., 2015. С. 20.

⁴ Капинус О. С. Эвтаназия как социально-правовое явление (уголовно-правовые проблемы) : дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 16.

Можно привести еще несколько десятков определений термина «самоубийство», однако следуя методологическому принципу, известному как «брита Оккама», автор полагает необходимым остановиться на наиболее ёмком и удачном понятии, сформулированном Е.К. Волконской – «самоубийство – это умышленное причинение человеком смерти самому себе»¹.

В суицидологии существует весьма обширная типология форм суицидальных проявлений. Анализ типов суицидальных проявлений играет важную роль для установления наличия состава любого преступления, последствием которого является самоубийство или покушение на него.

Различение самоубийства или покушения на самоубийство от других форм суицидального поведения необходимо для точного определения наличия состава того или иного преступления в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации, поскольку о наличии состава преступления можно вести речь лишь в том случае, когда самоубийство или покушение на него являются истинными, что далеко не всегда просто. Например, согласно данным В.М. Борзова, Н.В. Костовской, В.В. Яворского, по статистике, мужчины совершают суициды в три раза чаще, чем женщины, однако суицидальные попытки женщины совершают в четыре раза чаще, чем мужчины². Закономерным, по нашему мнению, в таком случае будет предположить, что женщины чаще совершают суицидальные попытки без реального намерения совершить самоубийство.

Вести речь о наличии в действиях виновного лица состава преступления, предусмотренного статьей 110 Уголовного кодекса Российской Федерации, можно лишь в том случае, когда лицо, предпринимающее попытку самоубийства, действительно намеревается причинить себе смерть и делает для этого все возможное. В противном случае оснований для привлечения виновного лица к уголовной ответственности за доведение до самоубийства не имеется.

Распространенной формой суицидальных проявлений, схожих с самоубийством, является парасуицид (греч. «para» – возле), то есть «причинение

¹ Волконская Е. К. Предупреждение доведения до самоубийства: уголовно-правовой аспект : дисс.... канд. юрид. наук. Рязань, 2011. С. 31.

² Борзов В. М., Костовская Н. В., Яворский В. В. Криминальный суицид... С. 87.

вреда собственному здоровью, которое не вызвано действительным стремлением человека к смерти»¹.

Парасуицид может существовать либо в форме действий, которые могут привести к смертельному исходу, но не имеют прямого умысла на прекращение собственной жизни или мотивы которых не могут быть четко верифицированы, либо в форме действий, связанных с демонстрацией намерения прекращения собственной жизни при его отсутствии (так называемый «демонстративно-шантажный суицид»)².

Парасуицид является способом воздействия на окружающих и выражается часто в форме демонстративной, вызванной эмоциональными причинами попытке имитировать самоубийство, обычно не завершающейся серьезным физическим повреждением или смертью.

От суицида и парасуицида следует отличать иные внесуицидальные аутоагрессивные действия, способные привести к смерти, внешне напоминающей смерть в результате самоубийства, однако не преследующие цель прекращения собственной жизни: запрыгивание на движущийся транспорт («зацепинг», «трейнсёрфинг», «трейнхоппинг»), исследование крыш зданий и высотных инженерных сооружений («руфинг»), эксперименты с собственной жизнью и т.п.

От самоубийства также следует отличать эвтаназию, то есть «умышленное причинение неизлечимо больному по его просьбе быстрой и легкой смерти с целью избавления его от мучительных страданий по мотиву сострадания»³. В отличие от самоубийства эвтаназия совершается уполномоченными лицами, в специально установленном законом порядке и при наличии медицинских показаний.

В современном мире самоубийство является нравственной проблемой и, зачастую, осуждается обществом. Согласно господствующей в настоящее время, но не единственной, точке зрения, самоубийство является нравственно неприемлемым поступком.

¹ Большой медицинский словарь [Электронный ресурс] // URL: <http://www.medslv.ru/html/p/parasuicid.html> (дата обращения: 07.06.2011).

² См.: Ефремов В. С. Основы суицидологии... С. 49.

³ Капинус О. С. Эвтаназия как социально-правовое явление ...С. 93.

Э. Дюркгейм, обосновывая негативное восприятие обществом самоубийства утверждал, что посягающий на жизнь – посягает на святыню, что не позволено никому, в том числе и владельцу жизни¹.

Русский религиозный и политический философ Н.А. Бердяев, размышляя об отношении русских людей к самоубийству, обратил внимание на пагубное влияние самоубийства на общество и утверждал, что своим поступком самоубийца вызывает роковую решимость в других людях, он сеет смерть. Если человек, покончивший с собой, вызывает к себе глубокую жалость, – утверждал Н.А. Бердяев, – то факт самоубийства вызывает ужас, осуждение как грех и даже как преступление, поэтому возможно сочувствовать самоубийце, но нельзя сочувствовать самоубийству².

«Зловещим явлением современного общежития» называл самоубийство А.Ф. Кони³.

И хотя самоубийство не является преступлением в большинстве стран мира, в том числе и в России, негативное отношение к самоубийству порождает правовые последствия и проявляется не только в установлении уголовной ответственности за деяния, обуславливающие совершение самоубийства (статьи 110 – 110² УК РФ), но в изложении собственно уголовно-правовой нормы.

Такой вывод позволяет сделать формулировка части 1 статьи 110 УК РФ: «1. Доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего». В данном случае законодатель применительно к незавершенному самоубийству использует термин «покушение», который в отечественном уголовном праве во всех иных случаях используется в словосочетании «покушение на преступление». С точки зрения уголовного закона покушение (ст. ст. 29, 30 УК РФ), является одной из стадий неоконченного преступления. Данная формулировка приводит к тому, что самоубийство невольно

¹ См.: Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд... С. 175.

² См.: Суицидология. Прошлое и настоящее: проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах / сост. А. Н. Моховиков. Издание 2-е. М., 2013. С. 57.

³ Кони А. Ф. Самоубийство в законе и жизни. СПб., 1898 [Электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/k/koni_a_f/text_1898_samoubiistvo.shtml (дата обращения: 07.06.2017).

воспринимается как что-то преступное или, по меньшей мере, «околопреступное»¹.

Следует, однако, отметить, что использование термина «покушение» применительно к самоубийству в определённый период времени отечественной истории (до 1917 года) соответствовало смыслу уголовного закона, поскольку в то время самоубийство являлось преступлением (статья 1944 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и статья 1473 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года устанавливали ответственность за самоубийство), однако в настоящее время этот термин явно устарел и является весьма неудачным.

Используемый в статье 110 УК РФ термин «покушение на самоубийство» является, кроме того, не просто примером неудачной юридической техники, но отражает негативное, глубоко укоренившееся в сознании людей, отношение к самоубийству. Данная отрицательная стилистическая окраска слова «самоубийство» позволяет считать вполне закономерной тенденцию к существенному ужесточению в России уголовной ответственности за деяния, обуславливающие совершение самоубийства, в 2017 году².

С недоумением следует отметить, что отдельные авторы считают, что применение в уголовном праве термина «покушение на самоубийство» является абсолютно обоснованным и правильным. По мнению последних, во-первых, термин «покушение» не исключает своего употребления с иными, кроме «преступления» терминами, во-вторых термин «покушение» является более удачным для целей законодательства, тогда как термин «попытка» означает действие, поступок с целью осуществить что-нибудь, добиться чего-нибудь, но без

¹ См. подробнее: Рыжов Э. В. Обоснованность использования в уголовном праве термина «покушение на самоубийство» // Российский следователь. 2018. № 6. С.27–29.

² См.: Федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению», Федеральный закон от 29.07.2017 № 248-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

полной уверенности в успехе, тогда как самоубийца «идет на смерть» с полной уверенностью в успехе своего мероприятия¹.

Использование в уголовном законе одних и тех же понятий для характеристики различных явлений будет ничем иным, как нарушением одного из основных законов логики – закона тождества, согласно которому каждое выражение понятие или суждение должно употребляться в одном и том же смысле. В противном случае правильное мышление невозможно, поскольку «иметь не одно значение – значит не иметь ни одного значения; если же у слов нет (определенных) значений, тогда утрачена всякая возможность рассуждать друг с другом, а в действительности – и с самим собой»².

Проблема уголовной ответственности за самоубийство, доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, содействие самоубийству и иные подобные деяния, в конечном счете, сводится к определению объема понятия «права на жизнь» и признанию либо непризнанию «права на смерть».

При определении понятия «право на смерть» происходит столкновение частных и публичных начал поскольку, как отмечает Ю.А. Чернышова, гражданин обладает определенным статусом в обществе, поэтому реализация такого права в значительной степени приобретает публичность.³

Под «правом на смерть», по нашему мнению, следует понимать правомочие человека самостоятельно принять решение о возможности прекращения собственной жизни не противоречащими законом способами.

Согласно одной точке зрения «право на жизнь» ни при каких обстоятельствах не может включать в себя «право на смерть».

«Следует полагать, – пишет О.С. Капинус, – неэтичным и недопустимым вести речь о существовании субъективного права на убийство самого себя»⁴.

Отстаивая невозможность существования в цивилизованном обществе «права на смерть» С.Б. Сидоров и В.Б. Михопаркин утверждают, что общество,

¹ См.: Волконская Е. К. Предупреждение доведения до самоубийства... С. 38.

² Гусев Д. А. Краткий курс логики: Искусство правильного мышления. М., 2003. С. 110.

³ См.: Чернышева Ю. А. Причинение смерти лицу по его просьбе: уголовно-правовое, уголовно-политическое, криминологическое и социально-правовое исследование : монография. М., 2011. С. 8.

⁴ Капинус О. С. Эвтаназия в аспектах de lege lata и de lege ferenda // Государство и право. 2008. № 5. С. 97.

оправдывающее абсолютное право человека на смерть, на свободное и безраздельное распоряжение своей жизнью и телом, является больным, лицемерным и, по существу, преступным обществом¹.

Согласно противоположной точке зрения самоубийство не должно осуждаться даже с точки зрения нравственности, поскольку «право на смерть» является частью «права на жизнь» и самоубийство представляет собой реализацию этого права².

«Право на жизнь» провозглашают основополагающие международные правовые акты и национальные законодательства. Статья 3 Всеобщей декларации прав человека указывает, что «каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность»³, статья 6 Международного пакта о гражданских и политических правах констатирует: «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека»⁴. В соответствии с частью 1 статьи 20 Конституции Российской Федерации «каждый имеет право на жизнь»⁵ и подобные нормы, по данным О.С. Капинус⁶, содержат не менее 90 национальных конституций, принятых после 1948 года.

Провозглашая понятие «права на жизнь», его содержание данные нормативные правовые акты не раскрывают, что позволяет придавать ему различный, порой противоположный, смысл.

¹См.: Сидоров С. Б., Михопаркин В. Б. Доведение до самоубийства: социально-правовая оценка, место в системе смежных институтов и уголовно-правовых норм и вопросы совершенствования уголовного законодательства // Вестник экономики, права и социологии. 2010. № 1. С. 96.

²См. подробнее: Рыжов Э. В. Уголовная ответственность за попытку самоубийства по законодательству Республики Индия // Российский следователь. 2017. № 20. С.40–42.

³Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

⁴Международный пакт о гражданских и политических правах (принят Генеральной Ассамблеей ООН 16.12.1966) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

⁵Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

⁶См.: Капинус О. С. Эвтаназия как социально-правовое явление... С. 130.

С точки зрения российского конституционного права «право на жизнь» представляет собой «естественное право человека, которое защищается государством комплексом действий государственных структур по созданию безопасных социальной и природной среды обитания, условий жизни»¹. Иными словами обеспечение «права на жизнь» со стороны государства состоит лишь в создании человеку необходимых для жизни условий и этим ограничивается. Реализация данного права, как и остальных прав, их носителем – человеком, допустима в той мере, в какой не запрещено законом. Следуя этой логике, учитывая, что законодательного запрета на самоубийство не имеется, можно предположить, что реализация «права на жизнь» посредством самоубийства возможна и, значит, «право на жизнь» включает в себя «право на смерть».

Право человека на добровольный уход из жизни отстаивали французские философы-просветители Вольтер, Монтескье и Руссо, считавшие «право на смерть» частью концепции «естественного права».

Размышляя о «праве на смерть» М. Монтень писал: «Подобно тому, как я не нарушаю законов, установленных против воров, когда уношу то, что мне принадлежит, или сам беру у себя кошельки, ... точно так же я не подлежу законам против убийц, когда лишаю себя жизни»².

Сходных взглядов придерживался и Ф. Ницше, который писал: «Существует право, по которому мы можем отнять у человека жизнь, но нет права, по которому мы могли бы отнять у него смерть; это есть только жестокость»³.

Вслед за философами данную точку зрения отстаивали и отстаивают и юристы.

«Юридической обязанности непременно жить не существует; лицо обязано служить обществу, покуда оно находится среди него и пользуется его благами,

¹ См., напр., Конституционное право Российской Федерации: учебное пособие для бакалавров направления «Юриспруденция» / В. В. Никулин. Тамбов, 2012. С. 76.

² Монтень М. Опыты [Электронный ресурс] // URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148035 (дата обращения: 04.04.2017).

³ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Соч. в 2 т. Т.1. М., 1990. С. 285.

покуда оно составляет его часть, но ему не может быть возбранено экспатрироваться, когда ему заблагорассудится, к своим предкам»¹.

М.П. Авдеенкова и Ю.А. Дмитриев, анализируя содержания понятия «права на жизнь», указывают, что оно включает в себя правомочия не только сохранять свою жизнь и требовать от иных субъектов права не нарушать право на жизнь, но и правомочие распоряжаться собственной жизнью в любых формах, не представляющих опасности для окружающих².

По мнению С.В. Тасакова, поскольку право на жизнь и право на смерть тесно взаимосвязаны друг с другом, то реализация права на жизнь осуществляется индивидуально и предполагает распоряжение жизнью по своему усмотрению, включая добровольное принятие решения о прекращении жизни³.

Не прибегать к самоубийству, по нашему мнению, есть только нравственная обязанность, однако, по справедливому утверждению В.Д. Спасовича, «обязанность эта не юридическая и государство не вправе требовать её исполнения под страхом наказания»⁴.

De facto «право на смерть» существует в большинстве государств мира, где не установлена ответственность за самоубийство, разница состоит лишь в том, что в странах, где законодательно разрешена эвтаназия, предусмотрены жесткие законодательные условия, рамки и средства реализации этого права, в других же – данное право реализуется «подручными» средствами.

С учетом изложенного следует заключить, что, невзирая на то, отрицательной или положительной будет оценка самоубийства, *применение в уголовном законе вместо словосочетания «покушение на самоубийство», словосочетания «попытка совершения самоубийства» было бы гораздо более уместным, поскольку, во-первых, не порождало бы логических противоречий, а*

¹ Неклюдов Н. А. Руководство к особенной части русского уголовного права. Т. 1. Преступления и проступки против личности. СПб., 1876. С. 251.

² См. Авдеенкова М. П., Дмитриев Ю. А. Право на физическую свободу // Государство и право. 2005. №3. С. 13–22.

³ Тасаков С. В. Нравственные основы уголовного права о преступлениях против личности. СПб., 2008. С. 95.

⁴ Спасович В. Д. Учебник уголовного права. СПб., 1863. С. 104.

во-вторых, не придавало «оттенка» преступления тому, что не является таковым¹.

Несмотря на то, что законодателем были придана негативная окраска термину «самоубийство», что представляет собой собственно преступление – «доведение до самоубийства» из Уголовного кодекса Российской Федерации не ясно, поскольку понятие «доведение до самоубийства» в нем отсутствует.

По способу изложения уголовно-правовой нормы диспозиция статьи 110 УК РФ относится к числу простых, то есть называет преступление, но не дает его определения. По сложившемуся в науке уголовного права мнению, диспозиции подобного рода «встречаются крайне редко, когда законодатель имеет основание считать, что преступление общеизвестно и нет необходимости подробно описывать его»².

Однако нечто, кажущееся общеизвестным и очевидным на первый взгляд, не всегда оказывается таковым при более тщательном рассмотрении. Чаще всего простые диспозиции наоборот затрудняют правоприменение, поскольку требуют уточнения на ином уровне, что приводит к разночтению в следственной и судебной практике³.

Во избежание разночтений необходимо дать понятие «доведения до самоубийства».

Попытки сформулировать это понятие в науке уголовного права предпринимались неоднократно, однако все предложенные дефиниции не в полной мере раскрывают его суть.

По мнению С.Б. Сидорова и В.Б. Михопаркина, «доведение до самоубийства» представляет собой провокационные действия виновного, порождающие виктимное поведение потерпевшего. Общим последствием провокационных и, соответственно, виктимных действий указанных субъектов является смерть потерпевшего. Смерть потерпевшего является прямым

¹ См. подробнее: Рыжов Э. В. Обоснованность использования... С.27–29.

² Энциклопедия уголовного права. Т. 2. Уголовный закон. Издание проф. Малинина. СПб., 2009. С. 50.

³ См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / Под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016. С. 44.

следствием намеренных (умышленных) действий последнего, вызванных, в свою очередь, непосредственно виновными действиями провокатора самоубийства¹.

Данное определение оценивает доведение до самоубийства не с уголовно-правовой, а, скорее, с криминологической точки зрения. Обращаясь к данному определению, следует отметить, что спровоцировать самоубийство, как известно, могут юридически нейтральные и правомерные действия (прекращение интимных отношений, измена супруга, развод, увольнение с работы, выставление неудовлетворительной оценки на экзамене, запрет ребенку со стороны родителей играть в компьютерные игры, критика и др.). Кроме того, вне рамок данного определения находятся деяния в форме бездействия, в то время как таковые вполне могут иметь место – непринятие мер по оказанию необходимой медицинской помощи (обеспечение лекарствами, организация проведения медицинских процедур), непредставление средств существования (жилья, одежды, питания), лицу не способному самостоятельно приобрести их лицом, обязанным заботиться о потерпевшем.

С учетом этих обстоятельств, по нашему мнению, доведение до самоубийства является не действием, а деянием, которое возможно как в форме действия, так и в форме бездействия.

А.А. Цыркалюк сформулировал следующее определение: «Доведение до самоубийства – склонение к самоубийству путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего, уговора, подкупа, обмана, а также содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления»².

Недостатком предложенного понятия является то, что оно допускает существование «доведения до самоубийства» только в двух формах – в форме склонения и в форме содействия. И обе эти формы криминализированы другой уголовно-правовой нормой (ст. 110¹ УК РФ).

¹ См.: Сидоров С. Б., Михопаркин В. Б. Доведение до самоубийства: социально-правовая оценка... С. 94.

² Цыркалюк А. А. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства : дисс. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2011. С. 31–32.

Доведением до самоубийства, – по мнению Ю.А. Уколовой, – следует считать совершение деяний, направленных на причинение нравственных и физических страданий, если они совершались систематически в отношении одного и того же лица с частой периодичностью, когда у лица еще не забылось болевое ощущение воздействия¹.

С данным понятием нельзя согласиться по ряду причин. Во-первых, это понятие содержит указание на обстоятельства, которые, как правило, не представляется возможным установить по причине смерти потерпевшего. Маловероятной представляется возможность установить «забылось болевое ощущение воздействия» у лица, которое совершило самоубийство, или не забылось. Во-вторых, предложенное понятие содержит другое оценочное понятие, критерии которого в уголовном праве отсутствуют – «частая периодичность».

Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дает определение слову «довести» – «привести в какое-нибудь состояние, вызвать, породить в ком-нибудь какие-нибудь последствия»².

Учитывая, что доведение до самоубийства, на наш взгляд, возможно с любой формой вины, его можно определить как *умышленное или неосторожное противоправное деяние, выражающееся в угрозах, жестоком обращении и систематическом унижении человеческого достоинства, под влиянием которых потерпевший принял решение совершить самоубийство и реализовал данное решение*.

Характеризуя природу данного преступления, следует отметить, что, общественная опасность этого деяния очевидной была не всегда. Оценка этого явления находилась в границах от правомерного поведения до особо тяжкого преступления, сопоставимого с убийством.

Согласно первой точке зрения доведение до самоубийства не является преступлением, поскольку самоубийство не является правонарушением и, тем более, преступлением. Самоубийство является хотя и общественно осуждаемым,

¹ См.: Уколова Ю. А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния : дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 114.

² Толковый словарь русского языка Ожегова С. И. и Шведовой Н. Ю. [Электронный ресурс] // URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=6782> (дата обращения: 07.04.2017).

но, тем не менее, не нарушающим закона деянием. Поэтому доведение до самоубийства является, по существу, доведением до непроступного, юридически нейтрального деяния.

Подобного рода размышления о природе доведения до самоубийства мы находим еще у древних римлян. Так, в Дигестах Юстиниана при истолковании Закона Аквилы об убийствах сказано: «Если кто-либо причинил вред, будучи побуждаем к этому другим лицом, то не отвечает ни тот, кто побуждал, так как он не убил, ни тот, кого побудили, так как он не причинил вреда противоправно»¹.

Итальянский криминолог XIX-XX вв. Э. Ферри предлагал относить подобные деяния к числу преступлений в зависимости от мотивов, утверждая, что «отстаивает безнаказанность того, кто помогает другому в самоубийстве или убивает другое лицо, согласившееся умереть, поскольку виновный был руководим в своей деятельности социальными мотивами (состраданием, любовью и т.д.). Если, напротив, тот был определяем антисоциальными мотивами (ненависть, алчность, обман и пр.), тогда он является обыкновенным преступником и должен быть наказан как таковой»².

Подобным образом криминализацию подобных деяний обосновывал и Н.С. Таганцев, сделавший вывод о том, что активные действия лица, направленные на формирование у потерпевшего «намерения едва зарождавшегося», посредством подстрекательства, доведения, преследования ставят такие действия в один разряд с убийством³.

Учитывая, что основным объектом уголовно-правовой охраны является жизнь человека и задачей государства является всемерная её защита, установление уголовной ответственности за доведение до самоубийства в полной мере согласуется с публичными и частными интересами.

Для признания «доведения до самоубийства» преступлением не имеет значения, считаем ли мы «право на смерть» составной частью «права на жизнь» или нет, поскольку виновное лицо ни при каких обстоятельствах не вправе

¹ Дигесты Юстиниана : Избр. фрагменты в пер. и с примеч. И. С. Перетерского / отв. ред. Е. А. Скрипилев. М., 1984. С. 174.

² Цит. по: Капинус О. С. Эвтаназия как социально-правовое явление...С. 69.

³ См.: Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. Т. 2. СПб., 1871. С. 437.

распоряжаться чужой жизнью, и ему (виновному лицу) не принадлежит право ни на чужую жизнь, ни на чужую смерть.

Таким образом, криминализация доведения до самоубийства в полной мере отвечает интересам как государства и общества, так и индивида, однако несовершенство уголовного законодательства, выражающееся в использовании неуместного и не соответствующего законам логики понятия «покушение на самоубийство», а также в отсутствии легального определения «доведение до самоубийства» вводит правоприменителя в заблуждение и осложняют реализацию данной нормы.

1.2 Эволюция представлений об ответственности за самоубийство и доведение до самоубийства

Самоубийство, как и любая другая проблема во все времена волновала отдельно взятых людей, общество, государство и церковь. Отношение к самоубийству было тесно связано с религиозными и культурными традициями народов, господствовавшими в обществе представлениями о ценности жизни.

В разные времена и в разных культурах самоубийство признавалось как религиозным грехом или преступлением, так и общественно приемлемым поведением или даже проявлением лучших человеческих качеств и, как следствие, либо признавалось преступным, либо нет.

Исторический аспект развития представлений о самоубийстве и доведении до самоубийства ранее уже был предметом исследования как с философской, социологической и художественной точки зрения, так и с точки зрения истории развития уголовного права.

Так, например, в развитии российского уголовного законодательства об ответственности за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство, по мнению А.А. Цыркалюка, можно выделить четыре исторических периода: до 1845 г. (некодифицированный), с 1845 по 1917 гг. («уложенческий»), с 1917 по 1991 гг. (советский) и с 1991 г. по настоящее время

(постсоветский период)¹. В основу данной классификации положен исторический (временной) критерий. Вместе с тем, данный подход не учитывает вектор направленности законодательства и не позволяет сделать вывод о целях, которые преследовало законодательство, устанавливая те или иные формы ответственности.

В связи с этим, на основании результатов анализа эволюции норм, устанавливающих ответственность за самоубийство и сопряженные с ним деяния, автором будет предложена иная классификация периодов развития российского уголовного законодательства о самоубийстве и деяниях, обуславливавших его совершение.

В примитивных культурах смерть в результате самоубийства была нежелательной, поскольку, согласно представлениям анимизма, самоубийцы после смерти становятся маленькими злыми духами, способными наводить на живущих порчу, что подтверждают народные верования и предания ряда племен, находящихся на родоплеменном этапе развития².

В целом благосклонное или нейтральное отношение к самоубийству существовало у многих народов Европы (кельтов, галлов, норманнов и др.). Актом величайшей мудрости и храбрости, в какой-то степени, богоугодным делом считалось самоубийство в культурах Древних Японии, Индии, Китая, Египта. Описывая взгляды на самоубийство различных народов В.Д. Спасович писал: «У многих народов восточных, у которых жизнь лица не ценится высоко, самоубийство находится в большем употреблении»³.

Толерантным можно назвать отношение к самоубийству древних греков, которые, в большинстве своем, самоубийства не одобряли, но вместе с тем и не преследовали самоубийц.

В Древнем Риме самоубийство допускалось после получения разрешения на то Сената, а самоубийце за государственный счет предоставлялся для этого яд (цикута). Применительно к самоубийству в этом случае древние римляне

¹ См.: Цыркалюк А. А. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства... С. 37–38.

² См.: Суицидология. Прошлое и настоящее... С. 6.

³ Спасович В. Д. Учебник уголовного права... С. 99.

использовали формулу: «Mori licet cui vivere non placet»¹ («Пусть умирает тот, кто не хочет жить»). Однако смерть без разрешения Сената считалась позорным актом. Самоубийце, в этом случае, отказывали в погребении – «труп тащили на плетенке, лицом к земле, по улицам и переулкам, а затем вешали или бросали на живодерню»². Категорический запрет на самоубийство существовал для солдата, жизнь которого была нужна государству, а потому он не имел права ею распоряжаться, как обычный гражданин³.

У восточных славян самоубийство не считалось чем-то предосудительным, существовал даже обычай сжигать вдов на погребальном костре, о чем писал известный отечественный историк Н.М. Карамзин⁴.

С появлением христианства мировоззрение кардинальным образом изменилось. Христианство считает самоубийство нарушением шестой заповеди: «Не убий», причем это относится к человеку вообще, в том числе и к самому себе. В Первом послании Апостола Павла к коринфянам он говорит: «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм - вы» (1 Кор 3:16-17). Самоубийство рассматривается как посягательству на волю Бога, запретившего лишать себя жизни, поскольку не человек дарует ее себе: «Бог дал – Бог взял».

Отрицательное отношение к самоубийству можно обнаружить также и во всех остальных мировых религиях.

В «Русской Правде» самоубийство не упоминается. Первые упоминание о самоубийстве появляются в Церковном уставе князя Ярослава Мудрого, где самоубийство выступает не как противоправное деяние само по себе, а как некий «квалифицирующий» признак других правонарушений – принудительного брака и воспрепятствования браку. Ответственность наступала для тех родителей, которые

¹ См.: Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. С. 384–388.

² Нечипоренко В. В., Шамвей В. К. Суицидология: вопросы клиники, диагностики и профилактики... С. 25–27.

³ См.: Булацель П. Ф. Исследования о самовольной смерти: исторический очерк философских воззрений и законодательств о самоубийстве. СПб., 1896. С. 51.

⁴ См. подробнее: Карамзин Н. М. История государства Российского. В 12-ти томах. Т. 1 / Под ред. А. Н. Сахарова. М., 1989. С. 65.

против воли выдавали свою дочь замуж либо женили сына, вследствие чего последние совершали самоубийство¹.

В соответствии с «Записью о душегубстве», являющейся памятником русского права XIV-XV вв., к душегубству относились убийство, самоубийство («от своих рук утерется») и смерть от несчастного случая². Однако, в отличие от убийства, какие-либо юридические последствия в виде наказания или денежного взыскания (виры) в случае совершения «душегубства» в форме самоубийства в этом и других источниках древнерусского права не указаны.

Так, например в Великопермской уставной наместничьей грамоте 1553 года была установлена плата виры наместником, в том случае, когда убийство не было раскрыто – «а случится у них душегубство, а не доищутся душегубства, ино наместнику виры чetyреста белок, а не любя белка, ино за белку по две деньги», в то же время как за «душегубство» в форме самоубийства такой виры не предусматривалось – «кто от своих рук утерется ... в том наместнику виры и продажи нет»³.

Самоубийство в соответствии с нормами церковного права наказывалось лишением права погребения по христианскому канону, если только оно не случилось «вне ума»⁴. По церковному канону самоубийство ставилось не просто в один ряд с убийством, но даже считалось грехом более тяжким, чем убийство, поскольку убийца посягает только на тело человека, а самоубийца, кроме того, еще и на душу.

До Петра Великого самоубийство в России порицалось лишь в церковных законах, основанных, в свою очередь, на византийских сборниках церковных правил, обобщенно именуемым «Номоканоном». Например, в «Послании Митрополита Фотия к псковскому духовенству» (1417 год) говорится, что «который от своих рук погубится, удавится или ножом убодется или в воду себя

¹ См. подробнее: Российское законодательство X - XX веков: Законодательство Древней Руси. В 9-ти томах. Т. 1. / отв. ред. В. Л. Янин; под общ. ред.: О. И. Чистякова М., 1984. С. 169.

² См. подробнее: Российское законодательство X - XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. В 9-ти томах. Т. 2. / отв. ред. А. Д. Горский; под общ. ред.: О. И. Чистякова М., 1985. С. 187–189.

³ См.: Семенов О. В. Великопермская уставная грамота 1553 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/3415/2/pristr-07-18.pdf> (дата обращения: 04.06.2017).

⁴ См.: Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть Общая. Вып. 1. СПб., 1887. С. 408.

ввержет ... тех не повелено у церквей хоронити, ни над ними пети, ни поминати, но в пустом месте в яму вложив, закопати»¹. Серьёзным аргументом в пользу именно такого способа захоронения трупа самоубийцы послужил тот факт, что Иуда Искарот, бывший апостолом Христа, но предавший его, покончил жизнь самоубийством и был похоронен на земле, приобретенной для погребения странников (Мф. 27:3-9).

В более поздних источниках уголовного права, таких как Судебник 1497 года, Свод законов Московского государства, Судебник 1550 года, Судебник 1589 года и Соборное уложение 1649 года нет никаких упоминаний о самоубийстве.

Таким образом, до начала XVIII века в России совершение самоубийства нарушало лишь религиозные нормы и не являлось преступлением в соответствии со светским уголовным законодательством. Это обстоятельство связано с господствовавшим в то время представлением о том, что этот поступок затрагивает права лишь самоубийцы, то есть частные, но не государственные интересы. Относительно же доведения до самоубийства, хотя не осознавался явно и не был сформулирован *de jure*, но *de facto* применялся провозглашенный еще древнеримским юристом Ульпианом принцип: «*Volentia non fit injuria*» («При согласии человека нет ему обиды в ваших поступках с ним»).

В средневековой Европе, начиная с VII века, складывается практика применения позорящих наказаний к трупам самоубийц и конфискации их имущества – «в то время почти во всей западной Европе царили суровые, бессмысленные законы, каравшие тела самоубийц и отнимавшие имущество преступников у их законных наследников»².

В России самоубийство было криминализировано лишь в XVIII веке императором Петром I. По данному поводу справедливо высказался Н.С. Таганцев, отметивший, что «в области посягательств частных в первый раз

¹ Чернышев-Дмитриев А. Б. О преступном действии по русскому допетровскому праву. Казань, 1862. [Электронный ресурс] // URL: https://books.google.ru/books?id=bdoIAwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 08.06.2017).

² Булацель П. Ф. Исследования о самовольной смерти... С. 67.

являются светские взыскания за самоубийство, как оконченное, так и неоконченное»¹.

Два процесса, протекавшие параллельно, привели к установлению уголовной ответственности за самоубийство в XVIII веке в России: первый – конвергенция канонического и светского права или, как отметил А.Р. Павлушков, «институциональный обмен судебными полномочиями: часть государственных преступлений была отнесена к юрисдикции церкви, а некоторые религиозные преступления, наоборот, получили статус государственных (уголовных или политических)»², второй – рецепция Петром I отдельных положений немецкого законодательства, основанного на римском праве³.

Об отношении к самоубийству со стороны канонического права уже упоминалось, а что касается рецепции права, то по римскому праву самоубийство наказывалось тогда, когда особый статус человека, такой, как солдат или раб, давал государству право на его жизнь, а субъект петровского государства приравнивался к солдату, право на жизнь которого принадлежало суверену⁴.

Самоубийство и покушение на самоубийство к числу преступлений впервые были отнесены Воинским артикулом Петра I 1715 года⁵ (далее – Артикул). Согласно Артикулу 164 покушение на самоубийство наказывалось либо смертной казнью, либо изгнанием из полка: «Ежели солдат пойман будет в самом деле, что хотел себя сам убить, и в том ему помешали, и того исполнить не мог, а учинит то от мучения и досады, чтоб более не жить, или в беспамятстве и за стыдом, оный по мнению учителей прав с бесчестием от полку отогнан быть имеет. А ежели ж кроме вышеупомянутых причин сие учинил, оного казнить смертью». Тем же источником была определена и мера наказания за самоубийство, применяемая к трупу: «Ежели кто сам себя убьет, то надлежит палачу тело его в бесчестное место отволочь и закопать, волоча прежде по улицам». Исключение составляло совершение самоубийства душевнобольным («в беспамятстве, болезни, в

¹ Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву... С. 141.

² Павлушков А. Р. Анафема как форма уголовной и политической репрессии в карательной политике Российского государства // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 2 (26). С. 83–84.

³ См. подробнее: Рыжов Э. В. Обоснованность использования... С.27–29.

⁴ См.: Паперно И. Самоубийство как культурный институт. М., 1999. С. 72

⁵ См.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 5. СПб., 1830. С. 203–453.

меланхолии»). Необходимость установления душевного состояния самоубийцы имела существенное значение для решения вопроса о месте захоронения трупа, поскольку, согласно требованию Артикула, в случае душевной болезни тело самоубийцы хоронилось без церковных обрядов в «особливом, но не бесчестном месте».

Следует отметить, что покушение на самоубийство наказывалось смертной казнью также и в соответствии с Морским Уставом 1720 года¹. В соответствии со статьей 117 данного Устава совершившего неудачное покушение надлежало «повесить на рее», а умерший в результате самоубийства «за ноги повешен быть имеет». Однако не подлежали наказанию те, кто совершили это в «мучениях, неслосной налоги, беспамятстве, огневых и меланхолических болезнях».

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что наряду с введением уголовной ответственности за самоубийство и покушение на самоубийство Артикул 154² для привлечения самоубийцы к ответственности требовали от судей установления его вменяемости, поскольку от этого зависел способ погребения. Требование о необходимости установления вменяемости самоубийцы сохранилось и во всех последующих нормативных правовых актах, предполагавших уголовную ответственность за самоубийство, что подчёркивает тесную взаимосвязь канонического и светского права – решения светской власти порождали последствия для власти духовной.

Созданное в период царствования Петра I законодательство, касающееся вопросов самоубийства, в целом, соответствовали духу своего времени и законодательной практике других государств.

Каким бы абсурдным не казалось такое наказание, распространено оно в ту пору было в Европе повсеместно. Например, в Англии до 1823 года существовал обычай тащить трупы самоубийц по улицам, проткнув их колом и хоронить их при большой дороге без религиозных церемоний³.

¹ См.: Устав морской о всём, что касается к доброму управлению в бытность флота на море. СПб., 1780. [Электронный ресурс] // URL: http://militera.lib.ru/regulations/russr/1720_ustav-morskoi/index.html (дата обращения: 08.05.2017).

² Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т.5. СПб., 1830. С. 203–453.

³ См.: Ефремов В. С. Основы суицидологии... С. 55.

Отсутствие у человека права распоряжаться собственной жизнью имело авторитетное философское обоснование, предложенное Г.В.Ф. Гегелем, По мнению последнего самоубийство является «дурной храбростью портных и служанок» и права на самоубийство у человека нет, поскольку он не вправе судить сам себя¹.

Несмотря на то, что Воинский Артикул и Морской устав были предназначены для целей военного правосудия их нормы в соответствии с Указом Петра I правительствующему Сенату от 10 апреля 1716 года², стали распространяться и на гражданских лиц.

С 1744 года императрица Елизавета Петровна приостановила исполнение смертных приговоров, поэтому фактически самоубийство смертной казнью не каралось.

В период царствования Екатерины II (1762 – 1796 годы), как отмечает В.Б. Хатуев³, распространилась практика признания недействительными духовных завещаний самоубийц.

Согласно Своду законов Российской империи издания 1832 года (статьи 347 – 349) оконченное самоубийство предусматривало церковное наказание – лишение христианского погребения, а покушение на самоубийство – ссылку на каторгу. Причем покушение на самоубийство предполагало уголовную ответственность в том лишь случае, если самоубийце воспрепятствовали внешние обстоятельства, добровольный отказ от завершения начатого самоубийства уголовной ответственности не предполагал⁴.

В том же Своде законов Российской империи самоубийцы, по сути, были приравнены к психически больным лицам, завещания которых признавались недействительным: «Посему недействительны завещания: 1) безумных,

¹ См.: Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 127.

² См.: Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I: Акты о высших государственных установлениях. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобития и иностранные источники. Т. 1. М., 1945. С. 52.

³ См.: Хатуев В.Б. Эволюция российского уголовного законодательства об ответственности за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство // Российское правосудие. 2015. № 9. С. 76.

⁴ См.: Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву... С. 411.

сумасшедших и умалишенных, когда они составлены ими во время помешательства; 2) самоубийц»¹.

Данный подход, по словам П.Ф. Булацеля, был основан на «господствующем в медицине воззрении на самоубийство, как на деяние, совершающееся всегда под влияние ненормального состояния мозга и какого-то особенного молекулярного движения частиц мозга»².

Убеждение в том, что самоубийство всегда является результатом психической болезни пришло в Россию из Европы, где сформировалось в 1820-х годах под влиянием французского врача-психиатра Э. Эскироля, по его мнению, доказавшего, что «самоубийство проявляет все признаки умственной болезни, симптомом которой оно и является» и утверждавшего, что «человек покушается на свою жизнь только в состоянии умственного помешательства, и что самоубийцы – помешанные»³. Несмотря на то, в дальнейшем, взгляды Э. Эскироля на природу самоубийства были отвергнуты как ошибочные, для уголовного права они сыграли весьма важную роль, поскольку именно благодаря им самоубийство стало восприниматься как непроизвольный факт, как проявление болезни, и потому оно не должно быть преследуемо по закону.

В середине XIX века в Англии врач-психиатр Ф. Винслоу, искавший возможность связать суицидные импульсы с состоянием тканей и органов тела, отстаивал идею о том, что предрасположенность к самоубийству в большей мере, чем обыкновенно думают, происходит от расстройства мозга и органов пищеварения⁴.

Позднее А.Ф. Кони дал такую характеристику законодательству того времени: «Излишне говорить, как были жестоки, нецелесообразны и «били по оглобле, а не по коню» эти меры. ... Человека, решившегося на самоубийство, не могла смущать мысль о лишении христианского погребения, так как

¹ Статья 1017 главы 5 тома 10 Свода законов Российской Империи в 16 томах [Электронный ресурс] // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&empire=1&collection=0&volume=100013&pg=86&contentsname=%CE+%E4%F3%F5%EE%E2%ED%FB%F5+%E7%E0%E2%E5%F9%E0%ED%E8%FF%F5&sort=1> (дата обращения: 08.05.2017).

² Булацель П. Ф. Исследования о самовольной смерти... С. 153.

³ Цит. по: Паперно И. Самоубийство как культурный институт... С. 32–33.

⁴ См.: Там же. С. 33.

«бесчувственному телу равно повсюду истлевать», ... но для родных и близких ... эти, в сущности, антихристианские меры должны были составлять тяжелое и ничем не заслуженное испытание, связанное для дорогих самоубийце людей с материальными лишениями, нередко с нищетой или с унижительными великодушными подачками совершенно чуждого им законного наследника»¹.

Аналогичным образом рассуждал о европейском уголовном законодательстве, карающем за самоубийство Ч. Беккариа: «... перед людьми же самоубийство преступлением не является, поскольку наказанию за него подвергается не виновник, а его семья. Если же мне кто-либо возразит, что это наказание тем не менее может удержать человека от самоубийства, то я отвечу: кто спокойно отказывается от блага жизни, кто ненавидит свое земное существование настолько, что предпочитает ему скорбную вечность, того должны оставлять безразличным менее действенные и более отдаленные соображения о детях или о родителях»².

В.Д. Спасович писал о сущности позорящего труп наказания: «У Плутарха есть рассказ о том, что когда самоубийство стало особенно свирепствовать между девицами города Милета, сенат этого города постановил, что труп всякой посягнувшей на свою жизнь, будет выставлен нагой на площади, что имело последствием совершенное прекращение самоубийств; положим, что и теперь подобная мера могла бы иметь подобные же последствия. Даже и в таком случае нельзя, однако, допустить наказуемости самоубийства. Не все что полезно справедливо»³.

В конце XIX века, размышляя о сущности данных норм, российский юрист О.П. Булацель сравнил наказание труп самоубийцы с наказанием мраморной статуи, справедливо указав, что «не в надругательстве над бездушным телом, не в лишении силы духовного завещания можно и должно искать средства удержать от самоубийства»⁴.

¹ Кони А. Ф. Самоубийство в законе и жизни. СПб., 1898 [Электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/k/koni_a_f/text_1898_samoubiistvo.shtml (дата обращения: 10.05.2017).

² Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В.С. Обнинского. М., 2004. С. 140.

³ Спасович В. Д. Учебник уголовного права... С. 101.

⁴ Булацель П. Ф. Исследования о самовольной смерти... С. 163.

Но не только предполагаемая психическая болезнь самоубийцы и сострадание к его семье позволили прийти к выводу о бессмысленности уголовного наказания за самоубийство. Вполне прагматичные доводы в пользу депенализации самоубийства, принятые во внимание авторами Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, приводит Н.С. Таганцев «В сем случае (прим. автора – в случае самоубийства) страх наказания вместо обыкновенного желанного действия – удержания от преступления, не производил ли совершенно противное, ибо многие без сомнения решались вновь прибегнуть к самоубийству, дабы избежать каторжной работы»¹.

Данные взгляды, а также гуманизация культуры в целом, оказали существенное влияние на понимание природы самоубийства и его правовую оценку.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (далее – Уложение)² самоубийству было посвящено 5 статей. Самоубийца признавался не имевшим права делать предсмертные распоряжения, а его духовное завещание признавалось ничтожным. Кроме того, если он был христианином, то лишался права на христианское погребение (ст. 1943 Уложения). Покушавшийся на самоубийство, если оно было совершено «не в безумстве, сумасшествии или временном припадке беспамятства, когда исполнение намерения было остановлено посторонними, не зависящими от него обстоятельствами», предавался церковному покаянию (ст. 1944 Уложения).

Наряду с этими, давно известными отечественному уголовному праву преступлениями, были криминализованы склонение к самоубийству и содействие в совершении самоубийства (ст. 1946 Уложения): «Кто склонит другого к самоубийству или через доставленные средства к тому или иным каким-либо образом будет участвовать в совершении им сего преступления, тот за сие подвергается наказаниям, определенным за пособничество в убийстве, учиненном с обдуманном намерением или умыслом». Криминализовано было также

¹ Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. Т. 2... С. 435.

² См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845 [Электронный ресурс] // URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01002889696#?page=1> (дата обращения: 12.05.2017).

доведение до самоубийства (ст. 1947 Уложения): «Родители, опекуны и другие, обличенные какой-либо властью лица, которые через явное, соединенное с жестокостью, злоупотреблению властью побудят подчиненное им или их попечению лицо к самоубийству подвергаются лишению некоторых прав и преимуществ и заключению в смиренный дом на срок от одного года до двух лет, а также предаются церковному покаянию».

Тем же Уложением (ст. 1945) применительно к самоубийству и покушению на самоубийство предусматривались обстоятельства, исключаящие преступность деяния к их числу отнесены: «великодушный патриотизм», «сохранение государственной тайны и другие подобные случаи», а также «для спасения женского целомудрия и женской чести от грозившего ей и никакими другими средствами неотвратимого насилия».

Таким образом, Уложение 1845 года, устанавливало за самоубийство, по сути, церковные и гражданские, но не уголовные меры ответственности. За склонение к самоубийству, содействие в совершении самоубийства и доведение до самоубийства установлены собственно уголовные наказания. Подмечая архаичность норм Уложения 1845 года о самоубийстве, Н.С. Таганцев писал, что «они являются остатками той эпохи, когда церковь и государство тесно сливались между собой и последнее брало на себя защиту религиозных интересов, ... а само назначение подобной меры взыскания с точки зрения уголовного права несостоятельно»¹.

В таком виде данные нормы были сформулированы также в последующих редакциях Уложения 1857, 1866 и 1885 годов, изменялась лишь нумерация статей.

Долгое время, вплоть до 1860-х годов, в России проблема самоубийств не обсуждалась, исследования по этому вопросу не проводились, статистика не собиралась, причиной чего, в значительной степени, был консерватизм государственной власти. Данный вывод иллюстрирует резолюция министра просвещения Российской Империи А.С. Шишкова, наложенная им на представленную для опубликования рукопись, содержащую отчет о числе

¹ Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. Т. 2...С. 423.

самоубийств: «Статью об исчислении смертоубийств и самоубийств, приключившихся в два минувшие года в России, почитаю не токмо ни к чему ненужною, но и вредною. Первое: какая надобность знать о числе сих преступлений? Второе: по каким доказательствам всякий читатель может удостоверен быть, что число сие отнюдь не увеличено? Третье: к чему извещение о сем может служить? Разве к тому только, что колеблющийся преступник, видя перед собою многих предшественников, мог почерпнуть из того одобрение, что он не первый к такому делу приступает»¹.

В России последовательным сторонником отмены всякой ответственности за самоубийство и покушение на него был Н.С. Таганцев, который в числе прочих, приводил юридические аргументы в пользу декриминализации этого преступления, указывая, что закон призван регулировать отношения между членами общества, однако человек не находится в юридическом отношении к самому себе, поэтому самоубийство, субъект и объект которого тождественны, не может быть предметом законодательства². Кроме того, объявляя недействительным завещание самоубийцы, уголовное право, по мнению данного ученого, вторгалось в юрисдикцию гражданского права, а беря на себя решение вопроса о похоронном обряде – не только в сферу канонического права, но и в область «правосудия божеского», совершенно независимую от права³.

На уголовно-процессуальную сторону этой проблемы обратил внимание правовед П.Н. Обнинский, писавший, что Устав уголовного судопроизводства предписывает прекращать судебное преследование в связи со смертью обвиняемого, однако это никоим образом не согласовывается с постулатом об уголовной ответственности самоубийцы⁴.

Проводя разграничение между судом духовным и судом светским, П.Н. Обнинский отстаивал необходимость отнесения самоубийства к сфере духовного суда, указывая, что «существует множество деяний, противных правилам нравственности и религии, не преследуемых, однако, ни в одном

¹ Цит. по: Паперно И. Самоубийство как культурный институт... С. 85.

² См.: Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни... С. 416–418.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Обнинский П. Н. Об уголовном преследовании покушившихся на самоубийство. М., 1871. С. 3–4.

светском кодексе, для которого неуловим религиозный, внутренний мир человеческой души»¹.

Неудачи в попытках найти физиологическое объяснение феномену самоубийства, определить «очаг» зарождения суицидальных идей, и, наконец, множество примеров совершения самоубийств лицами, не демонстрировавшими никогда признаков психических заболеваний², позволили сделать вывод о том, что самоубийство далеко не всегда является проявлением психического заболевания. Такую точку зрения одним из первых высказал и обосновал известный отечественный психиатр С.С. Корсаков³. Затем Э. Дюркгейм в изданной в 1897 году работе «Самоубийство: Социологический этюд» предложил искать причины суицида не столько в личности, сколько в самом обществе, утверждая, что процент самоубийств зависит исключительно от социологических причин и определяется моральной организацией общества⁴.

Уголовное Уложение 1903 года, декриминализовавшее самоубийство и покушение на самоубийство, предусматривало лишь ответственность за способствование самоубийству, однако, этот нормативный акт был введен в действие не полностью (рассматриваемые нормы не были введены), поэтому вплоть до Революции 1917 года применялось Уложение 1885 года.

Все виды ответственности за самоубийство и покушение на него в России, как, впрочем, и все прежнее законодательство, утратили юридическую силу в связи с изданием Декрета СНК РСФСР №1 «О суде» от 24 ноября 1917 года, ориентировавшим местные суды «руководится в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»⁵.

Первый Уголовный кодекс РСФСР, принятый 24 мая 1922 года, не содержал норм об уголовной ответственности за самоубийство или за покушение на него, но

¹ См.: Там же. С. 4.

² В эссе Кони А. Ф. «Самоубийство в законе и в жизни» приведены многочисленные примеры предсмертных записок лиц, покончивших жизнь самоубийством, не обнаруживающих психических патологий.

³ См.: Корсаков С. С. Курс психиатрии. Т.1. 2-е изд., перераб. М., 1901. 692 с.

⁴ См.: Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд... С. 152.

⁵ Декрет №1 СНК РСФСР от 22.11.1917 «О суде» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

в статье 148 устанавливал уголовную ответственность за «Содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо неспособного понимать свойства или значение им совершаемого, или руководить своими поступками, если самоубийство или покушение на него последовали»¹, наказывая эти деяния лишением свободы на срок до трех лет.

Предусмотренное статьей 148 УК РСФСР 1922 года столь значительное сужение круга потерпевших не отвечало интересам правосудия, поскольку складывавшаяся в Советской России следственная и судебная практика свидетельствовала о том, что имеют место иные формы преступного воздействия на потерпевшего с целью совершения им самоубийства. Данные формы, впрочем, квалифицировались исходя из существовавшей в кодексе нормы об аналогии уголовного закона (статья 10 УК РСФСР 1922 года). В связи с этим Верховным Судом РСФСР было рекомендовано законодателю расширить границы действия данной нормы².

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года³, пришедший на смену УК РСФСР 1922 года, предусматривал два состава преступлений, связанных с преступным воздействием на потерпевшего в целях совершения им самоубийства, содержащихся в рамках одной статьи УК (статья 141 УК РСФСР 1926 года). Обращает на себя внимание тот факт, что с принятием УК РСФСР 1926 года в советском уголовном законе впервые появилось словосочетание «доведение до самоубийства».

В учебниках того времени давалась такая оценка этому явлению: «Самоубийство, хотя (бы и не удавшееся) по советскому праву не карается в уголовном порядке в отношении самого самоубийцы, в противоположность некоторым буржуазным кодексам, но вызывает у нас общественное осуждение»⁴.

¹ Уголовный кодекс РСФСР 1922 года (введен в действие с 01.06.1922 постановлением ВЦИК от 01.06.1922) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Сборник циркуляров и важнейших разъяснений Пленума Верховного суда РСФСР (январь 1925 – май 1926 г.г.). М., 1927. С. 108.

³ Уголовный кодекс РСФСР 1926 года (введен в действие с 01.01.1927 постановлением ВЦИК от 22.11.1926) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Учебное пособие по советскому уголовному праву. М., 1938. С. 230.

Согласно части 1 статьи 141 УК РСФСР 1926 года «Доведение лица, находящегося в материальной или иной зависимости от другого лица, жестоким обращением последнего или иным подобным путем до самоубийства или покушения на него» наказывалось лишение свободы на срок до пяти лет.

Согласно части 2 данной статьи «Содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо неспособного понимать свойства или значения, им совершаемого или руководить своими поступками, если самоубийство или покушение на него последовали» наказывались лишением свободы на срок до трех лет. Содействие могло выражаться в предоставлении оружия для совершения самоубийства, указании средств совершения самоубийства и т. п. Подговор выражался в психическом воздействии на потерпевшего с целью возбуждения у него желания покончить с собой.

Предусмотрев впервые уголовную ответственность за доведение до самоубийства, правоприменитель в первое время столкнулся с отсутствием объективной возможности проследить и доказать причинно-следственную связь между жестоким обращением с потерпевшим и его самоубийством (покушением на него). Характеризуя эту проблему, Е.П. Френкель писала: «...акт самоубийства находится в зависимости от душевной конституции, от умения переживать и реагировать на одни и те же впечатления извне равнодушно или остро. Учесть, как преломится то или иное обращение в каждом отдельном случае – вещь невозможная ... любой, часто ничтожный, повод может повести к нежелательному концу»¹. В результате чего суд теряется в массе фактов, долженствующих характеризовать жестокое обращение или «иные способы», что, по мнению автора, указывало на необходимость безусловного устранения этой статьи из кодекса ввиду её несоответствия жизненным условиям и научным данным². Недоумение вызывал и тот факт, что статья оставляла открытым перечень способов совершения преступления.

¹ Френкель Е. П. Преступления против личности в Уголовном кодексе РСФСР 1926 года // Проблемы преступности: сборник. 1928. № 3. С. 148.

² См.: Там же.

Вместе с тем, в дальнейшем судебная практика расценивала как доведение до самоубийства любые неоднократные противоправные действия, совершенные в отношении потерпевшего, находившегося в материальной или иной зависимости от преступника, повлекшие его самоубийство. При этом причинно-следственная связь между этими действиями и самоубийством презюмировалась и доказательств не требовала, иными словами фактически использовался принцип «Post hoc ergo propter hoc» (лат. «После этого – значит по причине этого»). Чаще всего к таким действиям относилось насилие мужа над женой, после которого она предпринимала попытку самоубийства. В судебной практике того времени господствовала позиция, что жестокое обращение может состоять только в неоднократных действиях в отношении потерпевшего, и не может быть единичным фактом¹.

Часть 2 статьи 141 УК РСФСР 1926 года устанавливала уголовную ответственность за «содействие и подговор к самоубийству» в соответствии с идеями советского права того периода. Советский гражданин не вправе был отказаться от предоставленных ему государством личных прав, в том числе и права на жизнь, поэтому любая попытка содействовать в отказе от блага жизни или склонение к отказу от такового должна быть наказуема. В связи этим, как полагалось в тот период, «советское уголовное право должно прийти к признанию преступным всякого содействия самоубийству другого лица»², а не только несовершеннолетнего и невменяемого.

Следующим уголовным законом стал Уголовный кодекс РСФСР 1960 года³, устанавливавший в статье 107 уголовную ответственность за доведение до самоубийства: «Доведение лица, находившегося в материальной или иной зависимости от виновного, до самоубийства или покушения на него путем жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства наказывается лишением свободы на срок до пяти лет». В этой статье,

¹ См., напр.: Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР. 1957 – 1959 г.г. М., 1960. С. 183–185.

² Эстрин А.Я. Уголовное право СССР и РСФСР. М., 1931. С. 118.

³ Уголовный кодекс РСФСР 1960 года (утвержден Верховным Советом РСФСР 27.10.1960) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

в отличие от ч. 1 ст. 141 УК РСФСР 1926 года, открытый перечень способов совершения преступления («иным подобным путем») законодателем был заменен на новый – «систематическое унижение личного достоинства» потерпевшего. Норм об уголовной ответственности за содействие либо подговор к самоубийству или к покушению на самоубийство несовершеннолетнего или невменяемого лица в УК РСФСР 1960 года не содержалось.

Относительно общественной опасности доведения до самоубийства советский криминолог того времени М.Д. Шаргородский писал, что любой, кто помогает другому человеку покончить с собой, безусловно, представляет общественную опасность, а подговоривший безумного к самоубийству есть не что иное, как убийца¹.

Уголовный кодекс Российской Федерации в своей первоначальной редакции предусматривал уголовную ответственность лишь за доведение до самоубийства. В соответствии со статьей 110 УК РФ «Доведение до самоубийства» доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего наказывалось ограничением свободы на срок до трех лет или лишением свободы на срок до пяти лет.

В дальнейшем статья 110 УК РФ претерпела еще три редакции – в 2011 году к числу наказаний за данное преступление добавлены принудительные работы на срок до 5 лет². В июне 2017 года статья 110 Уголовного кодекса Российской Федерации была дополнена частью второй, предусматривающей 12 квалифицированных составов доведения до самоубийства³.

За совершение квалифицированного доведения до самоубийства устанавливалось наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до восьми лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься

¹ См.: Шаргородский М. Д. Избранные труды. СПб., 2004. С. 238–239.

² Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового.

В июле 2017 года¹ в данную статью в очередной раз были внесены изменения, в соответствии с которыми срок лишения свободы за деяния, предусмотренные частью второй статьи 110 УК РФ, значительно увеличен и установлен в диапазоне «от восьми до пятнадцати лет».

Кроме того, Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ установлена уголовная ответственность за склонение к совершению самоубийства, содействие совершению самоубийства, организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, и вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. ст. 110¹, 110², 151² УК РФ). Появление данных статей свидетельствует об определенной преемственности уголовного права, поскольку в схожем виде они существовали в дореволюционном и советском уголовном законодательстве до 1960 года².

Федеральным законом от 29.07.2017 № 248-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» статьи 110¹ и 110² УК РФ были изменены в части ужесточения наказания.

В результате этих процессов в Уголовном кодексе Российской Федерации одновременно появились три новых состава преступления: «Склонение к совершению самоубийства», «Содействие совершению самоубийства» и «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства», существующих в виде основных, квалифицированных и особо квалифицированных составов, а статья 110 УК РФ «Доведение до самоубийства» существенным образом модернизирована.

При этом тот факт, что особо квалифицированные виды новых преступлений отнесены к числу особо тяжких (части 5 и 6 статьи 110¹, часть 2

¹ Федеральный закон от 29.07.2017 № 248-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Рыжов Э. В. История развития российского уголовного законодательства, устанавливающего уголовную ответственность за самоубийство, доведение до самоубийства и сходные с ним деяния // Следственная деятельность : проблемы, их решение, перспективы развития: материалы Межвузовской молодёжной научно-практической конференции. Москва, 08 декабря 2017 г. / Под общ. ред. А. М. Багмета. М., 2017. С. 86.

статьи 110² УК РФ) свидетельствует о запоздалой реакции законодателя на не замеченные им ранее столь опасные формы антиобщественного поведения, ведь, как верно отметил Ю.В. Голик, общественная опасность преступления «существует не зависимо от того «видит» её законодатель в данный конкретный момент или нет»¹. Кроме того, факт внесения изменений в статьи УК РФ сразу же после их принятия, уже сам по себе свидетельствует о спешке законодателя.

Причиной столь стремительного ужесточения уголовной ответственности за деяния, обуславливающие совершение самоубийства, является широкая общественная огласка деятельности в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» так называемых «групп смерти»².

Таким образом, по нашему мнению, нормативные представления о самоубийстве и доведении до самоубийства в России можно разделить на 5 исторических этапов: донормативный (до XII века), канонический (XII-XVIII века), карательный (1715 – 1845 годы), мотивационно-канонический (1845 – 1917 годы), мотивационный (с 1917 года по настоящее время).

В основу настоящей классификации положены два критерия: первый – наличие в уголовном законодательстве норм, устанавливающих ответственность за самоубийство и связанные с ним деяния, второй – определение субъекта преступления (самоубийца или лицо, толкающие к совершению самоубийства).

Донормативный этап характеризуется толерантным, а в определенных случаях даже положительным отношением к самоубийству; ни самоубийство, ни побуждающие к нему действия, не расценивались как нарушение общепринятых норм и традиций. *Канонический этап* характеризуется резким осуждением самоубийства, применением церковных наказаний к самоубийцам и лицам, покушавшимся на самоубийство. Светское законодательство на данном этапе не относит ни самоубийство, ни покушение на него, ни побуждающие к нему деяния к числу преступлений. *Карательный этап* характеризуется установлением в светском законодательстве уголовной ответственности за самоубийство и

¹ Философия уголовного права / сост., ред. и вступ. статья д-ра юрид. наук, проф. Ю.В. Голика. СПб., 2004. С. 50–51.

² См., напр.: Группы смерти. Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Группы_смерти (дата обращения: 20.12.2017).

покушение на самоубийство, применением церковных и уголовных (разной степени суровости) наказаний, влекущих гражданско-правовые последствия. *Мотивационно-канонический этап* характеризуется установлением уголовной ответственности за действия, формирующие мотивацию к самоубийству с сохранением гражданско-правовых последствий и церковных наказаний для самоубийцы и его семьи. *Мотивационный этап* характеризуется криминализацией деяний, формирующих мотивацию к самоубийству (доведение, склонение, содействие), любые виды наказаний к самоубийце или лицу, покушающемуся на самоубийство, законодательством не предусмотрены. На данном этапе в поле зрения уголовного права находятся различные формы преступного поведения лица, толкающего потерпевшего на совершение суицида.

Усложнение общественных отношений на современном этапе, активное развитие в XXI веке новых средств коммуникации приводит к криминализации новых форм преступных проявлений в этой сфере (склонение к совершению самоубийства, содействие совершению самоубийства, организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства), однако с 1917 года до настоящего времени вектор уголовного законодательства принципиально не изменился.

Предложенная классификация, позволяет определить исторические рамки действия уголовно-правовых норм, уяснить черты, характерные для того или иного периода, а также проследить путь эволюции уголовного законодательства об уголовной ответственности за самоубийство и доведение до самоубийства.

1.3 Ответственность за доведение до самоубийства и смежные с ним составы преступлений по зарубежному законодательству

Жизнь человека охраняется как международным правом, так и национальным законодательством, поскольку сама по себе является высшим благом. Она не имеет национальных границ и представляет собой общечеловеческую ценность. Для защиты жизни человека каждое национальное

законодательство использует свои приемы и методы, создавая для этого свои собственные, в чем-то похожие и в чем-то различные, правовые нормы.

Совершенствование национального законодательства будет эффективным лишь тогда, когда используется опыт других стран и народов. Критикуя отказ жителей древней Спарты от чужого правотворческого опыта, древнегреческий историк Геродот писал: «У лакедемонян были даже почти что самые дурные законы из всех эллинов, так как они не общались ни друг с другом, ни с чужеземными государствами»¹.

Сравнительно-правовой анализ уголовно-правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность за покушение на самоубийство и деяния, формирующие решимость совершения самоубийства, позволяет понять каким образом эту проблему на законодательном уровне пытаются решить в зарубежных странах, каковы тенденции развития этих уголовно-правовых норм, найти с одной стороны «слабые» места и пробелы отечественного законодательства, а с другой – более удачные приемы для его совершенствования.

Следует отметить, что попытки провести подобный анализ на уровне диссертационных исследований ранее уже предпринимались А.А. Цыркалюком², Д.И. Эльмурзаевым³, Е.К. Волконской⁴, однако вне поля зрения исследователей остались некоторые правовые системы Европы, Америки, Азии, Африки и ряда островных государств, уголовное законодательство которых не переведено на русский язык.

Сравнительно-правовой анализ норм уголовного законодательства стран мира позволяет разделить страны, устанавливающие уголовную ответственность за покушение подобные деяния на три группы. Критерием предложенного разграничения с философской точки зрения выступает предоставленная законодателем человеку степень свободы при принятии решения о возможности добровольного прекращения жизни («право на смерть»). В зависимости от того,

¹ Геродот. История (в девяти книгах). Л., 1972. С. 30.

² См.: Цыркалюк А. А. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства... 163 с.

³ См.: Эльмурзаев Д. И. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства : дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 162 с.

⁴ См.: Волконская Е. К. Предупреждение доведения до самоубийства... 193 с.

является ли «право на смерть» составной частью «права на жизнь», деяния, влекущие совершение самоубийства, законодателем отнесены или не отнесены к числу преступных. С уголовно-правовой точки зрения разграничение стран проводится по кругу субъектов преступления.

Первая группа стран – страны, где преступлением является как акты суицида, так и любые деяния, обуславливающие совершение самоубийства. Субъект преступления: 1) лицо, покушающееся на самоубийство, 2) любое лицо, в результате действий которого у другого лица формируется решимость совершить самоубийство или совершение самоубийства становится возможным. В странах этой группы человек лишен «права на смерть», «право на жизнь» в таких условиях становится уже не правом, а скорее «обязанностью жить», а сам человек является не субъектом, а объектом правоотношений. Уголовное законодательство этих стран является довольно консервативным, зачастую испытывает сильное влияние религиозных норм. Для государств этой группы присущи строгая уголовная ответственность за деяния, побуждающие к самоубийству и менее строгая за покушение на самоубийство.

Вторая группа стран – страны, где преступлением является любое деяние, побуждающее к самоубийству или способствующее ему. Субъект преступления – любое лицо, в результате противоправных действий которого у другого лица формируется решимость совершить самоубийство или совершение самоубийства становится возможным. Законодательство таких стран юридически не признает «право на смерть», однако не считает самоубийство правонарушением. Самоубийство в этих странах противоречит нормам нравственности и порицается обществом. К числу этих стран относится и Россия.

Третья группа стран – страны, где преступлением является деяние, побуждающее к самоубийству, однако деяния, способствующие совершению самоубийства, в определенных случаях не являются преступными. Субъект преступления – любое лицо, в результате противоправных действий которого у другого лица формируется решимость совершить самоубийство или не наделенное специальным правом лицо, в результате действий которого

совершение самоубийства становится возможным. Законодательство таких стран юридически признает «право на смерть» и реализация этого права осуществляется в соответствии с установленной законом процедурой.

Страны, входящие в первую группу, относятся к религиозно-нравственной правовой или смешанной системе (мусульманское право, индусское право, обычное право африканского континента), а страны, входящие во вторую и третью группы к англо-саксонской, романо-германской или смешанной правовым системам¹.

Среди стран, входящих в первую группу, единственной европейской страной, где сохранилась уголовная ответственность за покушение на самоубийство, является Республика Кипр. В соответствии со статьей 219 УК Республики Кипр² «Любое лицо, которое покушается на самоубийство, является виновным в «misdemeanor»³. Помощь в совершении самоубийства, побуждение или склонение к самоубийству, в соответствии со статьей 218 УК Республики Кипр, наказываются пожизненным лишением свободы.

В некоторых странах Африки и Азии, по-прежнему, существует уголовная ответственность за попытку самоубийства.

В соответствии со статьей 215 УК Республики Южный Судан⁴ «Кто бы ни пытался совершить какое-либо действие, направленное на совершение самоубийства, совершает преступление, которое наказывается лишением свободы на срок до 1 года или штрафом, либо и тем и другим». Подстрекательство к самоубийству влечет наказание до 10 лет лишения свободы или штраф, либо и то и другое, а если эти деяния совершены в отношении несовершеннолетнего, невменяемого лица или лица, находящегося в состоянии опьянения, —

¹ См. подробнее: Лазарева Н. Ю. Сравнительное уголовное право: Учебное пособие. Ростов н/Д., 2017. С. 16.

² Уголовный кодекс Республики Кипр [Электронный ресурс] // URL: http://www.sbaadministration.org/home/legislation/01_02_09_01_COLONIAL_CAPS_1959/01_02_01_04_Caps-125-175A/19600101_CAP154_u.pdf (дата обращения: 18.05.2017).

³ Согласно 35 Уголовному кодексу Республики Кипр «misdemeanor» - преступление, которое наказывается лишением свободы на срок не более двух лет или штрафом, не превышающим сто фунтов или тем и другим.

⁴ Уголовный кодекс Республики Южный Судан [Электронный ресурс] // URL: <http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/ss/ss014en.pdf> (дата обращения: 20.05.2017).

пожизненное лишение свободы или штраф, либо и то и другое (ст. ст. 213, 214 УК Республики Южный Судан).

Аналогичное наказание для лица, покушавшегося на самоубийство и лица, склонявшего к самоубийству, предусматривают статьи 216, 217 УК Объединенной Республики Танзания¹, статьи 305, 306, 309 УК Народной Республики Бангладеш², статья 325 УК Исламской Республики Пакистан³.

Уголовный кодекс Республики Уганда⁴, кроме уголовной ответственности за совершение покушения на самоубийство и побуждение к самоубийству, в статье 195 содержит понятие «пакт о самоубийстве». Под «пактом о самоубийстве» понимается соглашение между двумя или более лицами, целью которого является смерть каждого из них, независимо от того, кем именно будут совершены действия, направленные на лишение жизни каждого из участников соглашения. Причинение смерти одним лицом, участвовавшим в «пакте о самоубийстве», другому лицу, участвовавшему в этом пакте, является «непредумышленным убийством» и влечет наказания в виде пожизненного лишения свободы.

Аналогичное понимание «пакта о самоубийстве» характерно также для законодательства Республики Кения (статья 209 УК Республики Кения⁵), а также для некоторых уголовных законодательств заморских территорий Великобритании (статья 297 УК Бермудских Островов⁶, статья 187 УК Каймановых Островов⁷) и бывших британских колоний (статья 199 УК Республики Фиджи⁸).

¹ Уголовный кодекс Республики Танзания [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/TZA_penal_code.pdf (дата обращения: 21.05.2017).

² Уголовный кодекс Народной Республики Бангладеш [Электронный ресурс] // URL: http://bdlaws.minlaw.gov.bd/print_sections_all.php?id=11 (дата обращения: 23.05.2017).

³ Уголовный кодекс Исламской Республики Пакистан [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pakistani.org/pakistan/legislation/1860/actXLVof1860.html> (дата обращения: 24.05.2017).

⁴ Уголовный кодекс Республики Уганда [Электронный ресурс] // URL: <http://www.icla.up.ac.za/images/un/use-of-force/africa/Uganda/Penal%20Code%20Act%20Uganda%201950.pdf> (дата обращения: 26.05.2017).

⁵ Уголовный кодекс Республики Кения [Электронный ресурс] // URL: http://defensewiki.ibj.org/images/9/9d/Kenya_Penal_Code.pdf (дата обращения: 26.05.2017).

⁶ Уголовный кодекс Бермудских Островов [Электронный ресурс] // URL: [http://www.bermulalaws.bm/Laws/Consolidated%20Laws/Criminal %20Code%20 Act%201907.pdf](http://www.bermulalaws.bm/Laws/Consolidated%20Laws/Criminal%20Code%20Act%201907.pdf) (дата обращения: 29.05.2017).

⁷ Уголовный кодекс Каймановых Островов [Электронный ресурс] // URL: <http://www.gov.ky/portal/pls/portal/docs/1/11525775.PDF> (дата обращения: 29.05.2017).

⁸ Уголовный кодекс Республики Фиджи [Электронный ресурс] // URL: http://www.paclii.org/fj/legis/consol_act_OK/pc66 (дата обращения: 02.06.2017).

Вместе с тем, нельзя не отметить и происходящие в отдельных странах процессы, направленные на декриминализацию норм об уголовной ответственности за покушение на самоубийство, примером которого является Республика Индия.

В соответствии со статьей 309 Уголовного кодекса Республики Индия¹ «Тот, кто пытается совершить самоубийство и совершает любые действия, направленные на совершение этого преступления, наказывается лишением свободы на срок до одного года или штрафом, либо тем и другим одновременно».

Аналогичные нормы относительно покушения на самоубийство содержатся в статье 309 УК Малайзии².

Вместе с тем, в отдельных странах первой группы намечаются процессы гуманизации уголовного законодательства. Примером тому является Республика Индия³. Сторонники отмены статьи 309 УК Индии настаивают на том, что она является неоправданно жестокой, так как наказывает человека, который и без того пережил много страданий вследствие неудачной попытки самоубийства. Данный вопрос стал предметом рассмотрения в Верховном суде Бомбея и Верховном суде Республики Индии, которые пришли к выводу, «право на жизнь» означает нечто большее, чем простое выживание или животное существование и предполагает право жить с человеческим достоинством. Если человек имеет «право жить», значит, он имеет и «право не жить», так же как свобода слова включает в себя свободу хранить молчание, свобода собраний предполагает право не участвовать в каких-либо собраниях, свобода передвижения дает право не менять места жительства или пребывания, а свобода бизнеса позволяет не заниматься бизнесом⁴.

¹ Уголовный кодекс Республики Индия [Электронный ресурс] // URL: <https://indiankanoon.org/doc/1569253> (дата обращения: 11.06.2017).

² Уголовный кодекс Малайзии [Электронный ресурс] // URL: <http://www.agc.gov.my/agcportal/uploads/files/Publications/LOM/EN/Penal%20Code%20%5BAct%20574%5D2.pdf> (дата обращения: 05.06.2017).

³ См. подробнее: Рыжов Э. В. Уголовная ответственность за попытку самоубийства по уголовному законодательству Республики Индия... С.40–42.

⁴ См. Bombay High Court. Maruti Shripati Dubal vs State Of Maharashtra on 25 September, 1986 [Электронный ресурс] // URL: <https://indiankanoon.org/doc/490515/> (дата обращения 11.06.2017); Supreme Court of India. P.Rathinam vs Union Of India on 26 April, 1994 [Электронный ресурс] // URL: <https://indiankanoon.org/doc/542988/> (дата обращения: 11.06.2017).

Те же, кто настаивают на сохранении данной нормы, утверждают, что жизнь представляет ценность не только для её владельца, но и для государства, которое обязано её защищать. В обоснование этого они ссылаются на статью 21 Конституции Индии¹, устанавливающую запрет на лишение человека жизни иначе, как в порядке, установленном законом. Данную точку зрения изложил в 1996 году Верховный Суд Индии деле «Джан Каур против штата Пенджаб»². В 2011 году Верховный Суд Индии вновь вернулся к данному вопросу, однако пришел к противоположному решению, и, посчитав данную норму «анахронизмом», рекомендовал Парламенту Индии рассмотреть вопрос о её исключении из уголовного кодекса³.

До настоящего времени статья 309 УК Индии не отменена, однако на практике не применяется в связи с внесением 27.03.2017 Парламентом Индии изменений в «Билль о психиатрической помощи», а priori считающим попытку самоубийства проявлением психического заболевания: «Независимо от положений, содержащихся в статье 309 УК Индии, любое лицо, которое пытается совершить самоубийство презюмируется, если не доказано иное, страдающим психическим заболеванием в период совершения попытки самоубийства, и не несет уголовной ответственности за данное преступление»⁴.

Стремление к либерализации уголовного законодательства, обеспечению его согласованности с современными общечеловеческими представлениями о преступлении – с одной стороны и стойкое нежелание «расстаться» с уголовной ответственностью за покушение на самоубийство – с другой, побудили индийского законодателя ввести в законодательство весьма спорную как с медицинской, так и с правовой точек зрения презумпцию психического заболевания.

¹ Конституция Республики Индия [Электронный ресурс] // URL: <https://india.gov.in/my-government/constitution-india/constitution-india-full-text> (дата обращения 11.06.2017).

² Supreme Court of India. Smt. Gian Kaur vs The State Of Punjab on 21 March, 1996 [Электронный ресурс] // URL: <https://indiankanoon.org/doc/217501> (дата обращения: 11.06.2017).

³ См.: Press Information Bureau Government of India Ministry of Home Affairs [Электронный ресурс] // URL: <http://pib.nic.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=112967> (дата обращения: 11.06.2017).

⁴ The Mental Health bill. 2013 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.prsindia.org/administrator/uploads/general/1376983253~mental%20health%20care%20bill%202013.pdf> (дата обращения: 11.06.2017).

Учитывая, что в большинстве стран мира до конца XIX – начала XX веков существовала уголовная ответственность за покушение на самоубийство, которая в силу ослабления религиозных и усиления светских начал была отменена, справедливым будет предположить, что развитие уголовного законодательства в странах первой группы пойдет по тому же пути.

Уголовное законодательство стран второй группы криминализирует деяния, направленные на формирование у потерпевшего решения совершить самоубийство, и, в зависимости от способа совершения преступления и характеристики потерпевшего, устанавливает основные и квалифицированные составы преступлений.

В отличие от России и ряда стран ближнего зарубежья (Белоруссия, Армения, Кыргызстан, Туркменистан), входивших ранее в состав СССР, уголовное законодательство большинства стран дальнего зарубежья считает в одинаковой степени общественно опасными такие формы преступного воздействия на потерпевшего, как «доведение», «склонение», «побуждение», «подстрекательство», «пособничество», «содействие», «попустительство», «помощь», поэтому не разграничивает их детально.

В большинстве стран второй группы, уголовная ответственность за совершение рассматриваемых деяний предусмотрена одной, реже двумя, уголовно-правовыми нормами.

Применительно к таким странам следует говорить не о криминализации различных деяний, а о редукции, по сути, сходных между собой форм преступного воздействия к одному или двум понятиям. Объединение однородных, в одинаковой степени общественно опасных деяний в одну уголовно-правовую норму позволяет избежать криминализационной избыточности и облегчить правоприменение.

По этой причине ошибочным будет полагать, что в тех странах, где предусмотрена уголовная ответственность за склонение или побуждение к самоубийству, доведение самоубийства не является преступным, поскольку анализ законодательства этих стран позволяет судить о том, что в содержание терминов

«склонение» и «побуждение» входят и иные сходные формы воздействия на потерпевшего.

Формулируя уголовно-правовые нормы, законодатель некоторых стран, как первой, так и второй групп, пытается максимальным образом обобщить перечень возможных преступных деяний.

Так, например, в соответствии со статьей 127 УК Республики Болгария¹ «Кто каким бы то ни было способом окажет содействие или склонит другое лицо к самоубийству, и самоубийство или покушение на него последуют, наказывается лишением свободы до трех лет».

В соответствии со статьей 306 УК Республики Индия² «Если какое-либо лицо совершает самоубийство, то кто бы ни способствовал совершению такого самоубийства, наказывается лишением свободы на срок, который может быть продлен до десяти лет со штрафом».

Наибольшей жесткостью и наименьшей конкретизацией способов доведения до самоубийства отличается статья 299 УК Демократической Республики Шри-Ланка³, согласно которой «Если какое-либо лицо совершает самоубийство, то тот, кто содействует совершению такого самоубийства, наказывается смертью». Несмотря на предельно возможную суровость данной нормы о неспособности решить проблему самоубийств одними лишь уголовно-правовыми средствами говорит тот факт, что Шри-Ланка, по данным Всемирной Организации Здравоохранения, занимает первое место в мире по уровню самоубийств⁴.

Уголовно-правовые нормы законодательства других стран формулируют в рамках одной нормы перечень сходных или однородных деяний.

¹ Уголовный кодекс Республики Болгария [Электронный ресурс] // URL: <https://prostitution.procon.org/sourcefiles/BulgariaCriminalCode.pdf> (дата обращения: 15.06.2017).

² Уголовный кодекс Республики Индия [Электронный ресурс] // URL: <https://indiankanoon.org/doc/1569253> (дата обращения: 11.06.2017).

³ Уголовный кодекс Демократической Социалистической Республики Шри-Ланка [Электронный ресурс] // URL: http://hrlibrary.umn.edu/research/srilanka/statutes/Penal_Code.pdf (дата обращения: 14.06.2017).

⁴ Suicide rate estimates, age-standardized Estimates by country. World Health Organization [Электронный ресурс] // URL: <http://apps.who.int/gho/data/node.main.MHSUICIDEASDR?lang=en> (дата обращения 17.06.2017).

В соответствии со статьей 225 УК Республики Кения¹ «Любой человек, который: (а) доводит другого до самоубийства; (б) советует другому или побуждает другого совершить самоубийство; (с) помогает другому совершить самоубийство, подлежит пожизненному лишению свободы. Подобным образом данная норма сформулирована и в статье 222 УК Республики Ботсвана², статье 216 УК Республики Танзания³, статье 209 УК Республики Уганда⁴.

Согласно статье 50 УК Республики Зимбабве «Любое лицо, которое подстрекает, побуждает, помогает, консультирует или предоставляет средства для совершения самоубийства или покушения на самоубийство, зная, что другой человек намерен совершить самоубийство или понимая, что существует реальный риск или возможность его совершения, наказывается штрафом или пожизненным лишением свободы или тем и другим»⁵.

Подобная конструкция уголовно-правовой нормы наиболее распространена в мире, характерна для различных правовых систем и стран вне зависимости от уровня их развития.

В отдельных, довольно редких случаях, перечень содержащихся в уголовно-правовой норме преступных деяний является открытым.

Согласно статье 84 УК Турецкой Республики «Любое лицо, которое подстрекает, побуждает человека к совершению самоубийства, поддерживает решение человека совершить самоубийство или помогает ему совершить суицидальные действия в любой форме, наказывается лишением свободы на срок от двух до пяти лет».

В отдельных странах подобные деяния относятся к числу формальных преступлений, в других – к числу материальных.

¹ Уголовный кодекс Республики Кения [Электронный ресурс] // URL: http://defensewiki.ibj.org/images/9/9d/Kenya_Penal_Code.pdf (дата обращения: 17.06.2017).

² Уголовный кодекс Республики Ботсвана [Электронный ресурс] // URL: <http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/bw/bw012en.pdf> (дата обращения: 16.06.2017).

³ УК Республики Танзания [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/TZA_penal_code.pdf (дата обращения: 12.06.2017).

⁴ Уголовный кодекс Республики Уганда [Электронный ресурс] // URL: <http://www.icla.up.ac.za/images/un/use-of-force/africa/Uganda/Penal%20Code%20Act%20Uganda%201950.pdf> (дата обращения: 19.06.2017).

⁵ Уголовный кодекс Республики Зимбабве [Электронный ресурс] // URL: https://www.unodc.org/res/cld/document/zwe/2006/criminal_law_codification_and_reform_act_html/criminal_law_codification_and_reform_act.pdf (дата обращения: 18.06.2017).

К примеру, материальными составами такие деяния являются, как правило, в странах Европы.

В соответствии со статьей 191 УК Республики Румыния¹ «(1) Побуждение или содействие самоубийству лица, если самоубийство совершено, наказывается лишением свободы на срок не менее трех лет и не более семи лет».

В соответствии со статьей 144 УК Чешской Республики² «1. Тот, кто призывает другое лицо совершить самоубийство или оказывает помощь другому лицу в совершении самоубийства, приговаривается, если хотя бы покушение на самоубийство произошло, к лишению свободы на срок до трех лет».

В соответствии со статьей 223-13 УК Французской Республики³ «Подстрекательство другого человека к самоубийству наказывается тремя годами тюремного заключения и штрафом в размере 45 000 евро, если подстрекательство повлекло самоубийство или попытку самоубийства».

Согласно статье 151 УК Республики Польша⁴ «Кто путем уговоров или оказания помощи доводит человека до покушения на свою жизнь, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от трех месяцев до пяти лет».

Формальными подобные составы преступлений являются, как правило, в странах Африки и Азии.

Согласно статье 109 УК Белиза⁵ «Каждое лицо, которое подстрекает любое лицо к совершению самоубийства, независимо от того, совершено ли самоубийство на самом деле или нет, подлежит тюремному заключению на двадцать лет».

В некоторых странах уголовное законодательство содержит как формальные, так и материальные составы преступлений.

¹ Уголовный кодекс Республики Румыния [Электронный ресурс] // URL: <https://www.juridice.ro/wp-content/uploads/2014/12/Noul-cod-penal-EN.doc> (дата обращения: 19.06.2017).

² Уголовный кодекс Чешской Республики [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ejtn.eu/PageFiles/6533/Criminal%20Code%20of%20the%20Czech%20Republic.pdf> (дата обращения: 19.06.2017).

³ Уголовный кодекс Французской Республики [Электронный ресурс] // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=6D9FB5CDDD56014DAFF313673D62409C.tplgfr31s_1?idSectionTA=LEGISCTA000006165292&cidTexte=LEGITEXT000006070719&dateTexte=20171015 (дата обращения: 20.06.2017).

⁴ Уголовный кодекс Республики Польша [Электронный ресурс] // URL: https://www.imolin.org/doc/amlid/Poland_Penal_Code1.pdf (дата обращения: 21.06.2017).

⁵ Уголовный кодекс Белиза [Электронный ресурс] // URL: http://www.oas.org/juridico/mla/en/blz/en_blz-int-text-cc.pdf (дата обращения: 22.06.2017).

В соответствии со статьей 143 УК Испании¹ «1. Тот, кто побуждает другого к самоубийству, наказывается лишением свободы на срок от четырех до восьми лет.

2. Наказание в виде лишения свободы от двух до пяти лет назначается тому, кто оказывает помощь в совершении самоубийства.

3. То же деяние наказывается лишением свободы на срок от шести до десяти лет, если такое в результате такой помощи наступила смерть».

В соответствии со статьей 280 УК Республики Эритрея² «1. Лицо, которое из каких-либо корыстных или низменных мотивов, намеренно помогает, консультирует или подстрекает другое лицо совершить покушение на самоубийство, является виновным в пособничестве самоубийству и наказывается свободой на срок от одного года до трех лет.

2. В случае смерти лица, а также в тех случаях, когда человек, который пытался покончить жизнь самоубийством, заведомо для виновного был частично или полностью недееспособным, больным или малолетним, указанное в части первой лицо, наказывается лишением свободы на срок от трех до пяти лет».

Уголовно наказуемым в абсолютном большинстве изученных зарубежных стран, за исключением Франции, является только преступное воздействие, направленное на конкретное лицо.

Статья 223-14 УК Французской Республики устанавливает уголовную ответственность за «пропаганду или рекламирование каким бы то ни было способом товаров, предметов или методов в качестве средств причинения себе смерти», а статья 223-15 квалифицированный состав данного преступления – использование печатных или аудиовизуальных материалов.

Уголовное законодательство большинства стран мира предусматривает как простые, так и квалифицированные составы указанных преступлений. Квалифицирующими признаками, как правило, выступают: мотив совершения

¹ Уголовный кодекс Королевства Испания [Электронный ресурс] // URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=269097 (дата обращения: 24.06.2017).

² Уголовный кодекс Республики Эритрея [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/101051/121587/F567697075/ERI101051%20Eng.pdf> (дата обращения: 26.06.2017).

преступления, возраст, психическое или физическое состояние потерпевшего, наличие между потерпевшим и обвиняемым отношений зависимости.

Квалифицирующим признаком часто является несовершеннолетний и малолетний возраст потерпевшего (УК Болгарии, УК Румынии, УК Франции, УК Эритреи, УК Чехии), психическое заболевание потерпевшего (УК Чехии, УК Эритреи), недееспособность или ограниченная дееспособность потерпевшего (УК Болгарии, УК Румынии, УК Турции, УК Эритреи, УК Индии, УК Южного Судана) беременность женщины (УК Чехии), состояние опьянения потерпевшего (УК Индии, УК Южного Судана), материальная или иная зависимость потерпевшего от обвиняемого (УК Болгарии, УК Кыргызстана, УК Латвии, УК Таджикистана, УК Таиланда).

Уголовное законодательство некоторых стран не испытывает потребности в установлении квалифицированных составов преступлений, поскольку за простые устанавливает максимально возможно суровое наказание – смертная казнь или пожизненное лишение свободы (УК Шри-Ланки, УК Уганды, УК Танзании, УК Кении, УК Зимбабве, УК Ботсваны).

В некоторых странах криминализированы лишь квалифицированные формы деяний, побуждающих к самоубийству, например, в зависимости от мотива преступления.

В соответствии со статьей 225 УК Южно-Африканской Республики¹ «(1) Кто из корыстных или низменных побуждений подстрекает другое лицо совершить самоубийство, помогает ему в этом или содействует в этом, подлежит наказанию в виде простого лишения свободы на срок от одного года до пяти лет. (2) В тех случаях, когда лицо, совершившее самоубийство, является частично или полностью недееспособным или несовершеннолетним, наказанием является строгое лишение свободы на срок до десяти лет».

Уголовное законодательство Японии, устанавливая уголовную ответственность за действия, способствующие совершению самоубийства, ставит

¹ Уголовный кодекс Южно-Африканской Республики [Электронный ресурс] // URL: [http://hrlibrary.umn.edu/research/Penal%20Code %20\(English\).pdf](http://hrlibrary.umn.edu/research/Penal%20Code%20(English).pdf) (дата обращения: 28.06.2017).

его в один ряд с убийством по просьбе потерпевшего. Согласно статье 202 УК Японии¹ «Тот, кто подготовил человека к самоубийству или оказал ему помощь в самоубийстве или убил человека по его настоянию или с его согласия, наказывается лишением свободы с принудительным физическим трудом или тюремным заключением на срок от шести месяцев до семи лет».

Законодательство третьей группы стран при определенных условиях допускает содействие в совершении самоубийства со стороны наделенных специальным правом лиц. В этих странах законодательно разрешена активная эвтаназия. Однако любые действия, побуждающие к самоубийству, в этих странах являются преступными.

В настоящее время активная эвтаназия с помощью наделенных специальным правом лиц разрешена в кантоне Цюрих Швейцарии с 1941 года, Нидерландах с 2002 года, Бельгии с 2002 года, Люксембурге с 2009 года, Колумбии с 2015 года, Канаде с 2016 года, отдельных штатах США (Орегон с 1997 года, Вашингтон с 2008 года, Монтана с 2008 года, Вермонт с 2013 года, Калифорния с 2015 года, Колорадо с 2016 года, Вашингтон округ Колумбия с 2017 года), штате Мехико Мексики с 2017 года. Еще в ряде стран (Германия, Швеция, Испания, Албания, Израиль, Франция) разрешена пассивная эвтаназия, предполагающая возможность отключения тяжелобольного человека от аппаратов, искусственно поддерживающих жизнь, или отказа от оказания поддерживающего жизнь лечения.

Спрос на самоубийство в мире посредством активной эвтаназии породил такое явление, как суицидальный (эвтаназийный) туризм ², позволяющий Швейцарии, где разрешена активная эвтаназия не только для её граждан, но и для иностранцев, получать дополнительный доход.

Уголовное законодательство стран, допускающих эвтаназию, часто содержит об этом соответствующие оговорки. Так, в соответствии со статьей 241

¹ Уголовный кодекс Японии [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/PC.pdf> (дата обращения: 29.06.2017).

² См. подробно: В Цюрих за смертью [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1641753> (дата обращения: 29.06.2017).

УК Канады¹ «(1) Каждый виновен в преступлении и подлежит тюремному заключению на срок не более 14 лет, независимо от того, наступит ли самоубийство или нет, если он:

(а) советует человеку совершить самоубийство или подстрекает человека к совершению самоубийства;

(b) предоставляет средства для совершения самоубийства».

Вместе с тем, в соответствии с пунктами 2 – 5 этой статьи УК Канады данные действия не образуют состава преступления в том случае, если они совершены с целью оказания медицинской помощи врачом, медсестрой, фармацевтом, социальным работником, психологом, любым другим медицинским работником или лицом, оказывающим им помощь, либо любым другим лицом, которое действовало по просьбе совершившего самоубийство лица с целью оказания ему содействия в самостоятельном приеме вещества, назначенного в рамках оказания медицинской помощи.

В соответствии со статьей 293 УК Нидерландов² «1. Любое лицо, которое прекращает жизнь другого человека в соответствии с выраженной им настоятельной и убедительной просьбой, подлежит тюремному заключению на срок не более двенадцати лет или штрафу пятой категории.

2. Деяние, указанное в части первой не подлежит наказанию, если оно совершено врачом в соответствии с требованиями закона о самоубийстве».

Уголовное законодательство Люксембурга не содержит норм, предусматривающих ответственность за действия, побуждающие к самоубийству, поэтому оговорка о правомерном характере эвтаназии содержится после статьи 397 УК Люксембурга³, устанавливающей уголовную ответственность за убийство.

В соответствии со статьей 397-1 УК Люксембург «Не подвергается ответственности в соответствии с настоящей статьей врач, выполнявший просьбу

¹ Уголовный кодекс Канады [Электронный ресурс] // URL: <http://laws.justice.gc.ca/eng/acts/C-46/page-53.html#h-78> (дата обращения: 30.06.2017).

² Уголовный кодекс Королевства Нидерланды [Электронный ресурс] // URL: http://www.ejtn.eu/pagefiles/6533/2014%20seminars/omsenie/wetboekvanstrafrecht_eng_pv.pdf (дата обращения: 30.06.2017).

³ Уголовный кодекс Великого Герцогства Люксембург [Электронный ресурс] // URL: <http://data.legilux.public.lu/file/eli-etat-leg-code-penal-2017-04-01-fr-pdf.pdf> (дата обращения: 29.06.2017).

об эвтаназии или о помощи в самоубийстве, при соблюдении условий, указанных в законе от 16 марта 2009 года об эвтаназии и помощи в самоубийстве».

Следует отметить, что в России в соответствии со статьей 45 Федерального закона от 21.11.2011 №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹ медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, то есть ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента.

В отдельных странах уголовное законодательство не содержит норм, устанавливающих уголовную ответственность за деяния, побуждающие к совершению самоубийства (УК Республики Корея², УК ФРГ³, УК Королевство Бельгия⁴, УК Королевства Дания⁵). Однако данная проблема решается посредством установления уголовной ответственности за убийство по просьбе потерпевшего.

Проведённый сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства отдельных стран позволяет судить о следующих тенденциях.

1. Уголовное законодательство большинства рассмотренных государств не проводит различий между сходными формами преступного воздействия на потерпевшего, направленными на формирование у него решимости совершить самоубийство (доведение, склонение, побуждение, подстрекательство, пособничество, содействие, попустительство, помощь), оценивая их в равной степени общественно опасными.

Отечественное уголовное законодательство придерживается иной позиции и в качестве самостоятельных составов преступления выделяет: доведение до

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

² Уголовный кодекс Республики Корея [Электронный ресурс] // URL: [http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241816&subID=100098555, 100098556, 100098560, 100098654, 100098695](http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241816&subID=100098555,100098556,100098560,100098654,100098695) (дата обращения: 30.06.2017).

³ Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия [Электронный ресурс] // URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733&subID=100102942,100102944,100103623> (дата обращения: 29.06.2017).

⁴ Уголовный кодекс Королевства Бельгия [Электронный ресурс] // URL: [http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242695&subID=100102127, 100102129](http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242695&subID=100102127,100102129) (дата обращения: 30.06.2017).

⁵ Уголовный кодекс Королевства Дания [Электронный ресурс] // URL: [http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241524&subID=100096345, 100096366,100096658,100097295#text](http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241524&subID=100096345,100096366,100096658,100097295#text) (дата обращения: 28.06.2017).

самоубийства, склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства. Обилие подобных норм в российском уголовном праве может усложнить правоприменение.

2. Дифференциация уголовного наказания за совершение такого рода деяний в большинстве государств осуществляется в зависимости от квалифицирующих признаков (мотив преступления, возраст, психическое или физическое состояние потерпевшего, наличие отношений зависимости) или от наступления общественно опасных последствий в виде самоубийства или покушения на самоубийство.

Уголовный кодекс Российской Федерации в статьях 110 «Доведение до самоубийства» и 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» предусматривает, в целом, сходный перечень квалифицирующих признаков.

3. Уголовное законодательство всех изученных государств, за исключением Франции, где установлена ответственность за пропаганду или рекламирование товаров, предметов или методов совершения самоубийства, предусматривает ответственность за преступное воздействие на конкретное лицо с целью побудить его к совершению самоубийства.

Статья 110² Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает уголовную ответственность за преступное воздействие в отношении неопределенного круга лиц – организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства.

4. Прослеживается тенденция к постоянному увеличению числа стран, где декриминализована помощь в совершении самоубийства путем активной эвтаназии. Однако не во всех случаях мнение общества по данному поводу является единодушным – Великий Герцог Люксембургский в связи с отказом подписать закон, легализовавший эвтаназию, был лишен права налагать вето на законопроекты, после чего соответствующий закон был принят¹, а в Цюрихе

¹ См., напр.: В Люксембурге узаконили эвтаназию [Электронный ресурс] // URL: <https://pravo.ru/interpravo/news/view/9123> (дата обращения: 24.06.2017).

(Швейцария) возможность существования эвтаназии обсуждалась на референдуме¹.

Как справедливо отмечает Ю.А. Чернышева, «законодательная мысль медленно, но движется по направлению к легализации эвтаназии, и узаконение в некоторых государствах помощи при умирании является первым шагом на пути, своеобразным компромиссом, которого могут попробовать достичь сторонники и противники эвтаназии»².

В России эвтаназия в любой форме законодательно запрещена, а содействие совершению самоубийства, независимо от того кем и по каким мотивам совершено, образует состав преступления, предусмотренного частями 2 – 6 статьи 110¹ УК РФ.

Таким образом, на современном этапе своего развития российское законодательство, пытаясь вести борьбу с самоубийствами, идет путем криминализации новых форм антиобщественного поведения, значительного увеличения числа составов преступлений и квалифицирующих признаков, ужесточения наказания. Об этом свидетельствует и тот факт, что количество уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за деяния, побуждающие к самоубийству или создающие условия для его совершения, содержащихся в Уголовном кодексе Российской Федерации, существенно больше, чем количество таких норм в любом из изученных в ходе настоящего исследования зарубежных уголовных кодексов.

¹ См., напр.: В Цюрих за смертью [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1641753> (дата обращения: 20.06.2017).

² Чернышева Ю. А. Причинение смерти лицу по его просьбе... С. 63.

Глава 2 Уголовно-правовая характеристика доведения до самоубийства и его сравнение со смежными составами преступлений

2.1 Проблемные вопросы конструирования объективных признаков основного состава доведения до самоубийства

Прежде, чем перейти к анализу в рамках настоящей главы признаков доведения до самоубийства, полагаем необходимым отметить, что целью настоящего исследования не является всеобъемлющее теоретическое осмысление каждого из аспектов этого преступления, поскольку это ранее уже сделано множеством авторов¹. Целесообразно, на наш взгляд, сосредоточить внимание на проблемах, с которыми сталкивается наука уголовного права и правоприменитель при анализе состава преступления, и попытаться найти пути их решения.

Анализ любого состава преступления принято начинать с исследования объекта преступления, поскольку структура Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, а именно объединение составов преступлений в разделы и главы, обусловлена классификацией преступлений в зависимости от объекта преступного посягательства.

Согласно традиционной точке зрения объектом преступления являются «общественные отношения, охраняемые уголовным законом, на которые посягает виновное лицо с целью причинения им вреда»².

В зависимости от степени общности охраняемых уголовным законом отношений можно выделить четыре вида объектов преступления: общий, родовой, видовой и непосредственный, а по степени значимости охраняемых общественных отношений для квалификации конкретного преступления выделяются основной, дополнительный и факультативный³.

¹ См., напр.: Волконская Е. К. Предупреждение доведения до самоубийства... 193 с., Уколова А. Ю. Проблемы квалификации доведения до самоубийства... 219 с., Цыркалюк А. А. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства... 163 с., Чукаева Н. Г. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или доведения до самоубийства (проблемы законодательного регулирования) : дисс.... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. 159 с.; Эльмурзаев Д. И. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства... 162 с.

² Объект преступления : учебное пособие / А. Н. Попов, Л. С. Аистова. СПб., 2014. С. 9.

³ См.: Уголовное право. Общая часть: учебник / Под общ. ред. А. И. Баstryкина. М., 2017. С. 55–56.

В связи с этим, и учитывая то обстоятельство, что преступление, предусмотренное статьей 110 УК РФ, находится в главе 16 «Преступления против жизни и здоровья» раздела VII «Преступления против личности» УК РФ, справедливо предположить, что родовым объектом данного преступления являются общественные отношения, охраняющие личность, видовым – жизнь и здоровье человека, непосредственным – жизнь конкретного человека.

Вместе с тем, по данному вопросу существует ряд альтернативных точек зрения.

Дискуссионным остается вопрос о том, что представляет собой личность. Согласно одной точке зрения понятия «личность» и «человек» применительно к уголовному закону различаются по объему. По мнению Д.И. Эльмурзаева, понятие «человек» шире, чем понятие «личность», поскольку последнее является социальным свойством человека, поэтому родовым объектом данного преступления автор предлагает считать «неотъемлемые блага, обеспечивающие возможность его жизнедеятельности», видовым – «жизнь и здоровье человека», а непосредственным – «право человека на жизнь»¹. По мнению названного автора, совершить самоубийство может лишь человек, степень социализации которого достигла того уровня, когда его сознание способно воспринимать такое сложное понятие, как смерть, а поскольку личностями не рождаются, а становятся, однозначно решить вопрос о возрасте, в котором обнаруживается проявление личности, невозможно².

Согласно другой точке зрения, предложенной Ю.А. Уколовой, объектом преступного посягательства выступает жизнь человека, достигшего определенного физиологического возраста, позволяющего ему самостоятельно совершать физические действия, направленные на лишение себя жизни³. В результате указанных размышлений автор приходит к выводу о том, что непосредственным объектом преступления являются общественные отношения по

¹ См.: Эльмурзаев Д. И. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства... С. 73–75.

² См.: Там же. С. 81.

³ См.: Уколова Ю. А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства... С. 89.

поводу охраны жизни психически здорового человека, который физически способен выполнить действия, направленные на лишение себя жизни¹.

На наш взгляд, нельзя согласиться с исключением из числа непосредственных объектов этого преступления психически нездоровых людей или «лиц, не достаточно развитых, как личности», тем более что юридических критериев личности не существует. В настоящее время уголовный закон позволяет сделать вывод о том, что уголовно-правовой охране от данного преступного посягательства подлежат лица вне зависимости от возраста и психического состояния. Такой вывод следует из смысла пункта «в» части второй статьи 110 УК РФ, поскольку законодатель отнес к числу потерпевших «лиц, заведомо для виновного находящихся в беспомощном состоянии», под которыми в судебной практике понимаются как малолетние дети, так и психически больные лица. Если же лицо не в состоянии самостоятельно совершить самоубийство, то не будет и доведения до самоубийства.

Оригинальную точку зрения на проблему объекта преступления предложил В.Ш. Аюпов, полагающий, что преступление, предусмотренное статьей 110 УК РФ, является двуобъектным и его непосредственными объектами являются жизнь и человеческое достоинство, так как указанное преступление посягает, в том числе, и на право выбора индивидом варианта поведения – остаться живым или покончить жизнь самоубийством. Виновный, по мнению автора, избирает такие способы психологического воздействия на потерпевшего, которые заведомо для него сыграли бы решающую роль в предпочтении осуществить потерпевшим выбор лишить себя жизни (оскорбления, вульгарно-уничижительные интерпретации, его человеческих качеств и другие подобные действия)².

Недостатком данной трактовки объекта преступления следует признать возможность совершения преступления только с прямым умыслом, что, не позволит охватить действием уголовного закона значительную часть реально совершаемых преступных посягательств. Целенаправленное воздействие на

¹ Уколова Ю. А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства... С. 89.

² См.: Аюпов В.Ш. К вопросу об объекте доведения до самоубийства // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 125–126.

потерпевшего с целью принятия им решения о самоубийстве исключает любую другую форму вины, кроме прямого умысла.

В связи с этим, основным непосредственным объектом данного преступления, по нашему мнению, следует считать общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни человека, а потерпевшим – любое физическое лицо.

Вместе с тем, данное преступление посягает не только на жизнь человека, вред данным преступлением может причиняться и другим общественным отношениям, что позволяет говорить о наличии дополнительного непосредственного объекта.

Исходя из способов совершения преступления, перечисленных в части первой статьи 110 УК РФ (угрозы, жесткое обращение и систематическое унижение человеческого достоинства), дополнительными непосредственными объектами этого преступления являются здоровье, честь и достоинство лица, совершившего самоубийство.

Под здоровьем в соответствии со статьей 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» понимается состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма.

Легальные определения чести и достоинства отсутствуют, поэтому следует обратиться к доктринальным определениям.

Так, К.В. Безроднова предлагает под честью понимать социальную оценку соответствия личности социальным нормам, обусловленную уровнем развития экономической, политической и духовной сфер жизни общества, а также с учетом иерархии ценностей на конкретном этапе его исторического развития¹.

Под достоинством тот же автор понимает «внутреннюю оценку личности, осознание ею собственных личных качеств, способностей, мировоззрения,

¹ См.: Безроднова К. В. Честь и достоинство как теоретико-правовые понятия (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 102.

выполненного долга и своего общественного значения, а также ощущение своей ценности как человека вообще (человеческое достоинство), как конкретной личности (личное достоинство), как представителя определенной социальной группы или общности (к примеру, профессиональное достоинство), ценности самой этой общности (к примеру, национальное достоинство)»¹.

При проведении юридического анализа указанного состава преступления следует выделить предмет преступления, то есть «конкретный материальный объект, в котором проявляются определенные стороны, свойства общественных отношений (объекта преступления), путем физического и психического воздействия на который причиняется социально опасный вред в сфере этих общественных отношений»².

В науке уголовного права существуют две точки зрения относительно предмета преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ.

Так, по мнению Н.Г. Чукаевой³, разделяемому нами, предметом преступного посягательства в доведении до самоубийства является как тело потерпевшего, так и его психика, поскольку при доведении до самоубийства воздействие производится на тело (физическое воздействие) и на психику (психическое воздействие) человека.

По мнению же А.А. Цыркалюка⁴, предметом данного преступления выступает психика человека.

Если же придерживаться той точки зрения, что предметом данного преступления является только психика человека, то придется признать, что доведение до самоубийства может быть совершено только с прямым умыслом. Представляется, что воздействовать на психику человека с целью совершения им самоубийства возможно только предвидя возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде смерти и желая их наступления, что, как указывалось ранее, неоправданно сужает действие

¹ Безроднова К. В. Честь и достоинство как теоретико-правовые понятия... С. 102–103.

² Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления. Издание профессора Малинина. 2-е изд. СПб., 2010. С. 192.

³ См.: Чукаева Н. Г. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство... С. 60.

⁴ См.: Цыркалюк А. А. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства... С. 31–32.

уголовно-правовой нормы. Кроме того, предусмотренный статьей 110 УК РФ способ совершения преступления – жестокое обращение, как правило, предполагает применение физического насилия к потерпевшему, то есть непосредственное болевое воздействие на тело потерпевшего.

Правильное определение объекта и предмета преступления имеет существенное значение для установления наличия или отсутствия совокупности преступлений, поскольку одни и те же действия (применение физического насилия, угрозы) могут либо быть как частью объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ, так и образовывать самостоятельные составы преступлений, в которых объектом преступления является здоровье человека (ст. ст. 115, 117, 119 УК РФ).

Анализ судебной практики свидетельствует о наличии ошибок при определении объекта преступления, предусмотренного статей 110 УК РФ. Судами, порой, неверно проводится разграничение между такими объектами, как жизнь и здоровье человека.

Примером тому является приговор Красноармейского районного суда Чувашской Республики от 09 июня 2016 года по делу № 1-А-15/2016¹, в соответствии с которым Филиппов В.Г. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 110, ч. 1 ст. 117 УК РФ.

Судом установлено, что Филиппов В.Г., в течение трех дней, находясь в состоянии алкогольного опьянения по месту жительства, в ходе устраиваемых им скандалов наносил своей жене Ф. удары головой по лицу, удары руками и ногами по различным частям тела, чем причинил ей телесные повреждения, не расценивающиеся как вред здоровью, а также физические и психические страдания. В результате указанных действий, расцененных судом как жестокое обращение, Филиппов В.Г. довел потерпевшую до покушения на самоубийство. Потерпевшая с целью самоубийства употребила большое количество

¹ Государственная информационная система «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 23.11.2018).

лекарственных препаратов, однако её смерть не наступила по независящим от неё причинам – ввиду оказания медицинской помощи.

Действия подсудимого, по мнению суда, образуют совокупность преступлений, предусмотренных статьёй 110 и частью статьи 117 УК РФ, тогда как, на наш взгляд, указанные действия охватываются только статьёй 110 УК РФ.

В данном случае имеет место конкуренция части и целого по объекту преступления, когда один объект преступления (применительно к статье 117 УК РФ – здоровье) является составной частью другого (применительно к статье 110 УК РФ – жизнь), поэтому подлежит применению норма, которая более полно предусматривает объект преступного посягательства, то есть статья 110 УК РФ. К тому же санкция части 1 статьи 117 УК РФ является менее строгой, чем санкция части 1 статьи 110 УК РФ.

В доведении до самоубийства объектом преступления всегда является жизнь человека, при ином объекте преступного посягательства и преступление будет иным.

По данному поводу С.В. Бородин обоснованно отметил, что в том случае, если самоубийство, совершается в результате причинения побоев, нанесения телесных повреждений, истязания, систематических оскорблений, такое деяния надлежит квалифицировать только по ст. 110 УК без применения других, соответствующих перечисленным деяниям статей Уголовного кодекса Российской Федерации, поскольку, они теряют значение самостоятельного состава и оказываются лишь этапом доведения до самоубийства¹.

Несмотря на то, что данные вопросы прекрасно исследованы учеными-теоретиками, в практической сфере они, по-прежнему, вызывают проблемы. Так, из 57 изученных нами судебных актов (приговоров, постановлений и определений судов всех уровней), где установлена вина подсудимого в совершении преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, в 17 случаях (или более 1/4) подсудимые, наряду с признанием их виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, были признаны виновными еще и в совершении

¹ См.: Бородин С. В. Преступления против жизни. СПб., 2003. С. 301.

преступлений, предусмотренных ст. ст. 115, 116, ч.1 ст.117 УК РФ, то есть менее тяжких преступлений. Причем вмененные в вину указанным лицам побои, истязания и факты умышленного причинения легкого вреда здоровью были воплощением наиболее распространенного из указанных в диспозиции статьи 110 УК РФ способов доведения до самоубийства – жестокого обращения.

Объективная сторона в уголовном праве представляет собой совокупность объективных признаков, характеризующих внешнюю сторону общественно опасного деяния, его последствия и причинную связь между ними.

По конструкции объективной стороны доведение до самоубийства относится к числу формально-материальных составов.

Объективную сторону преступления образуют следующие юридически значимые признаки: основные – общественно опасное деяние в форме действия или бездействия, общественно опасные последствия, причинная связь между деянием и наступившими последствиями, а также факультативные – способ совершения преступления, обстоятельство места совершения преступления, обстоятельство времени совершения преступления, орудие преступления, средство совершения преступления, обстановка совершения преступления.

Предусмотренные статьей 110 УК РФ способы доведения до самоубийства свидетельствуют о том, что данное преступление, как правило, совершается в форме действия, поскольку ни в одном из изученных нами приговоров судов не было описано преступления, совершенного в форме бездействия. Однако исключать бездействие, как форму выражения объективной стороны, не следует, поскольку таковое может проявляться в «бездействии лиц, обязанных иметь заботу о другом лице (родители в отношении малолетних детей, дети в отношении нетрудоспособных родителей и т.п.)»¹. Бездействие может выражаться в необеспечении потерпевшего предметами одежды, лекарствами, продуктами питания или жильем.

¹ Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / Под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016. С. 352.

При этом, по нашему мнению, если преступное действие может выражаться в форме угроз, жестокого обращения и систематического унижения человеческого достоинства, то бездействие – лишь в форме жестокого обращения.

Анализ судебной практики свидетельствует, что термины «угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства» в зависимости от ситуации могут наполняться различным содержанием. Как справедливо отмечает Ю.А. Уколова, «в законе не даны конкретные формы проявления преступного деяния вовне, не даны используемые преступником конкретные приемы и методы для реализации преступного намерения. Законодатель по существу объединяет способы доведения до самоубийства в три большие группы, каждая из которых болезненно воздействует на конкретную область человеческих чувств»¹.

Однако такой подход устраивает не всех исследователей. Так, например, Н.Г. Чукаева полагает необходимым «в целях более действенной защиты жизни человека определить по возможности исчерпывающий перечень способов доведения до самоубийства»², указывая в качестве еще одного из способов доведения до самоубийства, оставшегося без внимания законодателя, криминальный гипноз³.

Полагаем, что перечень указанных в норме способов доведения до самоубийства расширять или конкретизировать не просто нет никакой необходимости, но, более того, этот процесс может иметь негативные последствия, порождать казуистику.

Рассуждая о проблемах юридической конкретизации В.М. Баранов верно отметил, что «совершенство того или иного юридического феномена имеет меру, превышение которой делает его нефункциональным»⁴, а «конкретизация способна

¹ Уколова А. Ю. Проблемы квалификации доведения до самоубийства... С. 109.

² Чукаева Н. Г. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство... С. 65.

³ См.: Там же. С. 75.

⁴ Баранов В. М. Правотворческая конкретизация: негативный ракурс // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2 (26). С. 14.

«уничтожить» при неправильном применении саму суть некоторых юридических феноменов»¹.

Примеров чересчур детальной, даже избыточной, по нашему мнению, конкретизации в Уголовном кодексе Российской Федерации имеется в достатке².

Объясняя естественный и неизбежный характер несовершенства созданных человеком законов, выдающийся немецкий философ XX века Х.-Г. Гадамер писал: «Существует неизбежное напряжение между законом и конкретностью практического действия, поскольку всякий закон носит всеобщий характер и потому не может охватить практическую действительность во всей ее конкретности»³.

Возвращаясь к названному выше аргументу о необходимости криминализации гипноза, как способа доведения до самоубийства, следует отметить, что применение данного средства воздействия на психику человека с целью побудить его к совершению самоубийства вполне укладывается в рамки состава преступления, предусмотренного частью 1 статьи 110¹ УК РФ (Склонение к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства).

Как упоминалось ранее, уголовный закон предполагает три способа доведения до самоубийства и первый из них – угрозы.

Слово «угроза», согласно словарю русского языка Д.Н. Ушакова, означает обещание причинить кому-нибудь или чему-нибудь какую-нибудь неприятность, зло; опасность, возможность возникновения чего-нибудь неприятного, тяжкого⁴.

Уголовный закон не конкретизирует ни форму выражения угроз, ни содержание, ни какие-либо иные их признаки, что позволяет заключить, что данные факторы не влияют на признание или непризнание деяния преступным.

¹ Там же. С. 19.

² Примерами избыточной конкретизации уголовно-правовых норм, по нашему мнению, могут быть статьи 159¹ - 159⁶ УК РФ.

³ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М., 1988. С. 376.

⁴ См.: Толковый словарь русского языка Ушакова Д. Н. [Электронный ресурс] // URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=79374> (дата обращения: 26.11.2018).

Не указано также в законе и на то, должны ли угрозы предполагать совершение противоправных действий и должны ли они быть реальными.

Анализируя этот способ совершения преступления, авторы Комментария к Уголовному кодексу Российской Федерации под редакцией А.И. Чучаева под угрозами применительно к доведению до самоубийства предлагают понимать «такое психическое воздействие на потерпевшего, которое способно побудить его к совершению самоубийства»¹. При этом данные угрозы могут выражаться в «угрозах причинить смерть, вред здоровью, разгласить компрометирующие потерпевшего сведения, лишить свободы, пищи, крова, средств к существованию, уничтожить имущество и т.п. Форма выражения угрозы (устная, письменная, конклюдентные действия) на квалификацию не влияет»². Аналогичной позиции придерживаются и другие ученые³.

Размышляя по данному поводу, Л.Л. Кругликов делает еще два принципиально важных дополнения: угроза должна быть противоправной (угроза насилием, незаконным выселением, распространением сведений интимного характера) и реальной, то есть создающей опасность его правам и законным интересам⁴. Кроме того, на наш взгляд, угрозы должны вызывать у потерпевшего чувство безысходности и невозможности дальнейшего существования, при этом угрозы могут быть высказаны как в отношении самого потерпевшего, так и в отношении его родных и близких.

Следующая характеристика угроз, как способа доведения до самоубийства, вызывающая споры и трудности в процессе правоприменения, – это их количество. Достаточно ли для признания посягательства преступным однократного выражения угрозы или необходимо, чтобы угрозы повторялись неоднократно?

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / Под ред. А. И. Чучаева. М., 2019. С. 484.

² Там же.

³ См., напр., Уголовное право. Особенная часть : Учебник. Издание второе исправленное и дополненное / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Иногамовой-Хегай, д-ра юрид. наук, проф. А. И. Рарога, д-ра юрид. наук, проф. А. И. Чучаева. М., 2008. С. 60.

⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (2-е издание, исправленное, переработанное и дополненное) / Под ред. А. И. Чучаева. М., 2010 [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

Согласно одной из точек зрения в диспозиции статьи 110 УК РФ термин «угрозы» употреблен во множественном числе, что свидетельствует о том, что для них должна быть характерна неоднократность и длительность выражения.

Так, Г.Н. Борзенков пишет: «Для признания угрозы способом доведения до самоубийства имеет значение не только ее содержание, но и повторяемость, продолжительность. Даже незначительная угроза может довести потерпевшего до самоубийства, если принимает характер травли. С другой стороны, не всякая угроза, однократно высказанная, даже серьезная по содержанию, может рассматриваться как способ доведения до самоубийства. Не случайно в ст. 110 УК РФ говорится об угрозах во множественном числе»¹. Подобной точки зрения придерживаются и ряд других ученых².

Согласно другой точке зрения «угрозы могут быть как неоднократными, так и носить единичный характер»³.

На наш взгляд, вторая точка зрения является более убедительной, что далее будет проиллюстрировано на конкретном примере. Употребление термина «угрозы» во множественном числе свидетельствует не о том, что угрозы должны повторяться, а о том, что угрозы могут приобретать разные формы выражения, иными словами «угрозы» предполагают не количественную, а качественную характеристику. Главное для угрозы не множественный характер и не систематичность выражения, а способность реально напугать или, выражаясь словами И.Я. Фойницкого, «угроза должна быть настолько значительна, чтобы возбудить в угрожаемом какое-нибудь опасение, страх»⁴. Употребление в статье 110 УК РФ существительного «угрозы» во множественном числе не исключает однократную угрозу, также как употребление существительного «побои» в статьях 116, 116¹ УК РФ не исключает из числа преступных однократные акты физического насилия.

¹ Борзенков Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья: Учебно-практическое пособие. М., 2005. С. 100.

² См., напр.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 13-е издание, перераб. и доп. / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2013 [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А. И. Рарог. М., 2004 [Электронный ресурс]: СПС «Гарант».

⁴ Фойницкий И. Я. Уголовное право. Посягательства личные и имущественные. 5-е издание. СПб., 1907 [Электронный ресурс]: СПС «Гарант».

Приведем лишь один неудачный, на наш взгляд, пример трактовки термина угрозы.

Приговором Первомайского районного суда города Ижевска Республики Удмуртия от 08 июля 2015 года по делу № 1-231/15¹ Блатинов А.Л. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч.2 ст.163 УК РФ, и оправдан по ст.110 УК РФ.

Судом установлено, что в период времени с 15 часов до 23 часов 30 минут <дата изъята> Блатинов А.Л., находясь в состоянии алкогольного опьянения в коммунальной квартире, взломав входную дверь в комнату потерпевшего <Ф.И.О. изъята>, нанес ему не менее двух ударов металлической тростью по голове и потребовал передать 400 тысяч рублей в качестве оплаты надуманного карточного долга, а затем вновь нанес потерпевшему не менее двух ударов кулаками по телу, потребовав от него предоставить запрошенную им денежную сумму. Опасаясь за свою жизнь и здоровье, потерпевший передал Блатинову А.Л. банковскую карту и сообщил пин-код. Блатинов А.Л. пошел к банкомату и попытался снять денежные средства с банковской карты потерпевшего, однако по причине неверно сообщенного пин-кода не смог это сделать. Затем Блатинов А.Л., вернувшись в коммунальную квартиру, вновь нанес потерпевшему не менее одного удара металлической тростью по голове и один удар кулаком по телу и потребовал передать ему 400 тысяч рублей, либо в случае обмана выпрыгнуть из окна квартиры. Потерпевший сообщил Блатинову А.Л. другую комбинацию цифр пин-кода от банковской карты. Блатинов А.Л. повторно попытался снять денежные средства в банкомате, однако пин-код был неверным. Блатинов А.Л., вернувшись в очередной раз в комнату потерпевшего, увидел, что тот залез на подоконник и выпрыгнул из окна, в результате чего погиб.

Оправдывая Блатинова А.Л. по статье 110 УК РФ, суд, в том числе, пришел к выводу, что «угроза со стороны подсудимого в виде фразы «если пин-код неверный – можешь прыгать в окно» не образует угрозы во множественном числе

¹ Государственная информационная система «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 27.11.2018).

в составе статьи 110 УК РФ, так как единичный случай угрозы со стороны виновного еще не является основанием для вменения ст. 110 УК РФ». Вместе с тем, при аналогичных обстоятельствах, интерпретируемых судами противоположным образом, выносятся и обвинительные приговоры¹.

Следующим способом доведения до самоубийства является жестокое обращение.

Ни уголовный закон, ни большинство ученых не дают определения жестокого обращения. Например, Н.С. Таганцев считал, что оценку жестокости деяния может дать лишь суд с учетом конкретной ситуации. «Само понятие жестокого обращения, – пишет он, – не определяется законом и должно обнимать собою как физические, так и нравственные истязания и мучения, ускользающие от мертвых определений закона, и констатируемые только присяжными, могущими обнять данные конкретные факты во всей их полноте и целостности»².

В современной научной и научно-практической литературе, как правило, раскрывается содержание этого понятия через перечисление деяний, в которых оно выражается.

«Жестоким обращением могут быть признаны, в частности, незаконное лишение свободы, незаконное помещение в психиатрический стационар, понуждение к действиям сексуального характера, лишение пищи, жилья, работы, ущемление иных прав потерпевшего»³.

«Жестокое обращение с потерпевшим выражается в нанесении ему побоев, истязании, причинении телесных повреждений, лишении его пищи, тепла, жилья, ограничении свободы и т.п.»⁴.

«Жестокое обращение есть различные формы воздействия на потерпевшего, характеризующиеся крайней степенью негуманности, бессердечия,

¹ См. подробнее: Рыжов Э. В. Проблемы определения способа совершения преступления, предусмотренного статьей 110 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2017. № 3. С. 82–85.

² Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. Т. 2... С. 445.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 13-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2013 [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Уголовное право. Особенная часть: Учебник. Издание второе исправленное и дополненное / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Иногамовой-Хегай, д-ра юрид. наук, проф. А. И. Рарога, д-ра юрид. наук, проф. А. И. Чучасва. М., 2008. С. 60.

безжалостности: умышленное причинения вреда здоровью различной степени тяжести, побои, истязания, изнасилование, понуждения к действиям сексуального характера, ограничение или лишение свободы, незаконное помещение в психиатрический стационар, принуждение к тяжелому физическому труду и т.п.»¹.

Исходя из предложенного содержания данного термина, напрашивается вывод, что жестокое обращение может быть как множественными деяниями, так и единичным деянием, однако во всех случаях это деяние (деяния) должно иметь противоправный характер.

Изученные материалы судебной практики свидетельствуют о том, что отсутствие определения термина «жестокое обращение» может вызвать трудности.

Приговором Тракторозаводского районного суда города Челябинска от 25 июня 2015 года² по делу № 1-86/2015 Сисангулов Р.С. оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ, и признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.115 УК РФ.

Из приговора суда следует, что Сисануглов Р.С. испытывал к потерпевшему <данные изъяты> личную неприязнь и планировал отомстить ему. В период времени с 00 часов 00 минут до 05 часов 45 минут он увидел проходившего по улице потерпевшего, пошел за ним следом в помещение квартиры <данные изъяты>. Находясь в указанной квартире, полагая, что пребывающий в состоянии алкогольного и наркотического опьянения потерпевший в результате примененного к нему насилия, желая избежать дальнейшего причинения ему физических страданий, решил покончить жизнь самоубийством, нанес потерпевшему не менее десяти ударов руками по голове, не менее двух ударов ногами по голове, не менее двух ударов неустановленным предметом по левой ноге. В результате данного жестокого обращения потерпевший в присутствии Сисангулова Р.С. выпрыгнул из окна восьмого этажа и скончался на месте происшествия. Из показаний подсудимого следует, что он видел, как потерпевший

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / Под ред. А. И. Чучаева. М., 2019. С. 484.

² Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 30.11.2018).

подошел к окну, забрался на подоконник и выпрыгнул вниз. Он мог не допустить прыжка потерпевшего из окна, однако не хотел его спасать и смотрел, как тот прыгнул.

Оправдывая подсудимого, суд указал, что «жестокое обращение предполагает некоторую систему поступков, которые сами по себе могут выражаться как в действии (побои, принуждение к труду, выдворение из дома), так и в бездействии (непредоставление еды, одежды и др.). Именно система поступков, связанных единым умыслом, отражает общую линию поведения субъекта и может свидетельствовать о характере его обращения с потерпевшим», а «а единичные случаи нанесения побоев, даже если после них потерпевший покончил с собой, не могут рассматриваться как жестокое обращение».

В данном случае, как и в предыдущем примере, правоприменитель, на наш взгляд, необоснованно связывает жестокое обращение с количественным показателем, ошибочно не принимает во внимание характер совершаемых виновным лицом действий и степень их воздействия на потерпевшего.

В связи с изложенным, во избежание ошибок в толковании термина «жестокое обращение», предлагаем применительно к статье 110 УК РФ определить его, как *противоправное деяние (деяния), причинившее потерпевшему физические и (или) психические страдания и сформировавшее у него решимость совершить самоубийство.*

Два приведенных выше примера из судебной практики, на наш взгляд, свидетельствует о существующих у правоприменителя проблемах в установлении способа доведения до самоубийства, которые приводят к судебным ошибкам, способным исказить саму суть правосудия.

Другой способ совершения данного преступления - систематическое унижение человеческого достоинства.

Первое, что обращает на себя внимание – использование законодателем прилагательного «систематическое». Среди ученых не существует единого мнения по поводу того, в каких случаях унижение надлежит считать систематическим.

Одни ученые под систематичностью понимают многократность повторения. «Под систематическим унижением человеческого достоинства потерпевшего понимаются многократно повторяемые, носящие постоянный характер клеветнические измышления, оскорбления, несправедливая критика, травля потерпевшего, издевательства, глумление над личностью»¹.

Другие считают, что это «совершение не менее трёх раз, объединённых единым умыслом действий виновного, состоящих в унижительном обращении с потерпевшим»².

Третьи утверждают, что «систематическое унижение человеческого достоинства имеет место, когда виновный цинично обращается с потерпевшим, унижает его, зло насмехается над его недостатками, издевается над ним, распространяет позорящие его сведения и т.д. Причем эти факты должны быть не единичными, а систематическими, т.е. более двух раз»³.

Четвертые полагают, что применительно к доведению до самоубийства систематичность не имеет конкретного числового значения. «Систематичность нельзя выразить в каком-то количественном показателе. Этот признак означает, что отношение виновного к потерпевшему имеет устойчивый характер и проявляется в системе конкретных действий, унижающих достоинство потерпевшего»⁴.

По нашему мнению четвертая точка зрения в большей степени позволяет учесть многообразие форм преступного поведения, а императивное требование установить несколько фактов (например, не менее трех или не менее двух) преступного воздействия на потерпевшего со стороны виновного, может иметь плачевный результат.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / Под ред. А. И. Чучаева. – М., 2019. С. 484.

² Тюнин В. И., Огарь Т. А. Доведение до самоубийства и сопряжённые с ним преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 1 (77). 2018. С. 92

³ Уголовное право. Особенная часть: Учебник. Издание второе исправленное и дополненное / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Иногамовой-Хегай, д-ра юрид. наук, проф. А. И. Рарога, д-ра юрид. наук, проф. А. И. Чучаева. М., 2008. С. 60.

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) / А. А. Арямов, А. А. Ашин, Е. В. Благов и др.; отв. ред. канд. юрид. наук В. В. Малиновский; науч. ред. д-р юрид. наук, проф. А. И. Чучаев. М., 2012 [Электронный ресурс]: СПС «Гарант».

Анализ изученных судебных решений свидетельствует о том, что в ряде случаев до самоубийства доводит не система действий, выражающихся в оскорблениях, унижениях и побоях, а одно из них, однако же, весьма гнусное и жестокое.

Подтверждением тому являются примеры из следственной и судебной практики.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Дальневосточного окружного военного суда от 02 августа 2018 года по делу № 22-110/2018¹ оставлен без изменения приговор Хабаровского гарнизонного военного суда от 11 мая 2018 года, которым Ломов А.В. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст.110, п. «в» ч.2 ст. 163 УК РФ.

Из указанного определения следует, что военнослужащий Ломов А.В., находясь в казарменном расположении, угрожая применением насилия к потерпевшему <данные изъяты>, являющемуся также военнослужащим, в присутствии других военнослужащих заставил выполнить потерпевшего 100 приседаний. После выполнения потерпевшим 30 приседаний Ломов А.В. позволил ему остановиться. Спустя неделю, под предлогом исчезновения мобильного телефона, присмотр за которым по требованию Ломова А.В. должен был осуществлять потерпевший, стал требовать от потерпевшего возврата телефона либо денежной компенсации за его утрату, установив при этом срок для поиска денег. Еще через неделю – 25 июня 2016 года подсудимый нанес потерпевшему один удар правой ладонью по левой стороне лица, причинив последнему физические и нравственные страдания. Продолжая свои преступные действия 28 июня 2016 года, находясь в туалетной комнате казарменного расположения, подсудимый, применяя физическую силу, опустил голову потерпевшего в унитаз с каловыми массами. 05 июля 2016 года подсудимый в присутствии других военнослужащих оскорблял потерпевшего, высказывал в отношении него нецензурную брань, унижая его человеческое достоинство. Вследствие указанных

¹ Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 01.12.2018).

действий потерпевший 05 июля 2018 года покончил жизнь самоубийством через повешение.

Несмотря на то, что в данном случае имеет место система действий, направленных на доведение потерпевшего до самоубийства, одно из них – опущение головы потерпевшего в унитаз с каловыми массами является наиболее циничным и дерзким и, само по себе, уже способно побудить потерпевшего совершить самоубийство. Остальные преступные действия на фоне этого меркнут. Если же исходить из того, что унижающих действий непременно должно быть несколько и представить, что виновным было совершено в отношении потерпевшего только упомянутое выше *единичное* (прим. – курсив наш) действие, то придется прийти к выводу об отсутствии состава преступления, что не согласуется с провозглашенным в статье 6 УК РФ принципом справедливости.

Другой пример. Следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по Чувашской Республике завершено расследование уголовного дела в отношении 19-летнего местного жителя, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 137, ст. 110 УК РФ. По версии следствия, в 2013 году в течение продолжительного времени обвиняемый, узнав, что его бывшая девушка встречается с другим парнем, решив вернуть ее любым способом, систематически посредством телефонных звонков, смс-сообщений и переписки в социальной сети «Интернет» угрожал ей распространением интимной видеозаписи с ее участием. Затем обвиняемый, найдя в сети «Интернет» контакты нового молодого человека своей бывшей подруги, будучи в состоянии алкогольного опьянения, продемонстрировал это видео по «Скайпу» ему и двум его друзьям. Узнав об этом, девушка покончила жизнь самоубийством в доме своей бабушки¹.

В этом примере телефонные звонки, смс-сообщения и переписка в сети «Интернет» с угрозами распространить интимную видеозапись с участием потерпевшей не имели негативного результата и способны были довести

¹ В Чувашии молодой парень предстанет перед судом по обвинению в доведении до самоубийства и незаконном распространении сведений о частной жизни. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации в информационно-коммуникационной сети «Интернет» [Электронный ресурс] // URL: <http://sledcom.ru/news/item/602983> (дата обращения: 03.12.2018).

потерпевшую до самоубийства, но единственный факт распространения данной видеозаписи толкнул её на совершение самоубийства.

Итак, приведенные нами примеры свидетельствуют о том, что указанные в диспозиции статьи 110 УК РФ способы доведения до самоубийства должны признаваться преступными не исходя из количественных, а исходя из качественных критериев.

Общественно опасные последствия преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ, выражаются в самоубийстве или покушении на самоубийство потерпевшего. В тех случаях, когда смерть потерпевшего в результате самоубийства наступила, сложности в определении последствий преступления, как правило, нет, однако в правоприменительной практике встречаются трудности в определении преступных последствий в случае покушения на самоубийство. Важной проблемой является разграничение покушения на самоубийство и парасуицида, то есть демонстрации желания совершить самоубийство, без реального намерения это сделать.

Наибольшее распространение в науке получила точка зрения, согласно которой потерпевший должен сделать всё возможное для того, чтобы его смерть наступила, но данные последствия не должны наступить по независящим от него причинам, поскольку, как верно отмечают авторы одного из научно-практических комментариев к Уголовному кодексу Российской Федерации, «если действия виновного привели лишь к приготовлению потерпевшего к самоубийству либо если потерпевший лишь инсценировал покушение на самоубийство, статья 110 УК РФ не может быть вменена; виновный в этом случае подлежит ответственности, если в его действиях содержится иной состав преступления (например, побои)»¹.

В большинстве случаев суды следуют предложенным научным рекомендациям, исследуют реальную возможность наступления смерти

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации в 2 т. (постатейный). Т. 1. 2-е изд. / Под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2015 [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

потерпевшего и меры, предпринятые последним в целях наступления своей смерти.

Так, например, постановлением Советского районного суда города Нижнего Новгорода от 14.02.2017 по делу № 1-74/17¹ в связи с примирением с потерпевшим прекращено уголовное дело по обвинению <К.А.С.>. в совершении преступлений, предусмотренных ч.1 ст.117, ст.110 УК РФ.

Из постановления суда следует, что подсудимый истязал свою супругу <К.Л.П.>, в результате чего она решила покончить жизнь самоубийством. С этой целью потерпевшая, имея заболевание, при котором противопоказан прием лекарственного препарата «Феназепам», приняла 33 таблетки данного препарата, для усиления его действия выпила стакан водки, при этом заперев дверь в помещении изнутри с целью затруднения оказания медицинской помощи. Таким образом, потерпевшая выполнила все действия, направленные на причинение себе смерти, но её смерть не наступила по независящим от неё обстоятельствам, так как была оказана медицинская помощь.

Вместе с тем, в судебной практике существуют и столь неоднозначные примеры судебных решений.

Так, приговором Мензелинского районного суда Республики Татарстан от 24.01.2017 по делу №1-18/2017² Мусина А.С. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст.110 УК РФ.

Судом установлено, что Мусин А.С. неоднократно избивал потерпевшего Бугрий Д.А. руками и ногами, оскорблял его нецензурной бранью, чем совершил действия, направленные на систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего и жесткое обращение с ним. В результате указанных действий *из чувства обиды* (прим. – курсив наш) за противоправные действия Мусина А.С. потерпевший совершил попытку самоубийства путем нанесения порезов по правому предплечью перочинным ножом, причинив себе телесные повреждения в виде царапин правого предплечья, которые не повлекли за собой

¹ Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 04.12.2018).

² Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 07.12.2018).

кратковременного расстройства здоровью или незначительной стойкой утраты трудоспособности и не причинили вреда здоровью.

Из указанного приговора суда не следует, что потерпевшим выполнены все действия, направленные на причинение себе смерти и его смерть не наступила по независящим от него причинам, о чем свидетельствует как характер телесных повреждений («царапины»), так и мотивы поступка потерпевшего («чувство обиды»).

И, наконец, последний, исследованный нами признак объективной стороны доведения до самоубийства – причинная связь между общественно опасным деянием и общественно опасным последствием. Наличие причинной связи позволяет прийти к выводу о том, что конкретное общественно-опасное последствие является результатом совершенного общественно-опасного деяния, её отсутствие – о том, что последствие имеет своей причиной другие факторы. В связи с чем, в последнем случае уголовная ответственность исключается.

Анализируя причинную связь в доведении до самоубийства, прежде всего, следует обратить внимание на то, что данное преступление является уникальным в своем роде – действия (бездействие) виновного посягают на жизнь потерпевшего всегда опосредованно. Прямой причинной связи между деянием виновного и самоубийством потерпевшего (покушением на самоубийство) быть не может. Преступные последствия в данном случае всегда обусловлены привходящими обстоятельствами, которыми являются осознанные действия потерпевшего («привходящая причинность»).

Следует также обратить внимание на практически не исследованный в науке уголовного права вопрос определения причинной связи между деянием и последствием в тех случаях, когда сам потерпевший указывает на отсутствие таковой. Речь идет о предсмертных записках самоубийц, в которых они сообщают о том, что в их смерти нет чьей-либо вины. Какую роль они играют с точки зрения уголовно-правовой квалификации деяния? Должны ли они влиять на его правовую оценку деяния? Ни наука, ни правоприменительная практика не выработала на этот счет обоснованной и внятной позиции.

На предсмертные записки самоубийц, как источник информации, обратил внимание еще А.Ф. Кони¹, описавший случаи самоубийств современников и оставленные ими предсмертные записки, правда его исследование носит не уголовно-правовой, а скорее литературно-философский характер.

Учитывая наличие пробела в науке и возникающие при правоприменении трудности, полагаем необходимым подробнее остановиться на этой проблеме.

С одной стороны, поскольку уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 110 УК РФ, в соответствии со статьями 20 УПК РФ, не относятся к числу уголовных дел частного или частно-публичного обвинения, позиция потерпевшего решающего значения для принятия решения по уголовному делу не имеет. С другой стороны, можно ли сделать вывод о наличии состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, если самоубийца четко и недвусмысленно указал в предсмертной записке о том, что совершил самоубийство по собственной воле и просит никого в этом не винить?

Для того чтобы разобраться в этом вопросе полагаем необходимым обратиться к материалам судебной практики.

Так, апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Башкортостан от 02 марта 2016 года по делу № 22-1501/2016² оставлен без изменения приговор Учалинского районного суда от 23 ноября 2015 года, признавшего виновным Асадуллина И.Н. в совершении преступлений, предусмотренных ст. 110, п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ.

Из указанного апелляционного определения следует, что подсудимый считает признание его виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, незаконным, поскольку в предсмертной записки потерпевшая А. просит никого в её смерти не винить.

Указанные доводы судом апелляционной инстанции признаны неубедительными, поскольку из материалов уголовного дела, следует, что А.

¹ Кони А. Ф. Самоубийство в законе и жизни... (дата обращения: 07.12.2018).

² Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 27.11.2018).

покончила жизнь самоубийством в результате противоправных действий подсудимого.

Сходная ситуация описана в приговоре Кировского районного суда города Уфы Республики Башкортостан от 10 августа 2011 года по делу № 1-212/2011¹, признавшим Курмангулова Ю.Д. виновным в совершении ряда преступлений, в том числе и преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ.

Подсудимый Курмангулов Ю.Д., несмотря на наличие оставленной потерпевшим <Д.В.> предсмертной записки следующего содержания: «Простите меня. Я сделал свой выбор, я не мог больше так жить», а также смс-сообщения: «Простите меня! Я не могу жить так больше здесь, никто не виноват», направленного сестре, был признан судом виновным в доведении до самоубийства <Д.В.>.

Исследуя данную проблему целесообразно провести условную параллель с проблемой согласия потерпевшего на причинение вреда.

В современном российском уголовном праве не существует такого института, как «согласие потерпевшего на причинение вреда», что вполне объяснимо, ведь право на жизнь является высшей ценностью. Справедливо по этому поводу высказался Н.Д. Сергеевский, писавший, что «особая ценность этих благ и для личности, и для государства, невознаграждаемость их потери, социальное и этическое значение в современном обществе самого факта пролития крови ближнего служат достаточным основанием к признанию этих деяний (прим. – посягательств на жизнь) наказуемыми безусловно, то есть независимо от личных отношений пострадавшего к своему благу – его соизволения на нарушение или несоизволения»².

Таким образом, позиция самоубийцы, выраженная им до наступления смерти, не должна иметь определяющего значения для вывода о наличии состава преступления, однако должна быть основанием для проведения экспертных исследований с привлечением специалистов в области психологии и психиатрии.

¹ Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 29.11.2018).

² Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право: пособие к лекциям. 4-е изд. СПб., 1900. С. 244.

Современная судебная экспертиза располагает необходимым набором знаний и методов, позволяющих отличить самоубийство, совершенное лицом без постороннего воздействия, от самоубийства, явившегося следствием преступных действий¹. Любые попытки обосновать отсутствие состава данного преступления мнением потерпевшего не основаны на уголовном законе, могут привести к необоснованному освобождению виновных лиц от уголовной ответственности (ведь достаточно будет заставить, путем обмана или иным способом убедить потерпевшего написать предсмертную записку с просьбой не винить никого в смерти) и чреваты многочисленными судебными ошибками.

2.2 Проблемные вопросы конструирования субъективных признаков основного состава доведения до самоубийства

Субъектом данного преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

В ходе настоящего исследования нами выявлен лишь один проблемный вопрос, имеющий отношение к специальному субъекту преступления – должностному лицу. Речь идет об особенностях квалификации доведения до самоубийства, совершенного должностным лицом посредством превышения должностных полномочий.

Существует точка зрения, что в случае доведения до самоубийства, совершенного при превышении должностных полномочий, виновное лицо должно нести уголовную ответственность за превышение должностных полномочий с причинением тяжких последствий (п. «в» ч.3 ст.286 УК РФ). Так, по мнению авторов Комментария к Уголовному кодексу Российской Федерации под редакцией А.И. Чучаева, «если доведение до самоубийства совершено должностным лицом путем превышения должностных полномочий, его действия подпадают под признаки п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ (превышение должностных

¹ См., напр: Епанчинцева Г. А., Волосова Н. Ю., Козловская Т. Н. Самоубийство: законодательные, психологические и криминологические аспекты // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 2. С. 234–247.

полномочий с причинением тяжких последствий) и дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 110 УК РФ не требуют»¹.

Данный вывод основан на позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» в пункте 21 которого указано, что «под тяжкими последствиями как квалифицирующим признаком преступления, предусмотренным частью 3 статьи 285 УК РФ и пунктом «в» части 3 статьи 286 УК РФ, следует понимать <...> самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего и т.п.».

С учетом дополнения статьи 110 УК РФ таким квалифицирующим признаком, как доведение до самоубийства, совершенное в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в иной зависимости от виновного (п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ), эта позиция, на наш взгляд, требует пересмотра.

В том случае, если самоубийство было результатом преступного деяния должностного лица, превысившего должностные полномочия, данное деяние должно быть квалифицировано по п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ по следующим причинам.

Во-первых, потому, что п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за доведение до самоубийства, совершенное в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в иной зависимости от виновного, а в данном случае имеет место зависимость потерпевшего от виновного, обусловленная должностным положением последнего.

Во-вторых, представляется, что доведение до самоубийства – преступление, посягающее, прежде всего, на жизнь человека, а не на «регламентированную нормативными правовыми актами деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, государственных корпораций, Вооруженных Сил Российской

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / Под ред. А. И. Чучаева. М., 2019. С. 485.

Федерации, других войск и воинских формирований Российской Федерации», как отметил применительно к статье 286 УК РФ Верховный Суд Российской Федерации¹.

В-третьих, квалифицированный состав доведения до самоубийства предполагает назначение более строгого наказания, чем особо квалифицированный состав превышения должностных полномочий. Так, за совершение преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового, тогда как преступление, предусмотренное п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Применительно к указанной ситуации имеет место конкуренция общей (ст. 286 УК РФ) и специальной (ст. 110 УК РФ) норм. «Основное правило разрешения конкуренции общей и специальной нормы, – пишет Ю.Е. Пудовочкин, – состоит в том, что при квалификации всегда применяется специальная норма»².

Обобщая судебную практику, Верховный Суд Российской Федерации по данному поводу указал следующее: «Для правильной квалификации посягательств, совершаемых с применением физического насилия, важное значение имеет вопрос о случаях идеальной совокупности и конкуренции норм. <...> На практике основным способом решения указанной проблемы является сопоставление строгости конкретных санкций, поскольку характер общественной опасности преступления, степень важности того или иного объекта уголовно-правовой охраны, в том числе и опасность причиненного ему вреда, формально отражены в санкции. Квалификация сложного насильственного преступления производится по одной статье (или части) в тех случаях, когда санкция за такое

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

² Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении: избранные лекции. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 128.

преступление является более строгой по сравнению с санкциями за применение физического насилия в соответствующих статьях главы 16 УК РФ. <...> Всякое насилие, в том числе и истязание, *если это не образует состава более тяжкого преступления* (прим. – курсив наш), охватывается ч. 3 ст. 286 УК РФ»¹.

При таких обстоятельствах доведение до самоубийства, совершенное при превышении должностных полномочий, является более тяжким преступлением, следовательно, оно должно быть квалифицировано по п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ.

В тех же случаях, когда виновным лицом были совершены еще и иные действия, образующие объективную сторону превышения должностных полномочий (например, с помощью физического насилия получены признательные показания), данное деяние должно квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 110, п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Субъективная сторона преступления выражается в психическом отношении лица к совершенному им деянию и его общественно опасным последствиям. К числу признаков субъективной стороны относятся вина в форме умысла или неосторожности, мотив и цель.

Определенные трудности как наука, так и практика испытывают в оценке формы вины в доведении до самоубийства. Эти трудности обусловлены тем, что в диспозиции закона вина никак не обозначена, а последствия в виде смерти наступают не от действий (бездействия) виновного, а от действий (бездействия) самого потерпевшего.

О данной проблеме так пишет А.И. Рарог: «В действующем УК, как и в предыдущих кодексах, допускается возможность конструирования некоторых составов преступлений таким образом, что их субъективная сторона может характеризоваться как умышленной, так и неосторожной формой вины. Поэтому зачастую возникают проблемы определения форм вины в отдельных видах

¹ Обзор качества рассмотрения окружными (флотскими) военными судами уголовных дел по первой инстанции», (утв. постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2005 года) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

преступлений, из законодательного описания которых не очевидно, с какой формой вины они могут совершаться»¹.

В науке уголовного права существуют три основные точки зрения по вопросу определения формы вины в доведении до самоубийства: первая – прямой или косвенный умысел, вторая – косвенный умысел и неосторожность, третья – умысел (прямой и косвенный), неосторожность (легкомыслие и небрежность).

Сразу стоит отметить, что большинство ученых придерживается первой точки зрения, полагая, что вина в доведении до самоубийства может быть выражена в виде прямого или косвенного умысла². Данный взгляд на эту проблему восприняла и правоприменительная практика.

Вместо того, что оспаривать данную точку зрения классическим в науке способом – путем изложения мнений авторитетных ученых («argumentum ad veresundiam» – лат. обращение к авторитету), попытаемся следовать ей и понаблюдаем за результатом.

Так, волевой элемент прямого умысла заключается в том, что лицо желает наступления общественно опасного последствия, а при косвенном умысле лицо хотя и не желает наступления общественно опасных последствий, но сознательно допускает их либо относится к ним безразлично. Следовательно, если предположить возможность доведения до самоубийства в форме умысла, значит, виновное лицо должно либо желать наступления смерти потерпевшего, либо допускать это, либо относиться к данному факту безразлично.

Вместе с тем, в следственной и судебной практике встречались ранее и встречаются в наше время факты доведения до самоубийства, совершенного лицами, имеющими финансовые претензии к потерпевшему (кредиторы, коллекторы). Очевидно, что требующие возврата долга коллекторы не могут желать, допускать или безразлично относиться к смерти потерпевшего, скорее наоборот, смерть последнего в их планы не входит, потому, как в этом случае

¹ Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2002. С. 106.

² См., напр., Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / Под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб и доп. М., 2016. С. 353; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / Под ред. А. И. Чучаева. М., 2019. С. 485; Уголовное право. Особенная часть: Учебник. Издание второе исправленное и дополненное / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Иногамовой-Хегай, д-ра юрид. наук, проф. А. И. Рарога, д-ра юрид. наук, проф. А. И. Чучаева. М., 2008. С. 61.

потерпевший свой долг уже не вернет. Если же смерть потерпевшего не охватывается умыслом данных лиц, то и состав преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, в их действиях должен отсутствовать, что, на наш взгляд, противоречит здравому смыслу и следственно-судебной практике. Примеры такого рода уголовных дел имеются на официальном сайте Следственного комитета Российской Федерации¹. Из этого следует однозначный вывод, что доведение до самоубийства, совершенное посредством незаконных действий, направленных на возврат долга, совершается, как правило, с неосторожной формой вины.

Согласно второй точке зрения², доведение до самоубийства совершается с косвенным умыслом или неосторожностью, наличие же со стороны виновного прямого умысла на наступление смерти потерпевшего свидетельствует о совершении убийства. Иными словами при наличии прямого умысла данное деяние становится убийством путем опосредованного причинения смерти.

«Преступление это, – пишет М.Д. Шаргородский, – предполагает наличие косвенного умысла или неосторожности в отношении результата. Прямой умысел не может иметь места, так как если виновный желал наступления смерти, то доведение им до самоубийства должно быть квалифицировано как убийство. Виновный либо допускает возможность того, что он жестоким обращением или другими подобными методами доводит потерпевшего до самоубийства, либо предвидит это, но не допускает. Возможно также, что он не предвидит подобной возможности, хотя и должен её предвидеть»³.

Отстаивая данную мысль, авторы учебника «Курс российского уголовного права. Особенная часть» указывают, что то обстоятельство, что потерпевший

¹ См., напр.: В Челябинске завели дело на коллекторов, которые довели должницу до самоубийства [Электронный ресурс] // URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1062534> (дата обращения: 05.12.2018); В Санкт-Петербурге коллекторы довели ребенка до самоубийства [Электронный ресурс] // URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/508968> (дата обращения: 05.12.2018); В Республике Татарстан двое местных жителей подозреваются в вымогательстве и доведении до самоубийства [Электронный ресурс] // URL: <http://tatarstan.sledcom.ru/news/item/1098422> (дата обращения: 05.12.2018).

² См., напр.: Курс российского уголовного права. Особенная часть / Под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 2002. С. 164.

³ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. / Под ред. М. Д. Шаргородского и Н. А. Беляева. Л., 1962. С. 220–221.

лишает себя жизни сам, для оценки субъективной стороны значения не имеет, поскольку виновный таким путем добивается реализации поставленной цели¹.

С данным аргументом, на наш взгляд, согласиться нельзя. Недопустимо ставить знак равенства между опосредованным убийством и доведением до самоубийства, совершенным с прямым умыслом, потому, что эти деяния различаются по объективной стороне.

Точно также, например, нельзя ставить знак равенства между кражей и грабежом. И в том и в другом случае виновный преследует одну и ту же корыстную цель – противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Вместе с тем для реализации своего преступного намерения данное лицо избирает различные способы, которые свидетельствуют о степени общественной опасности деяния и позволяют отличить одно от другого. Представляется, что далеко не каждый из тех, кто способен довести до самоубийства, способен убить лично.

Правильно, на наш взгляд, по данному поводу рассуждал А.И. Коробеев: «Даже в ситуациях, когда виновный в буквальном смысле склоняет потерпевшего к самоубийству (например, предлагает ему на выбор: или оставление на длительное время без пищи и воды, или безотлагательное самоубийство с помощью пистолета, который он тут же вручает потенциальной жертве, а та им мгновенно пользуется) квалификация этих действий по ст. 105 УК РФ, с нашей точки зрения, невозможна»².

Более детальный анализ проблемы соотношения опосредованного убийства и самоубийства будет проведен в главе 3 настоящего исследования, поскольку напрямую связан с анализом квалифицированных составов доведения до самоубийства.

¹ См.: Курс российского уголовного права. Особенная часть / Под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 2002. С. 164.

² Полный курс уголовного права: в 5 т. / Под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А. И. Коробеева. Т II. Преступления против личности. СПб., 2008. С. 279.

Согласно третьей точке зрения¹ преступление, предусмотренное статьей 110 УК РФ, может быть совершено с любой формой вины, поскольку в диспозиции нормы форма вины вообще не указана, следовательно, это не исключает ни умышленную, ни неосторожную форму вины.

По нашему мнению такой взгляд на данную проблему является единственно верным, что подтверждается следующими аргументами.

«Сам факт угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего, – пишет А.Н. Попов, – может привести к его самоубийству. И если виновный не желал или не допускал подобного результата, то это не значит, что он не должен отвечать за доведение до самоубийства. Именно противоправное, бесчеловечное поведение виновного по отношению к потерпевшему заставляет последнего принять решение о самоубийстве. Вина при этом по отношению к последствиям может быть и неосторожной в виде легкомыслия или небрежности»².

В целом, данная мысль в науке уголовного права, сама по себе, не нова, однако рассматривать неосторожность в качестве формы вины при доведении до самоубийства препятствует, по мнению отдельных ученых, формулировка части 2 статьи 24 УК РФ. Согласно данной норме «деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ».

По мнению Г.Н. Борзенкова «неосторожное доведение лица до самоубийства в принципе возможно. Однако в силу ч. 2 ст. 24 УК РФ ответственность в этом случае исключается, поскольку в ст. 110 УК РФ нет указания на неосторожную форму вины»³.

К тому же выводу приходят С.Б. Сидоров и В.Б. Михопаркин: «Хотя доведение до самоубийства <...> по своему смысловому значению следовало бы рассматривать как неосторожное преступление, положения ч. 2 ст. 24 УК РФ, не

¹ См., напр.: Уголовное право. Общая часть: учебник / Под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М., 2017. С. 114; Уголовное право России: Учебник для вузов. В 2 т. Т. 2. Особенная часть. / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. Н. Игнатов и д-ра юрид. наук, проф. Ю. А. Красикова. М., 2000. С. 42.

² Попов А. Н. О формах вины по уголовному законодательству России // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 3 (59). С. 65.

³ Борзенков Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья... С. 101.

дают оснований для такого утверждения, а определение этого преступления в статье 110 УК РФ как неосторожного («неосторожное доведение лица до самоубийства...») выглядело бы не совсем удачным, подобно, например, тому, как в ст. 103 УК РСФСР 1960 года звучало определение предусмотренного здесь преступления как «умышленного убийства»¹.

Однако, на наш взгляд, указанные выше положения части 2 статьи 24 УК РФ не дают оснований для подобного вывода, о чем свидетельствует как доктринальное толкование данного положения закона и логика построения некоторых других статей УК РФ.

Обратимся к доктринальному толкованию части 2 статьи 24 УК РФ.

Критикуя подобного рода доводы, А.И. Рарог пишет, что в первоначальной редакции УК РФ данная норма была сформулирована следующим образом: «деяние, совершенное по неосторожности, признается преступлением только в том случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ»². Однако, в дальнейшем³, продолжает автор, «законодатель отказался от своего первоначального решения и, по сути, возвратился к тому, что некоторые преступления могут совершаться как умышленно, так и по неосторожности, а это возлагает на суды дополнительную обязанность устанавливать и указывать в приговоре форму вины, с которой было совершено такое преступление в конкретном случае. Не учитывая изменений в редакции ч. 2 ст. 24 УК РФ, отдельные ученые продолжают утверждать, будто за деяния, совершаемые по неосторожности, уголовная ответственность наступает лишь в случаях, когда это специально указано в Особенной части УК»⁴.

Разъясняя сущность данной нормы авторы «Комментария к Уголовному кодексу Российской Федерации» под редакцией Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева указывают на обязанность правоприменителя в таких случаях устанавливать форму вины: «Часть 2

¹ Сидоров С. Б., Михопаркин В. Б. Доведение до самоубийства: социально-правовая оценка... С. 96.

² См.: Уголовный кодекс Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 13.06.1996 № 63-ФЗ) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Федеральный закон от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам... С. 106–107.

комментируемой статьи (прим. – статьи 24 УК РФ) свидетельствует о том, что если в диспозиции статьи Особенной части УК не указана конкретная форма вины в основном или квалифицированном составе преступления, то вина может быть либо только умышленной (в одних составах) или же умышленной и неосторожной (в других составах). Применительно к каждому составу преступления содержание вины устанавливается путем толкования уголовного закона с учетом особенностей объективной стороны преступления, включенных в число признаков его состава характеристик мотива и цели деяния (наличие последних свидетельствует только о прямом умысле) и иных обстоятельств»¹.

Об ошибочности упомянутого выше «узкого» толкования части 2 статьи 24 УК РФ свидетельствует и логика построения законодателем других статей УК РФ. Например, нет указания на неосторожную форму вины в статьях 283 УК РФ «Разглашение государственной тайны», 250 «Загрязнение вод», 251 «Загрязнение атмосферы», однако совершенно очевидно, что данный факт не свидетельствует о том, что эти преступления не могут быть совершены с неосторожной формой вины.

Изученные проблемы в доктринальном толковании формы вины в доведении до самоубийства негативно отражаются на правоприменительной практике. Порой, при одних и тех же обстоятельствах суды приходят к противоположным выводам. Вот лишь некоторые примеры судебных решений, основанных на господствующей в науке точке зрения о том, что преступление, предусмотренное статьей 110 УК РФ, совершается с прямым или косвенным умыслом.

Апелляционным приговором Кемеровского областного суда от 11 марта 2016 года по делу № 22-1338/2016² по обвинению в совершении преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ, оправдан <данные изъяты>.

Из приговора суда следует, что подсудимый, проживая совместно с престарелой матерью <данные изъяты> в одной квартире, на почве сложившихся

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 13-е издание, переработанное и дополненное / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2013 [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

² Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 06.12.2018).

личных неприязненных отношений неоднократно угрожал потерпевшей применением насилия и убийством, что было воспринято потерпевшей реально с учетом состояния алкогольного опьянения подсудимого, его агрессивного поведения и нахождения наедине с ним в изолированной комнате; выражался в её адрес оскорбительными словами с использованием грубой нецензурной брани; высказывал пожелания о скорейшем наступлении её смерти; причинил ей побои; громко слушал музыку; выгонял потерпевшую из совместного жилища в зимнее время и препятствовал её возвращению, в результате чего та вынуждена была ночевать в подъезде и у знакомых.

Вследствие указанных действий у потерпевшей развилось временное психическое расстройство в форме острой реакции на стресс, сопровождавшееся ажитацией, паникой, чувством тревоги, безысходности и страха, и она выбросилась из окна третьего этажа на асфальтовое покрытие, получив в результате падения сочетанную травму тела, и скончалась в больнице.

Обосновывая вывод об отсутствии в действиях подсудимого состава преступления суд указал, что ни в ходе предварительного следствия, ни в судебном заседании не добыто доказательств, свидетельствующих о том, что подсудимый, конфликтуя с матерью, причиняя ей физическую боль, высказывая угрозы, желал её смерти либо предвидел и сознательно допускал её наступление. Потерпевшая никогда не высказывала мысли о суициде. Принимая во внимание отсутствие доказательств, свидетельствующих о наличии у подсудимого прямого или косвенного умысла на доведение потерпевшей до самоубийства, суд апелляционной инстанции считает необходимым приговор суда (прим. – обвинительный приговор Рудничного районного суда города Кемерово) отменить, а подсудимого оправдать в связи с отсутствием в действиях состава преступления.

В некоторых случаях правоприменитель, пытаясь поместить конкретное уголовное дело в «прокрустово ложе» данной точки зрения, допускает явные противоречия.

Так, приговором Центрального районного суда города Читы от 02 декабря 2015 года по делу № 1-612/2015¹ Сивов А.Ю. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 110, ч. 1 ст. 116, ч. 1 ст. 119, ч. 1 ст. 119 УК РФ.

В приговоре суда указано, что Сивов А.Ю., будучи освобожденным из мест лишения свободы, не имея намерения самостоятельно себя обеспечивать, заботиться о своей пожилой матери <данные изъяты>, *намереваясь находиться на её иждивении* (прим. – курсив наш), испытывая к ней личную неприязнь, сознательно допуская её самоубийство, решил систематически угрожать ей избиением, причинением вреда здоровью, убийством, избивать потерпевшую и причинять ей физическую боль, унижать человеческое достоинство потерпевшей и в результате чего сформировать у неё чувства безысходности и беспомощности, при которых единственным решением потерпевшей будет лишение себя жизни для избавления от издевательств со стороны сына. Далее судом указано, что Сивов А.Ю. совершил преступление, сознавая общественную опасность своих действий, предвидя возможность наступления общественно-опасных последствий в виде причинения потерпевшей себе смерти, не желая их наступления, но сознательно допуская самоубийство потерпевшей и безразлично относясь к этому.

В данном случае, на наш взгляд, очевидно, что намерение виновного лица (не обеспечивать себя, а находится на иждивении потерпевшей) исключает его умысел на доведение потерпевшей до самоубийства, поскольку находиться можно лишь на иждивении живого человека, то есть одно противоречит другому.

В крайне редких, единичных случаях (нам удалось обнаружить лишь 4 таких приговора), обвинительные приговоры судов содержат указания на совершение доведения до самоубийства по неосторожности.

¹ Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 06.12.2018).

Так, приговором Донецкого районного суда Ростовской области от 21 января 2014 года по делу № 1-19/2014¹ Шиков К.Г. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ.

Из приговора суда следует, что подсудимый, проживая совместно с потерпевшей <Е.>, оскорблял и избивал её, нанося удары коленом и кулаком по голове, ладонью по лицу, ударял её об пол квартиры, вывешивал её из окна, удерживая её за руки, высказывал угрозы убийством. Указанными действиями подсудимый довел потерпевшую до состояния личностной дезадаптации и хронического психоэмоционального напряжения, в результате которого потерпевшая выпрыгнула из окна пятого этажа своей квартиры и в результате полученной травмы погибла.

Вынося данный приговор, суд указал, что подсудимый, совершая указанные действия, небрежно относился к возможным последствиям в виде самоубийства потерпевшей.

Обосновывая точку зрения о том, что вина в доведении до самоубийства возможна как в форме умысла, так и форме неосторожности, нельзя не обойти вниманием проблему объективного вменения. Рассуждая о возможности доведения до самоубийства вследствие неосторожности, может возникнуть ошибочное впечатление, что любое противоправное деяние виновного (оскорбление или однократное применения насилия в ходе семейной ссоры, необоснованное привлечение к дисциплинарной ответственности или увольнение со стороны работодателя и т.п.), если после него последовало самоубийство потерпевшего, должно расцениваться как преступление, предусмотренное ст. 110 УК РФ. Подобное толкование этой точки зрения является ошибочным, поскольку допускает объективное вменение. На наш взгляд, доведение до самоубийства по неосторожности совершается только тогда, когда потерпевший в результате действий (бездействия) виновного лица переживает такие страдания, при которых ценность жизни утрачивается или существенно снижается, а смерть является

¹ Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 07.12.2018).

способом прекращения страданий. В связи с этим невозможно сделать правильный вывод о доведении до самоубийства по неосторожности в отрыве от факультативных признаков объективной стороны преступления (место, время, способа, средства и обстановка совершения преступления).

По данному поводу А.И. Рарог справедливо обращает внимание на то, что определяя умысел и неосторожность, законодатель исходит из психического отношения только к деянию и его последствиям, однако деяние представляет собой поступок, совершаемый определенным способом в конкретных условиях и времени и именно эти обстоятельства нередко придают деянию общественно опасный характер¹.

Анализ изученных нами 57 обвинительных приговоров (постановлений, определений) судов свидетельствует о том, что в 12 из них в качестве формы вины в доведении до самоубийства судом указан прямой умысел, в 17 – косвенный умысел, в 4 – вид умысла не конкретизирован, в 4 – преступная небрежность, в 20 – форма вины не указана вообще и, исходя из текста судебного акта, вывод об этом сделать не представляется возможным.

Таким образом, преобладающей формой вины для доведения до самоубийства является умысел, однако наличие значительного числа судебных решений, в которых не указана форма вины, свидетельствует о том, что судами не во всех случаях учитываются рекомендации науки уголовного права.

Подводя итог уголовно-правовой характеристике доведения до самоубийства, следует отметить наличие значительного числа проблем, обусловленных противоречивой позицией по ряду вопросов в доктрине уголовного права и отсутствием единообразной судебной практики.

Выявленные проблемы, на наш взгляд, свидетельствуют о наличии острой необходимости обобщения Верховным Судом Российской Федерации судебной практики по уголовным делам этой категории, тем более что ни в советское время, ни современной России такого обобщения не проводилось, руководящих постановлений Пленума Верховного Суда РФ не издавалось.

¹ См.: Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам... С. 69.

В результате исследования нами сформулированы следующие выводы, которые могут быть использованы в рамках работы по обобщению и совершенствованию следственной и судебной практики.

1. Указанные в статье 110 УК РФ способы доведения до самоубийства не образуют самостоятельного состава преступления и не подлежат квалификации по соответствующим статьям УК РФ, если размер санкции по соответствующим статьям УК РФ не превышает размер санкций, установленных соответствующими частями статьи 110 УК РФ.

2. Способы доведения до самоубийства (угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего) должны оцениваться не с точки зрения их количества, а с точки зрения их способности в тех обстоятельствах, в которых находился потерпевший, сформировать в нём решимость совершить самоубийство. Учитывать, что в зависимости от жестокости и характера деяния (например, серьёзное публичное оскорбление, размещение в общем доступе сведений о частной жизни лица, о наличии у него социально значимого заболевания и т.п.), даже однократное преступное воздействие на потерпевшего может указывать на доведение до самоубийства.

3. Применительно к доведению до самоубийства под жестоким обращением надлежит понимать противоправное деяние (деяния), причинившее потерпевшему физический и (или) психический вред и сформировавшее у него решимость совершить самоубийство.

4. Мнение совершившего самоубийство потерпевшего о причине самоубийства, выраженное им при жизни (смс-сообщения, электронные письма, предсмертные записки и т.п.) надлежит подвергать исследованию и оценке. Учитывать, что указанное мнение не имеет решающего значения для вывода о наличии или отсутствии в деянии подсудимого состава преступления.

5. Действия должностного лица, в результате превышения полномочий, доведшего потерпевшего до самоубийства, надлежит квалифицировать по п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ, как доведение до самоубийства, совершенное в отношении лица, находящегося в иной (служебной) зависимости от виновного.

6. Вина в доведение до самоубийства может выражаться как в форме умысла (прямого и косвенного), так и в форме неосторожности (легкомыслия и небрежности).

2.3 Сравнение доведения до самоубийства со склонением к совершению самоубийства и содействием совершению самоубийства

В 2017 году Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен статьей 110¹, устанавливающей уголовную ответственность за склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства. Криминализация этих деяний является ответом на появление новых форм общественно опасного поведения, получившего распространения благодаря широкому распространению информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Бурное развитие в XXI веке информационных технологий, их доступность для значительной части населения и простота использования позволяют одним людям оказывать все большее влияние на сознание других людей. Порой такое влияние может быть деструктивным. Так, по мнению В.А. Номоконова, на наших глазах стремительно разрастается новое опаснейшее явление — вовлечение некими моральными уродами подростков с неустойчивой психикой в так называемые группы смерти¹.

Как отметил Л.М. Прокументов, криминализацию обуславливает «невозможность воздействия на определенный вид общественно-опасного поведения другими, не уголовно-правовыми средствами»². Представляется, что криминализация деяний, указанных в статье 110¹ УК РФ, именно такой случай.

Подобные действия могут иметь своей целью не просто побуждение к самоубийству отдельного человека, но радикальное изменение представления о фундаментальных культурных ценностях в обществе.

¹ См.: Номоконов В. А. Причины преступности в современной России: проблема обостряется // Всероссийский криминологический журнал. Т. 11. 2017. № 2. С. 254.

² Прокументов Л. М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск, 2012. С.56.

Пробуждая у подростков интерес к теме самоубийства, придавая самоубийству ореол таинственности, облакая его в форму игры, доступной лишь «избранным», в общественном сознании активно продвигается идея о том, что самоубийство это «модно» и «креативно» (от англ. «creative» – творчество, творческий).

В середине 1990-х годов американский юрист и социолог Джозеф П. Овертон сформулировал модель изменения в общественном сознании отношения к основам традиционной морали и нормам поведения. Овертон показал, что для каждой, даже самой невозможной идеи, в обществе существует «окно возможностей», позже получившее название «окно Овертона». Модель предполагает пять четких этапов, последовательно сменяющих друг друга. В процессе этих трансформаций существующее общественное мнение меняется на диаметрально противоположное. Джозеф Овертон описал, как постепенно, шаг за шагом, незаметно общество начинает сначала обсуждать нечто неприемлемое, затем считать это вполне уместным, и в результате создает нормы, защищающие то, что ранее было немыслимым¹.

Первый шаг: «От немыслимого до радикального» – неприемлемая или абсурдная идея выдвигается в качестве объекта дискуссии. Второй шаг: «От радикального до приемлемого» – активное обсуждение и внимание к обсуждаемой идее приводит к тому, что она воспринимается как нечто уже присутствующее в жизни и, следовательно, допустимое, хотя и нежелательное. Прежнее понятие, обозначающее идею, заменяется другим нейтральным (эвфемизм). Третий шаг: «От приемлемого до рационального» – в обществе формируется установка о необходимости непредвзятого отношения к идее, формируется отношение к ней, как к некоей данности, с которой неизбежно приходится считаться. Четвертый шаг: «От рационального до стандартного» – идея приобретает множество аспектов, направлений и видов, известные общественные деятели разбивают идею на недопустимые, приемлемые и вполне разумные элементы. Пятый шаг: «От

¹ См., напр.: Дробышева Е. Э. Культура vs Цивилизация: взгляд через «окно Овертона» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 5 (67). С. 58–64; Володенков С. В., Федорченко С. Н. Окно Овертона – манипулятивная матрица политического менеджмента // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2015. № 4 (303). С. 83–93.

стандартного до популярного» – проводится популяризация идеи. Шестой шаг: «От популярного до нормы» – немыслимая идея становится стереотипом мышления и поведения большей части общества и может быть закреплена в законодательных актах или стать незыблемой нормой общественной морали, а её противники могут подвергаться преследованиям. Таким образом, «окно Овертона» представляет собой технологию внедрения немыслимых идей и одной из таких идей является идея «моды на смерть» и на самоубийство, как достойного способа её достижения.

С учетом того, что предметом нашего исследования является доведение до самоубийства, в рамках настоящего параграфа основное внимание будет уделено анализу различий между составами преступлений, предусмотренных статьями 110 и 110¹ УК РФ. По причине своей новизны как преступления, предусмотренные статьей 110¹ УК РФ, так и критерии их отграничения от доведения до самоубийства, в науке обстоятельно не исследованы, поэтому попытаемся провести такой анализ.

В статье 110¹ УК РФ идет речь о двух самостоятельных составах преступления – склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства.

В соответствии с частью 1 статьи 110¹ УК РФ склонение к совершению самоубийства совершается путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства.

В соответствии с частью 2 статьи 110¹ УК РФ содействие совершению самоубийства совершается посредством советов, указаний, предоставления информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий к его совершению или обещаний скрыть средства или орудия совершения самоубийства.

Объектами данных преступлений является жизнь человека. Потерпевшим может быть любое лицо, в том числе, на наш взгляд, малолетние и страдающие психическими заболеваниями.

Данную точку зрения разделяют не все ученые. По мнению С.В. Дубовиченко и В.П. Карлова дополнение уголовного закона нормой о склонении и содействии к самоубийству не должно исключать вменения убийства, когда склоняется к самоубийству потерпевший, не способный осознанно принимать решение, а доведение до самоубийства несовершеннолетних, когда они неспособны отдавать отчет своим действиям, следует квалифицировать по п. «в» ч. 2. ст. 105 УК РФ¹.

С данной точкой зрения солидарен и Р.Д. Шарапов, считающий, что «умышленное вовлечение человека в аутоагрессивное поведение, связанное с причинением себе смерти, путем склонения или иного доведения потерпевшего до такого акта, содействия ему в этом, когда виновный осознает, что в силу возраста или психического расстройства потерпевший не понимает характер и значение совершаемых с собой действий, должно квалифицироваться как убийство (покушение на убийство) малолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии.

Не должно стать препятствием для такой квалификации то обстоятельство, что призыв виновного к самолишению жизни был неперсонифицирован и рассчитан на случайную жертву, на неопределенное количество потерпевших, а также независимо от того удалось побудить кого-либо из потенциальных жертв к аутоагрессии или нет (таковы, например, широко известные случаи распространения в сети «Интернет» инструкции «Как стать феей Огня из «Винкс» в домашних условиях?»), явно рассчитанной на массовое убийство детей и их близких»².

С данной точкой зрения мы не согласны по мотивам, обстоятельно изложенным далее – в параграфе 2 главы 3 настоящей работы, где проанализированы особенности уголовно-правовой характеристики доведения до самоубийства лиц, заведомо для виновного находящихся в беспомощном состоянии, и несовершеннолетних. Доводы по данному вопросу, приведенные

¹ См.: Дубовиченко С. В., Карлов В. П. Новеллы уголовного законодательства о преступлениях против жизни: критический анализ // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2017. Т. 2. № 4. С. 173.

² Шарапов Р. Д. Квалификация преступлений, связанных с вовлечением в самоубийство и иное опасное для жизни поведение // Уголовное право. 2017. № 6. С. 80.

нами применительно к доведению до самоубийства, являются справедливыми и применительно к склонению к совершению самоубийства или содействию совершению самоубийства.

Кроме того, считаем необходимым высказать свою точку зрения относительно квалификации действий лица, распространившего в сети «Интернет» инструкции «Как стать феей Огня из «Винкс» в домашних условиях?»¹.

Действительно, подобные «инструкции» уже принесли свои печальные плоды: «Пятилетняя Соня Подольская из Чебоксар очень хотела стать сказочной феей огня из мультсериала «Винкс». <...>. Соня зажгла плиту и проделала манипуляции, которые, как утверждали создатели этой инструкции, и должны были вознести её в небо. Вместо этого загорелась одежда на малышке. Соня попыталась сбить огонь полотенцем, даже залезла в душ, чтобы справиться с пламенем. А потом побежала за помощью к соседям. Сейчас малышке предстоят несколько операций – у нее 50 процентов ожогов тела»².

По данным средств массовой информации: «Автора картинки найти так и не удалось. Лишь в Ростове-на-Дону предприняли попытку задержать распространителя суицидального контента. Им оказался 16-летний подросток, студент местного техникума, рассказала РИА Новости председатель Комитета по молодежной политике Законодательного собрания Ростовской области Екатерина Стенякина. <...> Администратора сообщества задержали, но уголовного дела не завели. По словам активистов, он тут же раскаялся в содеянном и сообщил, что опубликовал суицидальную инструкцию ради шутки. Группу в социальной сети заблокировали. Страницу с инструкцией на ресурсе Pkabu Роскомнадзор внес в реестр запрещенных сайтов»³. Аналогичные сведения относительно данной

¹ Данная инструкция предлагает ребенку втайне от родителей ночью подойти к газовой плите, открыть все газовые конфорки и лечь спать, чтобы наутро стать «феей Огня».

² Юная чебоксарка подожгла себя, чтобы стать феей огня [Электронный ресурс] // URL: <http://amp.kazan.kp.ru/online/news/2433035> (дата обращения: 20.12.2018).

³ «Газовые феи». О распространении смертоносных инструкций для детей в сети [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/20170304/1489266266.htm> (дата обращения: 20.12.2018).

«инструкции» опубликованы на новостных сайтах «Радио «Эхо Москвы»¹, «Газета.ru»² и на других информационных ресурсах.

Не подвергая сомнению тот факт, что подобные деяния не могут оставаться без внимания с уголовно-правовой точки зрения, полагаем, что категорично заявлять о необходимости приравнивать их к числу квалифицированных убийств оснований не имеется.

Попытаемся ответить для себя на один простой вопрос: «Находясь в составе коллегии присяжных заседателей, рассматривающей уголовное дело в отношении подобного подростка (уголовные дела о преступлениях, предусмотренных частью 2 статьи 105 УК РФ относятся к подсудности суда субъекта Российской Федерации и при наличии ходатайства обвиняемого могут быть рассмотрены судом с участием присяжных заседателей), должны ли мы будем вынести обвинительный вердикт и признать его виновным в совершении убийств или покушении на убийства всех детей, пострадавших от таких «инструкций?». По нашему мнению – нет, поскольку подобные деяния в зависимости от конкретных обстоятельств могут подпадать под признаки составов преступлений, предусмотренных статьями 110, 110¹, 110², 151² УК РФ. Одно лишь непринятие подобных действий и внутренний протест против них не может быть основанием для вменения убийства.

С учетом изложенного, считаем, что в том случае, если призывы к аутоагрессии носят неперсонифицированный характер, они не могут быть квалифицированы как убийство или покушение на убийство.

Объективная сторона склонения к совершению самоубийства не подвергалась глубокому критическому осмыслению и, на наш взгляд, не столь очевидна, как это кажется на первый взгляд.

¹ Роскомнадзор внёс в реестр запрещённых сайтов страницу с изображением мультперсонажа [Электронный ресурс] // URL: <https://echo.msk.ru/news/1781090-echo.html> (дата обращения: 20.12.2018).

² Детей атакуют газовые феи. Родители столкнулись с массовой рассылкой среди детей опасной картинки о «превращении в фею огня» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2016/06/07/8279417/picture-winx.shtml?updated> (дата обращения: 20.12.2018).

По мнению авторов одного из учебников уголовного права, склонение к самоубийству состоит в «инициировании у склоняемого лица решения о лишении себя жизни»¹.

По мнению авторов одного из научно-практических комментариев к Уголовному кодексу Российской Федерации под склонением к самоубийству «понимаются действия, направленные на возбуждение у другого лица решимости (желания, намерения, стремления) покончить с собой. При этом виновный, воздействуя на сознание и волю потерпевшего, может использовать различные способы порождения у него решимости совершить акт суицида»².

На наш взгляд объективная сторона склонения к совершению самоубийства всегда выражается в форме действия, поскольку убеждение предполагает активные действия. Так, слово «склонение» с позиции его грамматического толкования означает «убедить в необходимости какого-нибудь поступка, решения»³.

Объективную сторону содействия совершению самоубийства образуют действия, выражающиеся в оказании помощи планирующему совершить самоубийство потерпевшему в реализации принятого им решения. Для правильной квалификации указанного преступления существенное значение имеют обстоятельства принятия потерпевшим решения о самоубийстве. Данное решение должно быть принято потерпевшим без какого-либо вмешательства со стороны иных лиц и не может быть следствием совершенных в отношении него противоправных действий, в том числе, доведения до самоубийства или склонения к совершению самоубийства.

Путем бездействия, наш взгляд, данное преступление совершено быть не может, на что указывают перечисленные в диспозиции части 2 статьи 110¹ УК РФ способы. Грамматическое толкование данного термина подтверждает этот вывод – в русском языке слово «содействие» означает «*деятельное* (прим. – курсив наш)

¹ Уголовное право в 2 т. Т. 2. Особенная часть: учебник для академического бакалавриата / отв. ред. А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. 5-е изд., пер. и доп. М., 2019. С. 48.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / Под ред. А. И. Чучаева. М., 2019. С. 486–487.

³ Толковый словарь русского языка Ожегова С. И. и Шведовой Н. Ю. [Электронный ресурс] // URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=28910> (дата обращения: 14.12.2018).

участие в чьих-нибудь делах с целью облегчить, помочь, поддержка в какой-нибудь деятельности»¹.

Исходя из конструкции объективной стороны данных преступлений простой и квалифицированный составы склонения к совершению самоубийства и содействия совершению самоубийства (части 1, 2 и 3 статьи 110¹ УК РФ) относятся к формальным составам, поскольку соответствующее преступление будет являться оконченным с момента склонения или содействия, независимо от фактически наступивших последствий в виде самоубийства или покушения на самоубийство потерпевшего.

Особо квалифицированные составы этих преступлений (части 4 и 5 статьи 110¹ УК РФ) относятся к числу формально-материальных составов, как, впрочем, и доведение до самоубийства, поскольку преступление будет являться оконченным либо с момента наступления смерти потерпевшего в результате самоубийства, либо с момента совершения потерпевшим покушения на самоубийство.

Детальное рассмотрение способов склонения к самоубийству свидетельствует о наличии проблем, с которыми надлежит столкнуться правоприменителю.

Первая из таких проблем – открытый перечень способов склонения к самоубийству. С одной стороны – это позволяет к числу способов совершения преступления относить широкий спектр деяний: вовлечение в так называемую «игру», результатом которой является смерть потерпевшего; просмотр фотоматериалов; демонстрация фильмов; прослушивание музыки; использование другого видео – и аудиоконтента и другие практикуемые виновными лицами способы².

С другой стороны любой открытый перечень может порождать неопределенность. В условиях же неопределенности отнесение того или иного деяния к числу способов склонения к самоубийству является, по сути,

¹ Толковый словарь русского языка Ожегова С. И. и Шведовой Н. Ю. [Электронный ресурс] // URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=29656> (дата обращения: 20.12.2018).

² См. подробнее: Пучнина М. Ю. Методика и механизм склонения несовершеннолетних к суициду посредством использования социальных сетей // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2017. № 4 (31). С. 237–246.

усмотрением правоприменителя. Получается, что правоприменитель может создавать уголовный закон или применять его по аналогии, но ни то, ни другое недопустимо.

При таких обстоятельствах, не будет ли преступным изучать в школах и вузах литературные и философские произведения, где смерть в результате самоубийства оправдывается, наделяется ореолом таинственности или, того хуже, романтизируется? Можно ли вообще изучать такие литературные произведения, (демонстрировать фильмы, исполнять музыкальные произведения и т.д.), в которых факт самоубийства не имеет явно выраженного негативного окраса, ведь заранее не известно, какие идеи вынесет для себя читатель (зритель, слушатель)?¹ Например, в конце XVIII века в Европе широкое распространение получил «эффект Вертера» – волна подражающих самоубийств, спровоцированная распространением вышедшего в 1774 году романа Иоганна Вольфганга Гёте «Страдания юного Вертера»², ставшего бестселлером своего времени.

Неопределенность термина «иным способом», полагаем, можно расценивать как широту дискреционных полномочий правоприменителя.

В соответствии подпунктом «а» пункта 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96³, коррупциогенными факторами, устанавливающими для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, являются: широта дискреционных полномочий – отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения, наличие

¹ В пример можно привести такие литературные произведения, как роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина», трагедия Уильяма Шекспира «Ромео и Джульетта», роман Эмиля Золя «Творчество», произведения Мишеля Монтеня «Опыты», Артура Шопенгауэра «Мир как воля и представление» и многие другие.

² Гёте И. В. Страдания юного Вертера. СПб., 2001. 252 с.

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (вместе с «Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», «Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов») [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

дублирующих полномочий государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц).

Представляется, что от таких правовых норм надлежит избавляться, поскольку, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, «неопределенность содержания правовой нормы, допуская возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения, может приводить к произволу, а значит, к нарушению не только принципов равенства и верховенства закона, но и установленных статьями 45 и 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации гарантий государственной, включая судебную, защиты прав, свобод и законных интересов граждан»¹. Кроме того, что данная норма может приводить к произвольному использованию средств уголовно-правовой репрессии, она может являться и источником коррупции.

Однако же проблемы диспозиции части 1 статьи 110¹ УК РФ состоит не только в открытом перечне способов совершения преступления, но и в отсутствии в законе, науке уголовного права и правоприменительной практике понятия склонения к совершению самоубийства.

В результате получается «уравнение со множеством неизвестных» – точно не ясно ни, что такое склонение к совершению самоубийства, ни какими конкретно способами оно совершается.

Критикуя данную норму, мы вполне осознаем, что диспозиция части 1 статьи 110¹ УК РФ, возможно, сформулирована именно таким образом в связи с тем, что довольно трудно предусмотреть все существующие формы деструктивного поведения виновного, а еще труднее их спрогнозировать. Вместе с тем, данные трудности не являются оправданием открытию «ящика Пандоры» и должны преодолеваться взвешенными, разумными и оправданными правовыми средствами. Полагаем, что определить пределы действия данной нормы необходимо путем указания на отношение виновного лица к характеру используемых им приемов и средств. Полагаем, что какие бы способы виновное

¹ Информация Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2016 г. «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013 - 2015 годов)» [Электронный ресурс]: СПС «Гарант».

лицо не использовало для склонения потерпевшего к самоубийству, все они заведомо для виновного должны быть направлены на достижение конкретного результата – причинение потерпевшим себе смерти. С учетом данного обстоятельства целесообразно в части 1 статьи 110¹ УК РФ словосочетание «иным способом» дополнить словами «, заведомо для виновного приводящим к смерти потерпевшего».

Вторая проблема, возникающая при исследовании способов склонения к самоубийству, – трактовка терминов уговоры, предложения, подкуп, обман, а также их отграничение от угроз, жестокого обращения и систематического унижения человеческого достоинства, характерных для доведения до самоубийства. Правильное определение способа совершения преступления позволит разграничить доведение до самоубийства и склонение к совершению самоубийства.

Начнем с того, что «уговоры» и «предложения» употреблены в диспозиции нормы во множественном числе, а «подкуп» и «обман» – в единственном. Вместе с тем, данное обстоятельство, не свидетельствует о том, что первые непременно должны быть использованы виновным лицом многократно, а вторые – могут быть однократно. По нашему мнению, количественный подход здесь не применим, по причинам, изложенным в параграфе 1 настоящей главы, где рассмотрены способы доведения до самоубийства, которые также изложенные во множественном числе. Полагаем, что даже однократно высказанное виновным лицом потерпевшему предложение совершить самоубийство для того, чтобы, например, «смыть позор кровью», «искупить вину», «сохранить честь» и т.п. с учетом конкретной ситуации может быть квалифицировано как склонение к самоубийству.

Анализируя отличие доведения до самоубийства от склонения к совершению самоубийства, отдельные авторы обращают внимание на то, что «склонение к совершению самоубийства от доведения до него отличается главным образом характером действий виновного: они не содержат элементов физического воздействия, а применяемое психическое воздействие носит, как правило,

дистанционный характер и не столь агрессивно выражено, как в случаях его использования при доведении до самоубийства»¹.

Относительно данного вывода полагаем необходимым отметить, что упоминание в части 1 статьи 110¹ УК РФ «иных способов», всё-таки, не позволяет категорически утверждать, что склонение к самоубийству должно ограничиваться психическим воздействием. Например, «интеллектуальное воздействие, – обоснованно указывают С.В. Дубовиченко и В.П. Карлов, – подразумевается как преимущественная, но не исключительная форма склонения к самоубийству по ст.110¹ УК РФ»².

Однако, даже в тех случаях, когда «иные способы» склонения к совершению самоубийства отсутствуют, не всегда характер воздействия (физического или психического) позволит отличить эти два состава преступления.

К примеру, одним из заданий, которое администраторы «групп смерти» дают своим потерпевшим, является причинение потерпевшим себе телесных повреждений, как правило, порезов на руке в виде конкретного набора символов – «селфхарм» (от англ. self-harm - самоповреждение). Если такие задания относить к числу уговоров или предложений, то тогда действия виновного надлежит квалифицировать как склонение к самоубийству, если же, как жестокое обращение, – то необходимо вести речь о доведении до самоубийства.

Далее, последним заданием администратора «группы смерти» является совершение самоубийства, однако, в том случае, если потерпевший самоубийство не совершает, то, зачастую, администраторы угрожают убить членов семьи или друзей потерпевшего³.

Как надлежит квалифицировать указанные действия, в том случае, если потерпевший совершит самоубийство или покушение на самоубийство?

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / Под ред. А. И. Чучаева. М., 2019. С. 487.

² Дубовиченко С. В., Карлов В. П. Новеллы уголовного законодательства... С. 169.

³ См., напр., Администратора одной из подростковых «групп смерти» ищут в Новосибирске [Электронный ресурс] // URL: <https://nsk.rbc.ru/nsk/05/02/2018/5a7743109a79479e44b2b291> (дата обращения: 25.12.2018); Куратора «Синего кита», который довел челябинку до суицида, начинают судить [Электронный ресурс] // URL: <https://www.chel.kp.ru/daily/26779/3813185> (дата обращения: 25.12.2018); Арестован 26-летний безработный куратор «смерти» в Рунете [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2897227> (дата обращения: 25.12.2018).

Представляется, что в данном случае возможны три варианта квалификации: первый – по ст. 110 УК РФ, второй – по ст. 110¹ УК РФ, третий – по совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 110, 110¹ УК РФ.

На наш взгляд подобные ситуации необходимо квалифицировать по статье 110 УК РФ по следующим причинам.

На лицо предусмотренный статьей 110 УК РФ способ совершения преступления – угрозы. Подобные действия администраторов «групп смерти» не являются предложениями и уговорами, а представляют собой настойчивые требования, подкреплённые угрозами. Такие угрозы носят противоправный характер, воспринимаются потерпевшим с учетом сложившейся ситуации реально и высказываются в отношении близкого ему лица.

Квалифицировать подобные действия по совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 110, 110¹ УК РФ, не имеется оснований, поскольку все предыдущие действия виновного, даже если это были уговоры, предложения, подкуп, обман или иные действия, будут являться этапом доведения до самоубийства. Точно так же, как жестокое обращение, необходимо расценивать и требования виновного лица о причинении потерпевшим себе телесных повреждений.

Вместе с тем, сравнение санкций статей 110 и 110¹ УК РФ, не согласуется с этим выводом, что, на наш взгляд, объясняется дефектом нормотворчества.

Доведение до самоубийства, исходя из способов совершения преступления, несет бóльшую общественную опасность, чем склонение к совершению самоубийства. При доведении до самоубийства угрозы, жестокое обращение и систематическое унижение человеческого достоинства могут образовывать самостоятельные составы преступлений (ст. ст. 115, 117, 119 УК РФ), чего нельзя сказать об уговорах, предложениях, подкупе и обмане.

Вместе с тем, санкция части 4 статьи 110¹ УК РФ, за склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства, повлекшие самоубийство или покушение на самоубийство, предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет. При этом доведение до

самоубийства с теми же последствиями наказывается лишением свободы на срок от двух до шести лет.

Может сложиться впечатление, что данное обстоятельство, несмотря на отсутствие ему логичного объяснения, тем не менее, указывает на то, что законодатель считает склонение к совершению самоубийства более тяжким преступлением, чем доведение до самоубийства. Тем не менее, диспозиции частей 5 и 6 статьи 110¹ УК РФ не дают оснований сделать такой вывод.

Согласно части 5 статьи 110¹ УК РФ склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства, повлекшие самоубийство или покушение на самоубийство несовершеннолетнего, либо лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного, либо женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, наказывается лишением свободы на срок от шести до двенадцати лет. Доведение до самоубийства, повлекшее те же последствия, наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет.

В соответствии с частью 6 статьи 110¹ УК РФ склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства двух или более лиц наказываются лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет, а доведение до самоубийства с теми же последствиями предусматривает аналогичное основное наказание и дополнительные наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового, ограничением свободы на срок до двух лет или без такового.

Обнаруженная несогласованность санкций статей 110 и 110¹ УК РФ не позволяет однозначно судить о том, какое из этих преступлений является наиболее общественно опасным.

Субъективная сторона склонения к самоубийству и содействия самоубийству характеризуется умышленной формой вины (чаще – прямой, реже – косвенный умысел), на что указывают способы совершения указанных

преступлений, тогда как, доведение до самоубийства может быть совершено с любой формой вины.

Субъект преступлений, предусмотренных частями 1 и 2 статьи 110¹ УК РФ, не отличается от субъекта преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ.

Таким образом, завершая сравнение доведения до самоубийства со склонением к совершению самоубийства и содействием совершению самоубийства, приходим к следующим выводам.

1. Объективная сторона склонения к совершению самоубийства и содействия совершению самоубийства всегда выражается в действиях, тогда как доведение до самоубийства может предполагать как действие, так и бездействие.

2. Перечень способов содействия совершению самоубийства, также как и перечень способов доведения до самоубийства является закрытым. Перечень способов склонения к совершению самоубийства является открытым, что затрудняет правоприменение, создает предпосылки для злоупотреблений и требует корректировки.

3. Склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства, также как и доведение до самоубийства, могут выражаться и в однократном воздействии на потерпевшего, если степень, характер или форма такого воздействия были способны сформировать у последнего решимость совершить самоубийство.

4. Доведение до самоубийства является формально-материальным составом. Простой и квалифицированный составы склонения к совершению самоубийства и содействия совершению самоубийства являются формальными, а особо квалифицированные – формально-материальными составами.

5. В том случае, если действия виновного лица первоначально содержали признаки склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства, а, в дальнейшем, приобрели форму доведения до самоубийства, содеянное лицом надлежит квалифицировать как доведение до самоубийства. В

этом случае данные действия, направленные на формирование у потерпевшего решимости совершить самоубийство, будут этапом доведения до самоубийства.

6. Для склонения к совершению самоубийства и содействия совершению самоубийства характерна умышленная форма вины, тогда как доведение до самоубийства может быть совершено с любой формой вины.

7. Размер санкции части 4 статьи 110¹ УК РФ превышает размер санкции части 1 статьи 110 УК РФ и криминологический не обоснован. Доведение до самоубийства представляет бóльшую общественную опасность, чем склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства. Эта несогласованность может породить существенные проблемы для правоприменителя и создать трудности с переквалификацией деяний при рассмотрении уголовных дел судами.

Глава 3 Уголовно-правовая характеристика квалифицированных составов доведения до самоубийства

3.1 Квалифицирующие признаки доведения до самоубийства

Рассматривая квалифицирующие признаки доведения до самоубийства, необходимо отметить, что ввиду отсутствия таковых в статье 110 УК РФ до 2017 года¹ данный вопрос не был предметом диссертационных исследований и исследуется впервые.

Проблемы, связанные с квалификацией доведения до самоубийства несовершеннолетних, а также лиц, заведомо для виновного находящихся в беспомощном состоянии, ввиду сложности вопроса, будут рассмотрены в параграфе 2 настоящей главы, остальные же квалифицирующие признаки будут проанализированы в настоящем параграфе.

Доведение до самоубийства лица, находящегося в материальной и иной зависимости от виновного имеет давнюю историю. Названный признак присутствовал в статье 141 УК РСФСР 1926 года² и статье 107 УК РСФСР 1960 года³, поэтому целесообразным будет обратиться к его толкованию с точки зрения советского уголовного права.

В этих кодексах данное преступление относилось к числу основных (простых) составов доведения до самоубийства, а материальная или иная зависимость потерпевшего от виновного были необходимым условием наличия состава преступления.

По мнению советских ученых того периода материальная зависимость имела место тогда, «когда потерпевший находился на иждивении виновного или когда его материальная помощь была одним из основных источников

¹ До принятия Федерального закона от 07.06.2017 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению».

² Уголовный кодекс РСФСР 1926 года (введен в действие с 1 января 1927 года постановлением ВЦИК от 22.11.1926) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

³ Уголовный кодекс РСФСР 1960 года (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

существования потерпевшего. Брачные отношения создают зависимость между супругами такого характера, как это требуется ст. 107 УК РСФСР»¹.

По нашему мнению данный подход устарел и не отвечает жизненным реалиям. В современных условиях распад брака дело обыденное. Так, согласно данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации² коэффициент разводов на 1000 человек в 1950 году составлял 0,5, тогда как в 2016 году – 4,1; при этом удельный вес числа разводов от числа браков в 1950 году составил 4,04%, а в 2016 году – 61,71%. То есть за период времени с середины XX века до начала XXI века брачные отношения существенно изменились.

Во многих российских семьях жесткая экономическая зависимость одного супруга от другого отсутствует, отношения в семье носят демократичный характер, а сам брак становится эгалитарным (от фр. *égalité* – равенство), то есть основанным на равноправии супругов. Кроме того, все большее распространение получают альтернативные формы брака («гостевой брак», «открытый брак»), а также не облеченные в правовую форму отношения, например, так называемый «гражданский брак» (сожительство). «Возникают новые статусно-ролевые позиции женщины, что обуславливается повышением уровня образования, многообразием профессиональной занятости, материальной и социальной самодостаточностью и большей индивидуализацией женской личности. Поэтому все большее количество браков являются эгалитарными, с все более очевидным и реальным равноправием супругов»³.

Экономическая самостоятельность и самодостаточность супругов не позволяет вести речь о том, что один лишь факт брака порождает отношения зависимости, которую бы надлежало относить к числу квалифицирующих признаков доведения до самоубийства.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. / Под ред. М. Д. Шаргородского и Н. А. Беляева. Л., 1962. С. 221.

² Браки и разводы в Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/prez_love0707.pdf (дата обращения: 16.04.2018).

³ Бедарева К. А. Трансформация институтов брака и семьи в современных условиях // Новая наука: опыт, традиции, инновации. 2015. № 3. С. 46.

С точки зрения норм русского языка термин «зависимость» означает «подчинение чьей-нибудь воле, обусловленность чьего-нибудь поведения волей кого-нибудь»¹.

Под материальной зависимостью в уголовном праве, как правило, понимают «нахождение потерпевшего (потерпевшей) на полном или частичном иждивении у виновного лица, проживание на принадлежащей ему жилой площади и т.п. на основании закона либо с добровольного согласия»².

Под иной зависимостью понимается «любая иная, но не материальная зависимость, подчиненность, подконтрольность по работе, по службе, по учебе, родственная зависимость и т.д., ограничивающая свободу выбора, например, между начальником и подчиненным, между преподавателем и учеником, между служащим и заявителем, между обвиняемым и следователем, между спортсменом и тренером и т.д.»³.

Однако проведенный нами анализ свидетельствует о том, что существует и зависимость иного рода, не обусловленная формальной властью.

Так, приговором Тамбовского районного суда Тамбовской области от 17 ноября 2014 года по делу № 1-114/2014⁴ Чермошенцев А.В. оправдан по ст. 110 УК РФ. Судом установлено, что Чермошенцев А.В. установил на территории кафе шиномонтажное оборудование и для работы на нем без оформления трудовых отношений привлек потерпевшего. Из-за постоянного злоупотребления спиртными напитками потерпевший не выходил на работу или не мог её выполнять надлежащим образом. В связи с чем, на протяжении нескольких месяцев Чермошенцев А.В. высказывал потерпевшему угрозы физической расправой (отрубанием рук, повреждением пальцев рук тисками), систематически унижал его человеческое достоинство, жестоко обращался с ним, наложил «штрафные санкции» за каждый день отсутствия на рабочем месте. Заподозрив в

¹ Толковый словарь русского языка Ушакова Д.Н. [Электронный ресурс] // URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=15874> (дата обращения: 16.04.2018).

² Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII–VIII / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2018. С. 119.

³ Там же.

⁴ Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 16.04.2018).

удержании части дохода автосервиса нанес потерпевшему не менее 10 ударов руками по различным частям тела, причинив средней тяжести вред здоровью, требовал передачи денежных средств в размере 150 тысяч рублей. Судом Чермошенцев А.В. был оправдан. Оправдывая подсудимого, суд пришел к выводу о том, что Чермошенцев А.В. не мог предполагать, что в результате его действий потерпевший покончит жизнь самоубийством.

Апелляционным постановлением Тамбовского областного суда от 20 января 2015 года по делу № 22-21/2015¹ указанный приговор отменен. Делая вывод о необходимости отмены названного приговора, суд апелляционной инстанции указал, что Чермошенцев А.В. указанными действиями поставил потерпевшего, исходя из его недостатка, в безвыходное положение, использовал его беззащитность, материальную несостоятельность и безысходность положения.

В указанном случае суд апелляционной инстанции, хотя непосредственно и не использовал термин «зависимость», однако обоснованно обратил внимание на наличие таких признаков «зависимости» потерпевшего как безвыходность, беззащитность, материальная несостоятельность, безысходность.

Характер зависимости, по нашему мнению, должен быть таким, чтобы потерпевший без участия виновного лица не мог самостоятельно обеспечивать себе необходимые условия существования, содержать семью, изменить место жительства, приобретать лекарства и т.п.

Важную роль для установления зависимого состояния играют не формальные критерии (нахождение в браке, совместное проживание, наличие родственных отношений и т.п.), а фактические обстоятельства, свидетельствующие о наличии у виновного лица возможности реализовывать в отношении потерпевшего свою власть. Поэтому следует согласиться с теми учеными, которые предлагают применительно к доведению до самоубийства, под лицом, находящимся в материальной и иной зависимостью от виновного понимать

¹ Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 16.04.2018).

«того, кто не способен самостоятельно, без участия виновного лица решать те или иные жизненно важные вопросы»¹.

Кроме упомянутых форм иной зависимости необходимо, на наш взгляд, выделить также *зависимость, обусловленную фактическим характером взаимоотношений между виновным и потерпевшим*, которая, например, может иметь место в коллективах осужденных, военнослужащих, а также возникать ситуационно при других обстоятельствах.

Обоснованность данного вывода подтверждается судебной практикой. В соответствии с кассационным определением Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2007 года по делу № 67-006-104² Зимин А.Н. признан виновным в совершении ряда преступлений, в том числе преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ. Судом установлено, что между находившимися в подвале дома Зиминим А.Н. и потерпевшим К. возникла ссора из-за того, что К. рассказал гражданину Ш. о хищении Зиминим А.Н. телевизора. Зимин А.Н. избивал потерпевшего около трех часов, нанося удары руками, ногами, черенком от лопаты и деревянным брусом. Затем Зимин А.Н. запер К. в одном из помещений на ночь. Утром следующего дня Зимин А.Н. вновь продолжил избивать потерпевшего. В результате указанных действий К. попросил у Зимина А.Н. разрешения повеситься самостоятельно, что, в дальнейшем, и сделал. За совершение данного преступления Зимину А.Н. по ст. 110 УК РФ судом назначено наказание в виде двух лет лишения свободы.

В указанном случае зависимость потерпевшего от обвиняемого, его неспособность противостоять противоправному поведению последнего, обусловлена физическим превосходством обвиняемого над потерпевшим, возможностью осуществления виновным лицом контроля над передвижением потерпевшего. Потерпевший К. даже самоубийство совершил после того, как получил на это согласие обвиняемого.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII–VIII. / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2018. С. 62.

² Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 17.04.2018).

Аналогичным образом иная зависимость, на наш взгляд, имеет место в другом случае.

Приговором Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 15 апреля 2013 года по делу № 1-19/2013¹ Уланов А.В. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ.

Судом установлено, что Уланов А.В., отбывая наказание в виде лишения свободы в исправительном учреждении ФСИН России, с 1 мая 2011 года по 15 ноября 2011 года с использованием нецензурной брани высказывал в отношении осужденного С. в присутствии других осужденных оскорбления, являющиеся особо обидными в среде лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы; регулярно избивал потерпевшего, нанося ему удары по различным частям тела руками и деревянными палками, сдавливая его шею полотенцем; высказывал угрозы убийством; склонял к сексуальной связи; угрожал снижением статуса в коллективе осужденных; требовал передачи денежных средств. Уланов А.В. поддерживал связь с осужденными из категории «блатных» и мог оказывать влияние на администрацию исправительного учреждения для принятия выгодных ему решений. В результате указанных преступных действий потерпевший покончил жизнь самоубийством путем повешения. Более высокий статус в среде осужденных и физическое превосходство позволили виновному поставить потерпевшего С. в зависимое положение и довести его до самоубийства.

За совершение указанного преступления Уланов А.В. осужден к наказанию в виде двух лет лишения свободы.

Традиционное понимание зависимости в уголовном праве требует наличия неких формальных, основанных на нормах права (материального и процессуального) отношений «власти-подчинения» («начальник-работник», «учитель-ученик», «командир-солдат» и т.п.). Однако, как показали приведенные примеры, существует и зависимость, не обусловленная формальными нормами. И эта зависимость, порой, является еще более жесткой, чем формальная

¹ Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 17.04.2018).

зависимость. Брак, наконец, можно расторгнуть, с работы – уволиться, следователю – заявить отвод, но как избавиться от зависимости подвергающемуся издевательствам осужденному или солдату?

Не подвергался с точки зрения науки уголовного права глубокому осмыслению феномен доведения до самоубийства членов религиозных организаций деструктивной направленности (тоталитарных сект). Вместе с тем, факт принадлежности лица к подобной организации, его психическая зависимость от лидеров секты также является одной из форм иной зависимости, указанной в статье 110 УК РФ.

Мировой и отечественный опыт свидетельствует о том, что самоубийство адептов тоталитарных сект явление весьма распространенное.

А.Л. Дворкин в работе, посвященной деятельности тоталитарных сект¹, описывает случаи массовых самоубийств и убийств друг друга членами секты «Народный храм» в 1978 году (США, погибло 912 человек), «Храм Солнца» в 1994 – 1995 г.г. (Швейцария, Канада, погибло 74 человека), «Небесные врата» в 1997 году (США, погибло 39 человек), «Движение за возрождение десяти заповедей Бога» в 2000 году (Уганда, в результате поджога погибло более 500 человек, 6 – зарублены топором, 128 – задушены), «Аум Сенрикё» в 1994 – 1995 г.г. (Япония, погибло 19 человек), а также случаи самоубийств членов сект «Свидетели Иеговы», «Сайентологической церкви», «Брахма Кумарис», «Церковь Христа», «Церковь Последнего Завета».

Проблема «групповых самоубийств» известна и в России, однако также явно недостаточно хорошо изучена социологами, психологами и правоведами.

О самоубийствах членов сект «Белое братство» и «Новое поколение» и призывах к самоубийству со стороны лидера секты «Богородичный центр» пишет

¹ См.: Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты: опыт систематического исследования. Нижний Новгород. 2008. 813 с.

И.Л. Трунов в статье «Деструктивные секты и сектантство в России»¹, о самоубийствах и убийствах среди сатанистов пишет В.С. Авраменкова².

В.С. Ефремов, размышляя о психической природе групповых самоубийств, пишет: «Известный отечественный психиатр А. И. Сикорский подчеркивал крайне негативную роль так называемых учителей, которым удавалось «объединить субъектов болезненного и психопатического типа к общей цели», то есть к самоубийству. Эти «религиозные агитаторы» пользовались существующей в населении склонностью, старались ее развить и придать ей более широкий размах. Очень часто «агитаторы» сами не участвовали в самосожжениях, но ограничивались тем, что, «увлекши множество жертв в роковую засаду, сами незаметно ускользали от опасности, оставались в живых и даже пользовались имуществом сгоревших»³.

Обстоятельное исследование вопроса доведения до самоубийства членов религиозных сект не входит в рамки настоящего исследования, поскольку требует серьезного анализа, однако, в рамках настоящей работы справедливым будет заключить, что между лидерами секты и её членами также существует зависимость, порожденная внушением и основанная на безоговорочной вере в слова «учителя», которую также необходимо относить к «иной зависимости».

Таким образом, применительно к доведению до самоубийства под иной зависимостью необходимо понимать не только традиционные её формы, но и *зависимость, обусловленную фактическим характером взаимоотношений между виновным и потерпевшим*, что позволит квалифицировать действия виновного по пункту «а» части второй статьи 110 УК РФ и назначать судам справедливое наказание.

Другим квалифицирующим признаком доведения до самоубийства является совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности.

¹ Трунов И. Л. Деструктивные секты и сектантство в России [Электронный ресурс] // URL: http://www.trunov.com/nauchnye_i_uchebno_metodicheskie_trudy/nauchnye_publicacii_advokatov_kollegii/16085 (дата обращения: 17.04.2018).

² Авраменкова С. В. Проблемы раскрытия убийств, совершенных тоталитарными сектами // Сибирский юридический вестник. 2004. № 4. С. 85–87.

³ Цит. по: Ефремов В. С. Основы суицидологии... С. 32.

Данный квалифицирующий признак для уголовного права новым не является и присутствует, например, в части второй статьи 105 УК РФ. Представляется, что его толкование применительно к доведению до самоубийства, в целом, сходно с толкованием применительно к убийству, однако исследуя данный признак необходимо сделать акцент на термине «заведомо».

Повышенная опасность этого преступления, по мнению А.А. Пионтковского, «продиктована как необходимостью усиления охраны личности беременной женщины, так и фактом особой опасности самого преступного действия, которым лишается жизни не только женщина, но и одновременно уничтожается зародыш будущей человеческой жизни»¹. В связи с этим, следует отметить, что данная норма нацелена не только на охрану жизни человека, но и на охрану материнства и детства. «Повышенная общественная опасность данного преступления, – пишет И.Р. Шикула, – обусловлена его объектом и вредоносностью»².

Заведомость означает осведомленность виновного о беременности женщины. Данное знание, по мнению большинства ученых, должно быть достоверным, поэтому предположительное знание о наличии беременности не дает основания для подобной квалификации³.

Однако имеется и иная точка зрения на данную проблему. В частности, С.В. Бородин пишет, что «несомненность знания об отягчающем обстоятельстве не изменяется оттого, что у субъекта нет полной уверенности в его фактическом наличии. В таких случаях отношение виновного к отягчающему обстоятельству характеризуется косвенным умыслом»⁴.

По нашему мнению, для толкования термина «женщина, заведомо для виновного находящаяся в состоянии беременности» следует его сопоставить с термином «лицо, заведомо для виновного находящееся в беспомощном состоянии». Данные понятия объединяет тот факт, что в обоих этих случаях речь

¹ Цит. по: Попов А. Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. СПб., 2003. С. 334.

² Шикула И. Р. Проблемные вопросы квалификации убийства женщины, находящейся в состоянии беременности // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы XXI международной научно-практической конференции 24–25 декабря 2014 г. М., 2014. С. 227.

³ См.: Попов А. Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах... С. 336.

⁴ Бородин С. В. Преступления против жизни... С. 135.

идет о некотором состоянии (беременности или возраста), которое является для виновного лица заведомым.

Поскольку относительно заведомо беспомощного состояния имеется судебная практика целесообразно использовать её.

Так, в соответствии с пунктом 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии) надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, неспособному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство.

Согласно пункту 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» изнасилование и насильственные действия сексуального характера следует признавать совершенными с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица в тех случаях, когда оно в силу своего физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние), возраста (малолетнее или престарелое лицо) или иных обстоятельств не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному. При этом лицо, совершая изнасилование или насильственные действия сексуального характера, должно сознавать, что потерпевшее лицо находится в беспомощном состоянии.

Не трудно заметить, что «осознание чего-либо» и «уверенность в чем-либо» разные вещи. Осознавать что-либо еще не значит быть в этом уверенным.

Слово «осознать», согласно словарю русского языка Д.Н. Ушакова, означает «понять, уразуметь, сознательно усвоить»¹, а согласно словарю русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой «полностью довести до своего сознания, понять»².

Если исходить из той точки зрения, что знание о беременности женщины у виновного должно быть достоверным, то следует заключить, что такая ситуация возможна либо в виду наличия у женщины явно выраженных внешних признаков, которые невозможно не заметить, либо в виду наличия у виновного лица сведений о данных медицинских исследований женщины. Однако же фактически такие ситуации существуют далеко не всегда.

Действительно ли необходимо столь сужать сферу действия данной уголовно-правовой нормы? Да и каковы основания освобождать от уголовной ответственности за совершение более опасного деяния лицо, которое, доводя до самоубийства женщину, предполагало наличие у неё состояния беременности, но не было в этом абсолютно уверено? Тем более что такая уверенность на ранних сроках беременности может иметь место только после проведения медицинских исследований.

В связи с изложенным, по нашему мнению, для квалификации доведения до самоубийства женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, необходимо установить, что виновное лицо разумно предполагало или должно было разумно предполагать, что женщина, в отношении которой оно совершает преступление, является беременной.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что заведомость судами трактуется как осведомленность о факте беременности. Примеров судебной практики по уголовным делам о доведении до самоубийства беременной женщины обнаружить не представилось возможным, однако имеется множество уголовных дел об убийствах беременных женщин, которые вполне уместно

¹ Толковый словарь русского языка Ушакова Д. Н. [Электронный ресурс] // URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=41170> (дата обращения: 18.04.2018).

² Толковый словарь русского языка Ожегова С. И. и Шведовой Н. Ю. [Электронный ресурс] // URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=18868> (дата обращения: 18.04.2018).

использовать для анализа квалифицирующего признака, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 110 УК РФ.

Так, приговором Тамбовского областного суда от 26 апреля 2013 года по делу № 2-12/2013¹ Шичанин А.А. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 139 УК РФ, ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «а», «д», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Относительно покушения на убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, суд установил, что Шичанин А.А. из личных неприязненных отношений решил совершить убийство своей бывшей жены Ш. С этой целью он взял с собой нож, ночью незаконно проник в её жилище, подошел к спящей на кровати Ш. и стал душить её. Действия Шичанина А.А. пытались пресечь М.А.А. и М.А.Г., находившиеся в тот момент в этой квартире. Шичанин А.А. при помощи ножа убил М.А.А. и М.А.Г.

Шичанин А.А. показал, что о беременности Ш. не знал и если бы знал, то не стал бы пытаться убить потерпевшую. Потерпевшая Ш. утверждает о том, что сообщала Шичанину А.А. о своей беременности. Из материалов дела следует, что внешне беременность Ш. не проявлялась, Шичанин А.А. совместно с потерпевшей Ш. не проживал. В материалах дела имеются показания свидетеля, который подтверждает, что о беременности потерпевшей стало известно после совершения преступления. Давая оценку этим показаниям, суд указал в приговоре, что «заявление свидетеля о том, что никто не знал, что потерпевшая беременна, а это стало известно только на похоронах, нельзя считать доказательством того, что о беременности потерпевшей не знал подсудимый».

То есть фактически речь не идет о полной уверенности виновного лица в беременности потерпевшей, а о том, что виновному были известны эти сведения.

При подобных обстоятельствах знание постороннего лица о беременности женщины до появления внешних её проявлений, полученное, например, со слов самой женщины и не подтвержденное никакими иными данными, будет для

¹ Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 18.04.2018).

виновного лица «осознаваемым», хотя и будет носить предположительный характер.

В связи с чем, правильной представляется следующая точка зрения: «Термин «заведомо» означает, что виновный осведомлен о наличии беременности потерпевшей. При этом не имеет значения, возникали ли у него сомнения в существовании этого обстоятельства; главное состоит в том, что у него была информация о беременности потерпевшей, т.е. она сообщила виновному об этом лично или ему стало известно об этом из других источников»¹.

В обоснование данного вывода необходимо вернуться к квалифицирующему признаку «несовершеннолетний возраст потерпевшего».

Верховный Суд Российской Федерации так разъясняет особенности уголовной ответственности за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних: «Применяя закон об уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных статьями 131 – 135 УК РФ, в отношении несовершеннолетних, судам следует исходить из того, что квалификация преступлений по соответствующим признакам (к примеру, по пункту «а» части 3 статьи 131 УК РФ) возможна лишь в случаях, когда виновный знал или допускал, что потерпевшим является лицо, не достигшее восемнадцати лет или иного возраста, специально указанного в диспозиции статьи Особенной части УК РФ»².

Серьёзные дискуссии в науке вызывает вопрос квалификации действий лица, совершающего преступление в условиях фактической ошибки, то есть в тех случаях, когда виновное лицо полагало, что доводит до самоубийства беременную женщину, в то время как она таковой не являлась.

«В некоторых случаях, относящихся к ранним срокам беременности, – пишет А.Н. Попов, – виновный может заблуждаться относительно состояния потерпевшей. Субъективно, в силу определенных обстоятельств, он может быть

¹ Уголовное право. Особенная часть: Учебник. Издание второе исправленное и дополненное / Под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М., 2008. С. 38.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

убежден в том, что потерпевшая беременна, а объективно таковой она может не оказаться. Возможно, что виновный опять-таки в силу каких-либо обстоятельств, исключал беременность потерпевшей, а она оказалась беременной. В подобных случаях возникает вопрос: как квалифицировать содеянное виновным при его заблуждении относительно факта наличия беременности у потерпевшей?».

По мнению А.А. Пионтковского, «совершение преступления при ошибочном предположении лица о наличии квалифицирующих преступление обстоятельств следует рассматривать как покушение на совершение квалифицированного преступления»¹.

Характеризуя данную ситуацию А.И. Рарог пишет: «При квалификации преступлений, совершенных с ошибочным представлением о наличии квалифицирующих обстоятельств, которые фактически отсутствуют, допускается юридическая фикция: фактически оконченное преступление квалифицируется как неоконченное»².

Подобная квалификация, по нашему мнению, не вполне отражает реальную ситуацию, поскольку смерть потерпевшей наступила, что должно повлечь соответствующую правовую оценку. Некорректной будет и формулировка приговора, где в описательно-мотивировочной части будут изложены обстоятельства убийства, а в резолютивной сделан вывод о признании лица виновным в покушении на убийство. Кроме того, срок или размер наказания за покушение на преступление не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, что позволит неоправданно снижать размер наказания.

По мнению Э.Ф. Побегайло: «Если виновный исходит из ошибочного предположения о беременности потерпевшей, которой в действительности не было, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности двух преступлений»³. Указанный автор предлагает считать это идеальной совокупностью и квалифицировать такое деяние как покушение на

¹ Цит. по: Бородин С. В. Преступления против жизни... С. 136.

² Цит. по: Уголовное право. Особенная часть: Учебник. Издание второе исправленное и дополненное / Под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М., 2008. С.38.

³ Цит. по: Попов А. Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах... С. 340–341.

квалифицированный состав преступления и как оконченный состав простого преступления либо состав преступления, квалифицированный другимиотягчающими обстоятельствами.

В качестве недостатка этой точки зрения следует отметить, что поскольку виновное лицо посягает на один объект и вред причиняется только этому объекту, совокупности преступлений не имеется. Не ясно также как, если руководствоваться данной точкой зрения, нужно определять размер наказания. Если определять размер наказания по совокупности преступлений, то, согласно ч. 1 ст. 69 УК РФ, это необходимо делать отдельно за каждое преступление. Стало быть, размер наказания может быть неоправданно высоким.

Л.А. Андреева высказала еще одну точку зрения: «Представляется, что единственно возможной в таких случаях является квалификация убийства как оконченного простого, т. е. фактическую ошибку в квалифицирующем признаке следует толковать в пользу виновного лица»¹.

Однако данная точка зрения никак не учитывает направленность умысла виновного лица, что лишает её убедительности.

По мнению же С.В. Бородина, как оконченный состав квалифицированного преступления, следует расценивать фактическую ошибку, при которой виновный полагал, что совершает преступление в отношении беременной женщины, пусть даже она таковой не оказалась. Квалифицировать же данное деяние как покушение на квалифицированный состав преступления не следует, поскольку потерпевшей причинена смерть и налицо оконченное преступление². Эта точка зрения нам представляется наиболее верной.

Рассматривая проблемы квалификации при фактической ошибке А.В. Корнеева пишет: «Если лицо ошибочно полагает, что посягает на один объект, а фактически причиняет вред другому объекту, содеянное

¹ Андреева Л. А. Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах: Учебное пособие. СПб., 1998. С. 15.

² Бородин С. В. Преступления против жизни... С. 136.

квалифицируется в соответствии с направленностью умысла виновного как покушение на то преступление, которое охватывалось намерением виновного»¹.

Настаивая на необходимости квалификации убийства женщины, которую виновный ошибочно считал беременной, как покушение на квалифицированное убийство, А.Н. Попов приводит следующую аналогию: «Если виновный стремился причинить смерть потерпевшему, а фактически причинил только вред здоровью, то содеянное квалифицируется как покушение на убийство, исходя из принципа субъективного вменения. Аналогично должен решаться вопрос и в случае заблуждения виновного относительно беременности потерпевшей, когда он посягал на жизнь беременной женщины, а потерпевшая таковой не оказалась»².

Вместе с тем, необходимо учесть, что, как правило³, преступления против жизни беременной женщины совершаются не «потому, что она беременна», а «невзирая на то, что она беременна», то есть виновный убивает или доводит до самоубийства конкретную женщину. В таком случае, нельзя говорить, что преступный результат виновным лицом не был достигнут, если потерпевшая в результате его действий мертва. Виновный планировал довести до самоубийства вполне определенную, конкретную женщину и достиг своей цели. При этом не важно, что она не была беременной.

Следующим квалифицированным составом преступления является доведение до самоубийства двух или более лиц. В рамках доведения до самоубийства данный квалифицирующий признак также является для отечественного уголовного закона новым, поэтому необходимо обратиться к пункту «а» части 2 статьи 105 УК РФ.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК

¹ Корнеева А. В. Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие / Под ред. А. И. Рарога. М., 2008. С. 80.

² Попов А. Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах... С. 343.

³ Нами было проанализировано 30 приговоров по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ, вынесенных судами Российской Федерации и размещенных в Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Правосудие», и установлено, что лишь в одном случае убийство беременной женщины было связано с беременностью – она отказалась делать аборт. В остальных случаях беременность не влияла на решение виновного совершить преступление, умысел на убийство беременной женщины формировался под воздействием иных факторов.

РФ)»¹ в первоначальной редакции содержало указание на то, что убийство двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) следует вменять только, если действия виновного охватывались единым умыслом и были совершены, как правило, одновременно.

Данная формулировка была заимствована из постановления Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 года № 4 «О судебной практике по делам об умышленном убийстве»².

В 2008 году Верховный Суд Российской Федерации существенно скорректировал свою позицию³, отказавшись от единства умысла виновного на причинение смерти двум и более лицам.

В результате пересмотра позиции судам «рекомендовано исходить из фактических обстоятельств, свидетельствующих о количественном признаке лишенных жизни лиц, независимо от направленности умысла виновного, а также наличия или отсутствия разрыва во времени между убийствами»⁴.

Характеризуя данную новацию И.В. Кулешова пишет: «Предложенный же Верховным Судом Российской Федерации вариант оценки действий лиц, совершивших несколько убийств, не связанных между собой ни умыслом, ни мотивом, ни целью, ни временем, как единого преступления (исходя из того, что в данном случае они не составляют совокупности), противоречит не только теории уголовного права и нормам УПК РФ, но и здравому смыслу»⁵.

На наш взгляд нельзя согласиться со столь негативным отношением к изменению судебной практики в оценке данного квалифицирующего признака.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 года № 4 «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 апреля 2008 года № 4 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Ларина Л. Ю. Проблемы уголовно-правовой регламентации, назначения наказания и предупреждения совокупности преступлений. М., 2013. С. 83–85; Ларина Л. Ю., Пантюхина И. В. Проблемы квалификации преступлений, совершенных в отношении двух и более лиц (на примере ч. 4 ст. 134 УК РФ) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 6 (11). С. 129–134.

⁵ Кулешова И. В. К вопросу о квалификации убийства двух или более лиц // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 3. С.78.

По каким причинам необходимо, во что бы то ни стало, придерживаться той точки зрения (пусть даже устоявшейся), что причинение смерти двум или более лицам должно охватываться единым умыслом? Почему при оценке признака «двух или более лиц» нельзя руководствоваться квалификацией по признакам объективной стороны преступления, ведь общественно опасные последствия в виде смерти нескольких человек наступили независимо от того охватывались ли они единым умыслом виновного или данный умысел у него возникал каждый раз самостоятельно?

Общественная опасность доведения до самоубийства двух или более лиц не становится меньше от того, что виновный каждый раз планировал совершение нового преступления. Возможно, с точки зрения общественного благополучия, преступник, доводящий до самоубийства одного человека за другим, каждый раз планируя преступление, является более дерзким и более опасен для общества, чем тот, что действуя с единым умыслом, довел до самоубийства двоих. А если так, то и наказание должно быть соответствующим.

«Общественная опасность деяния, – как правильно указывает Е.Ю. Пудовочкин, – проявляется в том, что оно причиняет или создает угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Опасность (вредоносность) заключена в самом действии или бездействии лица, которое по своим внутренним характеристикам и свойствам является негативным социальным отклонением, угрожающим стабильности общества и безопасности составляющих его членов»¹.

Требование о наличии единого умысла на причинение смерти двум или более лицам, на наш взгляд, было справедливым до тех пор, пока существовал квалифицирующий признак – «неоднократно», поскольку требовалось разграничить преступление, совершенное неоднократно и преступление, совершенное в отношении двух или более лиц. Такой квалифицирующий признак, например, присутствовал в УК РФ до 2003 г. (п. «н» ч. 2 ст. 105 УК РФ – убийство, совершенное неоднократно), однако в настоящее время данного признака нет.

¹ Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении... С. 22.

В этой связи представляется, что с учетом вышеуказанной позиции Верховного Суда Российской Федерации доведение до самоубийства двух или более лиц имеет место в тех случаях, когда в результате преступного деяния совершили самоубийство (покушение на самоубийство) два или более лица вне зависимости от наличия или отсутствия у виновного единого умысла на наступление смерти обоих лиц.

В том случае, если одно лицо в результате преступных действий виновного совершило самоубийство, а другое – покушалось на самоубийство, но по независящим от него причинам не совершило самоубийство, то данный факт не имеет юридического значения, поскольку часть первая статьи 110 УК РФ предусматривает равную ответственность как за доведение до самоубийства, так и за доведение до покушения на самоубийства.

Следующими квалифицирующими признаками доведения до самоубийства являются совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Данные квалифицирующие признаки являются новыми применительно к доведению до самоубийства и их анализ целесообразно проводить путем сравнения с теми же признаками, характерными для убийства.

Анализируя их, в первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что пункт «г» части второй статьи 110 УК РФ, предусматривает уголовную ответственность за доведение до самоубийства, совершенное группой лиц по предварительному сговору, а также за доведение до самоубийства, совершенное организованной группой. Ответственность за доведение до самоубийства, совершенное группой лиц, указанная статья не предусматривает.

Эта ситуация может быть обусловлена одной из двух возможных причин. Первая – законодатель не счел доведение до самоубийства, совершенное группой лиц, столь же опасным преступлением, как доведение до самоубийства группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, вторая – законодатель полагает, что подобная форма соучастия для данного преступления не характерна. Вместе с тем, на наш взгляд, ни один из этих аргументов не является обоснованным.

Как справедливо отметил Л.М. Прозументов, характеризуя данную форму соучастия в совершении преступления, «преступная связь между соучастниками непродолжительна, не имеет устойчивого характера, но, тем не менее, представляет большую опасность для общества по сравнению, например, с действиями преступника-одиночки»¹.

На повышенную степень общественной опасности соисполнительства для насильственных преступлений обратил внимание А.В. Шеслер, обоснованно указывающий на то, что в тех случаях, когда преступление совершается путём насилия, то соединение усилий соисполнителей приводит к умалению способностей потерпевшего защитить свои правоохраняемые интересы, что, обуславливает типичность соисполнительства при совершении насильственных и корыстно-насильственных преступлений. Поэтому в тех случаях, где насилие является способом совершения преступления, соисполнительство должно рассматриваться как квалифицирующий признак этого деяния².

Анализ судебной практики также свидетельствует о том, что доведение до самоубийства, совершенное группой лиц, реально существует и представляет общественную опасность, сопоставимую с двумя другими формами соучастия, указанными в п. «г» ч. 2 ст. 110 УК РФ.

Этот вывод иллюстрирует следующий пример из судебной практики.

Приговором Усть-Удинского районного суда Иркутской области от 03 апреля 2012 года по делу № 1-15/2012 ³ Белослудцев М.Ю., Толстых П.А. и Фортунатов Р.О. признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ.

Судом установлено, что Белослудцев М.Ю., Толстых П.А., Фортунатов Р.О. и лицо, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство, на почве личных неприязненных отношений к Шерстянникову А.Г., обусловленных тем, что последний ранее нанес Толстых П.А. четыре удара по голове и облил его помоями, находясь в квартире,

¹ Прозументов Л. М. Групповое преступление: вопросы теории и практики. Томск, 2010. С. 82.

² Шеслер А. В. Соучастие в преступлении: монография. Новокузнецк, 2014. С. 29.

³ Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 20.04.2018).

договорились о совместном причинении Шерстянникову А.Г. побоев. Реализуя договоренность на причинение Шерстянникову А.Г. побоев, указанные лица нанесли потерпевшему несколько ударов руками и ногами в область лица и живота, причинив потерпевшему телесные повреждения, не расценивающийся как вред здоровью. Далее, выйдя за рамки достигнутой договорённости, Толстых П.А. нанес потерпевшему не менее четырех ударов ногами в область передней поверхности грудной клетки слева, причинив тем самым телесные повреждения, расценивающиеся как средней тяжести вред здоровью.

Затем у Белослудцева М.Ю. возник умысел на еще более жестокое отношение к Шерстянникову А.Г. путем издевательства над ним *группой лиц* (прим. – курсив наш) с Толстых П.А., Фортунатовым Р.О. и лицом, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство. Реализуя свой умысел Белослудцев М.Ю. испустил мочу на лежавшего на полу Шерстянникова А.Г., а затем предложил Толстых П.А., Фортунатову Р.О. и лицу, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство, также помочиться на потерпевшего, что указанные лица и сделали. Затем Толстых П.А. приспустил потерпевшему штаны до колен и высказал угрозу совершения акта мужеложства. Белослудцев М.Ю., в поддержание реальности высказанных Толстых П.А. угроз, подошел к лежавшему на полу потерпевшему и, обнажив свой половой член, стал касаться им ягодиц потерпевшего. В результате указанных действий Шерстянников А.Г. покончил жизнь самоубийством путем повешения на ограде. Судом установлено, что подсудимые не предвидели, но могли и должны были предвидеть возможность самоубийства потерпевшего.

Судом Белослудцеву М.Ю., Толстых П.А. и Фортунатову Р.О. назначено наказание в виде лишения свободы на срок три года. Назначенное наказание суд постановил считать условным, установив каждому из них испытательный срок – два года.

Приведенный пример, на наш взгляд, полностью соответствует формулировке части 1 статьи 35 УК РФ, в соответствии с которой преступление

признается совершенным группой лиц, если в его совершении участвовали два и более исполнителя без предварительного сговора.

Помимо данной ситуации, могут иметь место и такие, при которых оба родителя (отец и мать) или один из родителей и сожитель (сожительница) угрозами, жестоким обращением или систематическим унижением человеческого достоинства доводят до самоубийства несовершеннолетнего ребенка (пасынка, падчерицу, опекаемое лицо). Данный вывод подтверждается, например, публикацией, размещенной на официальном сайте Следственного комитета Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Так, двое жителей села Карпово Солонешенского района Алтайского края судом признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 110, 156 УК РФ. Указанные лица, являясь родителями 11-летнего сына, довели его до самоубийства¹.

Данные примеры свидетельствуют о необходимости дополнения пункта «г» части второй статьи 110 УК РФ словами «группой лиц». Устранение этого пробела позволит давать надлежащую правовую оценку подобным деяниям.

До устранения этого пробела, в целях частичного преодоления негативных последствий несовершенства законодательства, целесообразным будет руководствоваться следующим разъяснением Верховного Суда Российской Федерации, данным применительно к делам о краже, грабеже и разбое: «Учитывая, что законом не предусмотрен квалифицирующий признак совершения кражи, грабежа или разбоя группой лиц без предварительного сговора, содеянное в таких случаях следует квалифицировать (при отсутствии других квалифицирующих признаков, указанных в диспозициях соответствующих статей Уголовного кодекса Российской Федерации) по части первой статьи 158, части первой статьи 161 либо части первой статьи 162 УК РФ. Постановляя приговор, суд при наличии к тому оснований, предусмотренных частью первой статьи 35 УК

¹ В Алтайском крае родители 11-летнего мальчика признаны виновными в доведении своего сына до самоубийства и в неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего [Электронный ресурс] // URL: <http://sledcom.ru/news/item/559371> (дата обращения: 20.04.2018).

РФ, вправе признать совершение преступления в составе группы лиц без предварительного сговора обстоятельством, отягчающим наказание, со ссылкой на пункт «в» части первой статьи 63 УК РФ»¹.

Соответственно доведение до самоубийства, совершенное группой лиц, необходимо квалифицировать по ч.1 ст.110 УК РФ и считать обстоятельством, отягчающим наказание (п. «в» ч.1 ст.63 УК РФ).

Рассматривая проблему доведения до самоубийства, совершенного группой лиц, необходимо обратить внимание на то, что последствия в виде самоубийства или покушения на самоубийства потерпевшего должны быть охвачены умыслом (прямым или косвенным) каждого из участников преступления. Такая форма вины, как неосторожность, в данном случае невозможна.

Анализируя перечисленные в пункте «г» части второй статьи 110 УК РФ формы соучастия вновь обратимся к их толкованию применительно к убийству.

Согласно ч. 2 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления.

В соответствии с пунктом 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»² предварительный сговор на убийство предполагает выраженную в любой форме договоренность двух или более лиц, состоявшуюся до начала совершения действий, непосредственно направленных на лишение жизни потерпевшего. При этом наряду с соисполнителями преступления, другие участники преступной группы могут выступать в роли организаторов, подстрекателей или пособников убийства, и их действия надлежит квалифицировать по соответствующей части ст. 33 и п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Данное разъяснение справедливо и для доведения до самоубийства с той лишь разницей, что ввиду специфики доведения до самоубийства представляются редкими ситуации, при которых возможно распределение ролей («сложное

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

соучастие»), предполагающее наличие исполнителя, организатора, подстрекателя и пособника.

Согласно ч. 3 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений.

Согласно тому же разъяснению Верховного Суда Российской Федерации¹ организованная группа – это группа из двух и более лиц, объединенных умыслом на совершение одного или нескольких убийств. Как правило, такая группа тщательно планирует преступление, заранее подготавливает орудия убийства, распределяет роли между участниками группы. Поэтому при признании убийства совершенным организованной группой действия всех участников независимо от их роли в преступлении следует квалифицировать как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ.

Исходя из понятия, данного в ч. 3 ст. 35 УК РФ, также довольно редкой представляется ситуация при которой устойчивая группа лиц заранее объединяется для того, чтобы кого-либо доводить до самоубийства, при этом тщательно планируя преступления, заранее подготавливая орудия преступления, распределяя роли между участниками группы.

Данные ситуации являются, по нашему мнению, возможными при совершении преступлений руководителями религиозных сект или администраторами «групп смерти» в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Возможно, именно для таких редких случаев законодатель и предусмотрел пункт «г» части второй статьи 110 УК РФ, оставив, к сожалению, без внимания более распространенные и существующие на данный момент случаи соучастия в доведении до самоубийства – совершение преступления группой лиц. При этом, логика законодателя в данном случае непостижима, поскольку такой квалифицирующий признак, как «совершение преступления группой лиц»

¹ См.: Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

характерен для всех наиболее опасных преступлений против личности (п. «ж» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 3 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 117, п. «а» ч. 2 ст. 131, п. «а» ч. 2 ст. 132 УК РФ и др.).

Последним из квалифицирующих признаков доведения до самоубийства, является признак, указанный в пункте «д» части второй статьи 110 УК РФ – «совершение данного деяния в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)».

Идущий «семимильными» шагами технический прогресс несёт не только добро, но и зло. К одному из таких зол можно отнести новые виды преступлений. Так, еще в XIX веке Чезаре Ломброзо писал: «Цивилизация чуть ли ни ежедневно создает новые преступления, быть может, менее ужасные, чем прежние, но столь же, если не более, вредные»¹.

Рассматриваемая норма содержит четыре состава преступления: «доведение до самоубийства, совершенное в публичном выступлении», «доведение до самоубийства, совершенное в публично демонстрирующемся произведении», «доведение до самоубийства, совершенное в средствах массовой информации», «доведение до самоубийства, совершенное информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)». Перечисленные составы преступлений объединяет один и тот же признак объективной стороны – публичность.

Хотя в российском законодательстве нет определения термина «публичность», его понимание имеет весьма важное значение для правоприменительной практики.

Публичность, как признак объективной стороны, как отмечает С.Н. Бычков, «имеет неоднозначное законодательное закрепление, что порождает проблему правоприменения и споры в теории уголовного права»².

¹ Ломброзо Ч. Преступный человек. Пер. с итальянского. СПб., 2005. С. 48.

² Бычков С. Н. Публичность как признак объективной стороны в преступлениях против личности // Вопросы студенческой науки. 2017. № 5. С. 128.

Исходя из анализа приговоров вынесенных судами Российской Федерации и размещённых в Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Правосудие» объективная сторона большинства преступлений, предусмотренных ст. 110 УК РФ, является однотипной: виновное лицо (муж, сожитель, родитель, кредитор, начальник) с целью доведения до самоубийства систематически оскорбляет и избивает потерпевшего (жену, сожительницу, ребенка, должника, работника) и, порой, делает это на глазах у других людей (родственников, знакомых, коллег).

Так, например, типичным примером такой ситуации является приговор Тяжинского районного суда Кемеровской области от 19 апреля 2016 года по делу № 1-6/2016¹. Указанным приговором суда Федоров И.Д. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ. Судом установлено, что Федоров И.Д., находясь в состоянии алкогольного опьянения, умышленно, с целью доведения потерпевшей С. до самоубийства в период с 2013 по 2015 г.г. жестоко обращался с ней, систематически унижал её человеческое достоинство, а именно: систематически оскорблял потерпевшую, в том числе грубыми нецензурными словами, *в том числе в присутствии посторонних лиц* (прим. – курсив наш), немотивированно, спонтанно применял в отношении неё физическое насилие, в том числе различными предметами, причиняя ей физическую боль, чем создал длительную психотравмирующую ситуацию, которая привела к развитию у С. длительного психического расстройства в форме смешанного тревожного и депрессивного расстройства, вследствие чего потерпевшая покончила жизнь самоубийством путем повешения.

Имеет ли место в данном случае признак публичности и надлежит ли квалифицировать эти действия по п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ?

В первую очередь необходимо определить, что представляет собой публичное выступление.

¹ Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 22.04.2018).

Раскрывая значение слова «публичный» словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой¹ указывает, что это «осуществляемый в присутствии публики, открытый».

Для уяснения значения термина «публичность» следует обратиться к пункту 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»² из которого следует, что «под публичными призывами (статья 280 УК РФ) следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть «Интернет») обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности. <...> Вопрос о публичности призывов должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, размещение обращения в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая сеть «Интернет», например на сайтах, в блогах или на форумах, распространение обращений путем веерной рассылки электронных сообщений и т.п.)». О необходимости оценки судами публичности, исходя из приведенных выше обстоятельств, указывает также пункт 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»³.

То есть, во-первых, публичность обусловлена коллективным адресатом обращения. Таким адресатом будет либо группа людей, если речь идет о митинге, собрании или демонстрации, либо неопределенный круг лиц, если речь идет о

¹ Толковый словарь русского языка Ожегова С. И. и Шведовой Н. Ю. [Электронный ресурс] // URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=25236> (дата обращения: 22.04.2018).

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

вывешивании листовок, размещении обращения в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая сеть «Интернет», распространении обращений путем веерной рассылки электронных сообщений. Во-вторых, умыслом виновного лица должна быть охвачена именно такая форма распространения обращения, при которой оно станет доступно многим людям, на что должны указывать: место, способ, обстановка и другие обстоятельства совершения преступления. Характеризуя форму вины в случае совершения преступления, предусмотренного статьей 282 УК РФ, Верховный Суд Российской Федерации констатирует, что оно совершается только с прямым умыслом¹.

Подобным образом Верховный Суд Российской Федерации трактует признак публичности и применительно к статье 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти».

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2006 года № 11-Д05-103², анализируя уголовное дело по обвинению Галявиева, суд приходит к следующим выводам. «Согласно статье 319 УК РФ уголовная ответственность наступает за публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением. По смыслу уголовного закона публичными могут признаваться такие оскорбления, которые заведомо высказываются в присутствии многих лиц с целью либо нарушения нормальной деятельности органов власти, либо ущемления их авторитета, равно унижения чести и достоинства конкретного представителя власти. Вместе с тем, как видно из приговора, оскорбления в виде грубой нецензурной брани в адрес сотрудника милиции Хазиева высказаны осужденным, находившимся в состоянии алкогольного опьянения, в помещении медицинского вытрезвителя лишь в присутствии Макаровой – санитарки медицинского вытрезвителя и Тарасовой – фельдшера того же вытрезвителя, при отсутствии там других лиц. В приговоре не

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2006 года № 11-Д05-103 [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

приведены объективные данные, свидетельствующие о том, что Галявиев высказывал оскорбления, унижающие честь и достоинство потерпевшего, желал сделать их достоянием многих лиц с указанной выше целью. Отсутствуют они и в материалах дела. При таких обстоятельствах в действиях Галявиева отсутствует признак публичности, что исключает его ответственность по ст. 319 УК РФ».

Значение слова «выступление» словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой определяет как «речь, высказывание (на собрании, перед публикой)»¹. В качестве синонимов к слову «выступление» словарь синонимов русского языка З.Е. Александровой предлагает слова «речь, доклад, сообщение, спич»². Данные формы подачи информации предполагают определенную логическую структуру и содержание и, как следствие, должны быть в той или иной степени спланированными.

Исходя из изложенного, публичное выступление предполагает наличие публики, находящейся в месте выступления в качестве зрителей или слушателей.

Но имеет ли значение количество лиц, присутствовавших на данном выступлении? На данный вопрос однозначного ответа нет.

Понимание этого критерия среди ученых простирается в границах от двух лиц до неопределенно широкого круга лиц.

Так, применительно к статье 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни» авторы Комментария к Уголовному кодексу Российской Федерации под редакцией В.М. Лебедева³ указывают, что «распространение сведений в публичном выступлении означает доведение их до сведения иных лиц в выступлении, рассчитанном *на неопределенно большую аудиторию*, например, в выступлении перед избирателями, работающими на конкретном предприятии, на митинге, лекции и т.п.

¹ Толковый словарь русского языка Ожегова С. И. и Шведовой Н. Ю. [Электронный ресурс] // URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=4718> (дата обращения: 23.04.2018).

² Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: около 11 000 синонимических рядов. 11-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 83.

³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 13-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2013 [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

Авторы Комментария к Уголовному кодексу Российской Федерации под редакцией А.И. Чучаева¹ применительно к статье 205.2. «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма» считают публичными те призывы, которые высказаны в присутствии значительного числа людей (например, на митинге, собрании, манифестации), а применительно к статье 354 УК РФ «Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны» публичными считают призывы, совершенные в отношении двух или более лиц.

Иного понимания признака публичности придерживается С.Н. Фридинский, который давая уголовно-правовую характеристику преступления, предусмотренного статьей 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», указывает, что «законодатель ограничивает понятие «призывы» признаком публичности, что означает открытый, в присутствии публики, характер призывов. Полагаем, что признак публичности имеет место, если призыв производится в отношении двух и более лиц. Конечно, как правило, аудитория слушателей или зрителей гораздо больше, нежели два человека, но с формальной точки зрения для окончания деяния достаточно, чтобы такой призыв услышали, увидели или прочитали минимум два человека»².

Учитывая, что доведение до самоубийства представляет собой деяние, посягающее на жизнь определенного (частного) лица, то такие характеристики публичности, как «значительное число людей», «неопределенно большая аудитория» будут неуместными. Да и вряд ли большое число людей заинтересует публичное выступление, направленное против обычного человека. В то же время слова, адресованные одному зрителю или слушателю, исходя из сопоставления с другими статьями УК РФ, содержащими признак публичности, а также с учетом доктринального толкования, также нельзя считать публичным выступлением.

В связи с этим, по нашему мнению, признаком публичности будет обладать выступление слушателями или зрителями которого выступают два и более лица.

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации" (постатейный). 2-е изд., испр., перераб. и доп. / Под ред. А. И. Чучаева. М., 2010 [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

² Фридинский С. Н. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Юрист-Правоведъ, 2008. № 4. С. 68.

Таким образом, *доведение до самоубийства, совершенное в публичном выступлении, состоит в высказывании виновным в адрес потерпевшего угроз, использовании издевательских, унижающих человеческое достоинство слов или жестов, выраженных в присутствии двух или более лиц, находящихся в месте выступления.*

Направленные на доведение до самоубийства выступления в коллективах учащихся, студентов, военнослужащих, в трудовых коллективах, коллективах заключенных, среди членов религиозных групп, национальных диаспор и т.п., на наш взгляд, являются именно такими публичными выступлениями.

Вместе с тем, анализ правоприменительной практики показывает, что законодатель, пытаясь предусмотреть гипотетические ситуации, которые предположительно могут иметь место (доведение до самоубийства, совершенное в публичном выступлении или в публично демонстрирующемся произведении), реально существующие ситуации не предусмотрел. Так, все более распространенным в среде учащихся (особенно школьников) становится «буллинг».

Буллинг (от англ. bullying – запугивание, издевательство, травля) представляет собой «тип социальной агрессии, длительное физическое или психическое насилие со стороны индивида или группы в отношении индивида, который не способен защитить себя в данной ситуации»¹. Такого рода травля может осуществляться как демонстративно и публично, так и посредством распространения негативной и заведомо недостоверной информации об объекте травли в коллективе.

Причем в травле могут участвовать не только учащиеся, но и педагоги, что подтверждается следующим примером.

В соответствии с апелляционным постановлением Хабаровского краевого суда от 06 октября 2015 года по делу № 22-3199/2015² действия директора

¹ Анцупов Я. А., Шипилов А. И. Словарь конфликтолога. 2-е изд. СПб., 2006. С. 41.

² Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 24.04.2018).

детского дома Ищенко расценены как преступления, предусмотренные ст. ст. 110, 156 УК РФ.

Судом установлено, что Ищенко, являясь лицом, на которое возложена обязанность по воспитанию несовершеннолетних, ненадлежащим образом исполняла эти обязанности в отношении несовершеннолетней <ФИО>, а именно неоднократно выражалась в адрес потерпевшей грубыми бранными словами, наказывала её за различные поступки, тогда, как другим детям это сходило с рук, что очень обижало потерпевшую, высказывала угрозу остричь её наголо. В результате указанных действий потерпевшая совершила самоубийство путем повешения. Перед смертью потерпевшая оставила рисунок с изображением дома и повешенного на нем человека с надписью «Добились чего хотели!».

Проведённые по делу посмертные психолого-психиатрическая и психиатрическая экспертизы свидетельствовали о том, что самоубийство потерпевшей было обусловлено длительной ситуацией психологического насилия со стороны Ищенко, наличия деструктивных действий со стороны Ищенко и со стороны других работников детского дома (оскорблений, унижений, угроз, других форм психического и физического насилия).

Ищенко была судом освобождена от наказания в связи с амнистией, объявленной Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов.

В указанном случае никакого публичного выступления Ищенко с целью доведения до самоубийства потерпевшей не было, однако же, публичный характер преступных действий сомнений не вызывает.

Чтобы убедиться в том, что буллинг (травля) является одной из причин самоубийств, достаточно ввести в поисковой строке интернет-браузера соответствующий запрос¹.

¹ См., напр.: «Версия: пятнадцатилетняя дзержинская школьница покончила с собой из-за травли в школе». [Электронный ресурс] // URL: <https://www.nnov.kp.ru/daily/26450.7/3319992> (дата обращения: 25.04.2018); «Слава Украине!»: московские школьники довели до суицида беженца из ДНР» [Электронный ресурс] //URL: https://life.ru/t/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/941643/slava_ukrainie_moskovskiie_shkolniki_dovieli_do_suitsida_biezhientsa_iz_dnr (дата обращения: 25.04.2018).

Анализируя доведение до самоубийства, совершенное в публично демонстрирующемся произведении, необходимо отметить, что такое произведение должно воздействовать на потерпевшего указанными в части первой статьи 110 УК РФ способами, а значит содержать угрозы, жестокие или унижающие человеческое достоинство потерпевшего сцены. Стало быть, такое произведение должно быть либо непосредственно о потерпевшем, либо о конкретных людях, предметах или явлениях, представляющих для потерпевшего особую ценность, сопоставимую с ценностью жизни (о родителях, о детях, о религиозных идеалах, ценных для глубоко верующего человека и т.п.).

С точки зрения лингвистики произведение представляет собой «создание, продукт труда, вообще то, что сделано, исполнено»¹.

Законодательство не содержит ни понятия произведения, ни перечня произведений, что можно объяснить интенсивным развитием науки, техники, информационных и иных технологий, которое не позволяет предусмотреть многообразие таких объектов. Вместе с тем, статья 1225 ГК РФ к числу результатов интеллектуальной деятельности относит произведения науки, литературы и искусства, поэтому с точки зрения науки гражданского права «произведение – это такой результат творческой деятельности, который создан в сфере литературы, искусства, а также науки»².

Под публично демонстрирующемся произведением применительно к нормам уголовного права, по распространенному мнению, понимаются «различные кино-, теле-, видеоматериалы и т.п.»³. Однако, изучение гражданского законодательства показывает, что данные формы не являются исчерпывающими. К таким произведениям могут, например, относиться карикатуры, отредактированные при помощи компьютера фотографии, презентации, коллажи, компиляции аудиозаписей и др.

¹ Толковый словарь русского языка Ожегова С. И. и Шведовой Н. Ю. [Электронный ресурс] // URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=24517> (дата обращения: 25.04.2018).

² См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части четвертой (постатейный) в 2 томах. Т. 1. / С. А. Горленко и др.; отв. ред. А. А. Трахтенгерц. М., 2016. С. 261.

³ Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII–VIII / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2018. С. 105.

При этом указанный квалифицирующий признак, на наш взгляд, будет иметь место лишь в том случае, если потерпевший присутствовал при демонстрации данного произведения или был осведомлен о ней.

Таким образом, доведение до самоубийства, совершенное в публично демонстрирующемся произведении, представляет собой демонстрацию двум или более лицам произведения, содержащего угрозы, жестокие или унижающие человеческое достоинство потерпевшего сцены, если потерпевший присутствовал при демонстрации данного произведения или был осведомлен о ней.

Доведение до самоубийства, совершенное в средствах массовой информации.

Статья 2 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» дает такое определение средства массовой информации – «периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)»¹.

Использование средств массовой информации, предполагает опубликование в печати, выступление по телевидению и радио, размещение в сетевых изданиях в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и т.д.

В статье 8 указанного закона сделана следующая оговорка относительно интернет-сайтов: «Сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» может быть зарегистрирован как сетевое издание в соответствии с настоящим Законом. Сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», не зарегистрированный в качестве средства массовой информации, средством массовой информации не является»².

¹ Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

² Там же.

С учетом этого возникает вопрос о том, каким образом квалифицировать доведение до самоубийства, совершенное с использованием сайта, зарегистрированного в качестве средства массовой информации?

В названном случае имеет место конкуренция между двумя видами квалифицированных составов преступлений – «доведение до самоубийства, совершенное в средствах массовой информации» и «доведение до самоубийства, совершенное в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)». Учитывая, что законодатель в пункте «д» части второй статьи 110 УК РФ средства массовой информации и информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть «Интернет») разделил союзом «или», то оба этих признака одновременно не могут быть указаны в обвинении.

«При конкуренции специальных норм, предусматривающих квалифицированные составы преступлений, – пишет А.В. Корнеева, – квалификация производится по норме, предусматривающей более тяжкий квалифицирующий признак»¹. Но в данном случае, оба квалифицирующих признака относятся к одному пункту, поэтому выделить более тяжкий нельзя. В связи с этим необходимо руководствоваться правилами квалификации при конкуренции части и целого. При такой форме конкуренции надлежит применять ту норму («целое»), которая с наибольшей полнотой охватывает все признаки деяния. В рассматриваемом нами случае – это норма, предусматривающая уголовную ответственность за доведение до самоубийств, совершенное в средствах массовой информации. Есть огромное число информационных ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и только часть из них – средства массовой информации.

Данный вывод подтверждается и разъяснением, изложенным в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 года № 16, согласно которому «лица, допустившие нарушения законодательства при распространении массовой информации через сайты в сети «Интернет», не зарегистрированные в качестве средств массовой информации, несут уголовную,

¹ Корнеева А. В. Теоретические основы квалификации преступлений... С. 144.

административную, гражданско-правовую и иную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации без учета особенностей, предусмотренных законодательством о средствах массовой информации»¹.

Доведение до самоубийства, совершенное в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»).

В соответствии со статьей 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»² информационно-телекоммуникационная сеть – технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники.

Информационно-телекоммуникационные сети могут быть глобальными, территориальными и локальными, однако, при совершении преступлений чаще всего используется сеть «Интернет», поскольку она является общедоступной.

«Интернет» представляет собой «глобальную децентрализованную систему информационно-телекоммуникационных сетей, соединяющих на основе единых протоколов различные типы компьютеров»³.

Глобальный характер и определенная степень анонимности личности пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» позволяют судить о повышенной степени общественной опасности данного состава преступления.

Широкую огласку эта проблема получила в 2016 году, когда были выявлены многочисленные факты самоубийств, совершенных под влиянием администраторов закрытых групп, действовавших в социальных сетях, – так называемых «групп смерти» («Синий кит», «Море китов», «F57», «Тихий дом» и др.).

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 года № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

³ Андрущенко Е. С. Интернет-отношения: государственное регулирование и самоуправление.: дисс.... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 30.

«Существующие в информационно-телекоммуникационной сети Интернет социальные сети, в которых создаются закрытые группы, становятся местом пропаганды самоубийства. В таких закрытых группах распространяются соответствующие фото -, видео - и аудиоматериалы, даются советы о способах совершения самоубийства, разработана символика – «бабочки» (живут один день) и «киты» (выбрасываются на берег)»¹.

Л.А. Букалерева, В.С. Лавелина и А.В. Остроушко так охарактеризовали подходы, практикуемые в деятельности «групп смерти», – «суицидальное поведение старались завуалировать под гибрид «городского квеста» и реалити-шоу. Подростков так психически подготавливали, что они начинали романтизировать смерть и вовлекались в своеобразное «последнее приключение», о котором они должны были быть готовы рассказать только своим сетевым товарищам. Закрытый и ритуальный характер вступления в указанные сообщества, методично разработанный набор заданий (путь инициации) привлекает внимание детей и, в конечном счете, доводит ребенка до суицида или попытки совершения самоубийства»².

Значительный общественный резонанс получило уголовное дело по обвинению администратора «группы смерти» Будейкина Ф.А., действовавшего в социальной сети «ВКонтакте».

Будейкин Ф.А., зарегистрированный в социальной сети «ВКонтакте» под псевдонимом «Филипп Лис», через переписку в группах в социальной сети осуществлял постоянную деятельность, направленную на распространение среди несовершеннолетних пользователей сети пропаганды суицида и склонение их к его совершению. По информации Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу

¹ Рыжов Э.В. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства в условиях современного информационного общества // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 1. С. 68–70.

² Букалерева Л. А., Лавелина В. С., Остроушко А. В. Правовые, организационные, технические меры противодействия призывам к самоубийствам несовершеннолетних в сети «Интернет» // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2017. № 3 (46). С. 49.

Будейкину Ф.А. предъявлено обвинение в совершении лишь двух преступлений, предусмотренных ст. 110 УК РФ, ч.3 ст. 30, ст. 110 УК РФ¹.

Рассматривая проблему общественной опасности преступлений, совершаемых руководителями таких сообществ («групп смерти»), А.И. Бастрыкин справедливо отмечает, что подобные преступные посягательства направлены против здоровья населения и общественной нравственности, то есть посягают на общественные отношения охраняемые главой 25 УК РФ. «Исходя из того, что воздействие осуществляется не только на конкретную жертву, но и на индивидуально неопределенный круг пользователей (идеи суицидальных пабликов через соответствующий контент распространяются подобно вирусу) можно с уверенностью сказать, что мы имеем дело с преступлением, объект которого – здоровье населения и общественная нравственность». С учетом указанных обстоятельств А.И. Бастрыкин предлагает квалифицировать деятельность руководителей этих сообществ также и по статье 239 УК РФ «Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан». При этом, как отмечает данный автор, тот факт, что эти сообщества не зарегистрированы в установленном порядке, не препятствует применению ст. 239 УК РФ, поскольку российское законодательство допускает функционирование общественных объединений без государственной регистрации и приобретения прав юридического лица².

С учетом изложенного, полагаем необходимым указанное предложение поддержать и случаи доведения до самоубийства, совершенные в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», квалифицировать не только по п. «д» ч.2 ст.110 УК РФ, но и по соответствующим частям статьи 239 УК РФ.

Анализируя формы проявления преступной деятельности руководителей «групп смерти» необходимо отметить, что до тех пор, пока воздействие на

¹ См.: В Санкт-Петербурге предъявлено обвинение администратору одной из «групп смерти» в социальных сетях, от деятельности которой пострадало не менее 20 подростков. Официальный сайт Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу [Электронный ресурс] // URL: <http://spb.sledcom.ru/Novosti/item/1082389> (дата обращения: 27.04.2018).

² См.: Бастрыкин А. И. Преступления против несовершеннолетних в Интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 5–12.

потерпевшего ограничивается уговорами, предложениями, подкупом, обманом или иными способами¹, соответствующее деяние необходимо квалифицировать по п. «д» ч. 3 ст. 110¹ УК РФ. Но в том случае, когда лицу, пожелавшему покинуть «игру», начинают угрожать (как правило, угрожают смертью близких), данное деяние будет образовывать состав преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ. Следует отметить, что деяние, начатое, как склонение к самоубийству, может перестать в доведение до самоубийства и вне деятельности «групп смерти».

Формы доведения до самоубийства с использованием сети «Интернет» не ограничиваются одними лишь «группами смерти».

Сравнительно новым для России является такое явление, как «кибербуллинг» («кибермоббинг», «кибертравля») – издевательство, угрозы, оскорбления, запугивание и т.п., совершаемые с помощью ресурсов, предоставляемых информационно-телекоммуникационной сетью «Интернет».

Пример кибербуллинга описан в приговоре, вынесенном в 2012 году 31-летней жительнице Крымского района Краснодарского края Анне Семененко. Подсудимая с октября 2007 года по август 2009 года поддерживала близкие отношения с Владимиром Голубовым, а после расставания зарегистрировалась под различными вымышленными именами в одной из социальных сетей и стала рассылать его знакомым сведения, не соответствующие действительности. При этом женщина ложно заявляла о нетрадиционной сексуальной ориентации Голубова и аналогичные сведения публиковала на его личной странице. В результате потерпевший совершил самоубийство². Данное уголовное дело, по информации официального интернет-сайта ОАО «Первый канал», было первым в

¹ Например, одним из распространённых способов воздействия на потерпевшего является внушение ему идеи о том, что в Интернете присутствует «Уровень А», где существует «пик Интернета» («Тихий дом»), попадая куда человек переживает «информационное перерождение» и навеки сливается с Сетью.

² В Краснодарском крае перед судом предстанет местная жительница, обвиняемая в доведении до самоубийства своего знакомого [Электронный ресурс] // URL: <http://sledcom.ru/news/item/562487> (дата обращения: 27.04.2018).

России делом о доведении до самоубийства, совершенном с использованием информационно-коммуникационной сети «Интернет»¹.

По данным Е.А. Бенгиной, С.А. Гришаевой жертвы кибербуллинга предпринимают попытки суицида в два раза чаще, чем их ровесники, не становившиеся жертвами травли в Интернете².

Кибербуллинг может совершаться как с помощью социальных сетей или других информационных ресурсов сети «Интернет», так и с помощью интернет-мессенджеров.

Следует отметить, что данная проблема обусловлена не широким распространением сети Интернет. Как верно заметил А.А. Комаров, «в наиболее «интернетизированном» регионе – Москве уровень самоубийств один из самых маленьких на планете (по оценке ВОЗ – 3,8 случая на 100 тысяч человек), а в регионах Сибири и Дальнего Востока в пять раз выше. В этой связи можно предположить, будто основные причины самоубийств в нашем государстве лежат вне «Интернета». Куда большую роль в распространении самоубийств играет алкоголь, отсутствие стабильного заработка в условиях закрытия большинства, построенных в советское время предприятий обрабатывающего сектора экономики и прочие социальные факторы»³, а доля подростковых суицидов в России совершенных под влиянием так называемых «групп смерти» в социальных сетях по информации интернет-сайта «Российской газеты» составляет около 1%⁴.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что вне поля зрения законодателя остался еще один чрезвычайно опасный квалифицированный состав данного преступления – «то же деяние, совершенное с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение».

Этот вывод иллюстрирует пример из судебной практики.

¹ В Краснодарском крае оглашен приговор о доведении до самоубийства с помощью Интернета [Электронный ресурс] // URL: https://www.1tv.ru/news/2012-03-27/98044-v_krasnodarskom_krae_oglashen_prigovor_o_dovedenii_do_samoubiystva_s_pomoschyu_interneta (дата обращения: 27.04.2018).

² См.: Бенгина Е. А., Гришаева С. А. Кибербуллинг как новая форма угрозы психическому здоровью личности подростка // Вестник университета (Государственный университет управления). 2018. № 2. С. 153–157.

³ Комаров А. А. Новеллы уголовного законодательства об уголовной ответственности за побуждение несовершеннолетних к самоубийству: криминологический комментарий // *Juvenis scientia*. 2017. № 11. С. 41.

⁴ Петров И. МВД: Около процента детских суицидов совершаются по вине «групп смерти» [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2017/03/30/mvd-okolo-procenta-detskih-suicidov-sovershaiutsia-po-vine-grupp-smerti.html> (дата обращения: 28.04.2018).

Кассационным определением Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2010 года по делу № 45-0-10-123¹ Батырханов Ш.Г. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 162, ст. 110, п. «в» ч. 2 ст. 162, п.п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 30, п.п. «а», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В части доведения до самоубийства судом установлено, что Батырханов Ш.Г., увидев, что потерпевшая, с которой он ранее состоял в дружеских отношениях, получила деньги, пришел ночью к ней в квартиру и стал требовать деньги. Затем вытряхнул содержимое её сумочки и забрал у потерпевшей свою долговую расписку. Затем стал угрожать потерпевшей убийством, избивать её подлокотником от кресла, плойкой, пытался связать руки шнуром, угрожал увезти в багажнике, предлагал выброситься с балкона или из окна, перерезал телефонный кабель, заставлял стирать его замаранную кровью рубашку, постоянно говоря, что единственным выходом для неё будет самоубийство. Данными действиями Батырханов Ш.Г. причинил потерпевшей телесные повреждения, расценивающиеся как средней тяжести вред здоровью. В результате указанных преступных действий потерпевшая нанесла себе лезвием порезы на обеих руках, причинив резаные раны, расценивающиеся как тяжкий вред здоровью. После ухода обвиняемого из квартиры потерпевшая приползла к соседке на пятый этаж и попросила её вызвать «скорую помощь».

При указанных обстоятельствах, доводя потерпевшую до самоубийства, виновный действовал с вполне определенной целью – с целью облегчить себе совершение разбойного нападения. Более высокая степень общественной опасности подобных деяний, в сравнении с простым составом преступления, является очевидной.

В связи с изложенным, целесообразным является дополнить часть вторую статьи 110 УК РФ пунктом «е» следующего содержания:

«е) с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение»

¹ Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 28.04.2018).

3.2 Особенности уголовно-правовой характеристики доведения до самоубийства лиц, заведомо для виновного находящихся в беспомощном состоянии, и несовершеннолетних

Как уже было нами отмечено ранее, необходимость изменения Уголовного кодекса Российской Федерации в 2017 году в значительной степени была обусловлена получившими широкую огласку фактами самоубийств несовершеннолетних, совершенных, в том числе, под влиянием действовавших в информационно-телекоммуникационной сети Интернет «групп смерти».

Соответствующие предложения в 2016 – 2017 гг. были внесены Президентом Российской Федерации В.В. Путиным и другими государственными деятелями¹. О целевой нагрузке закона свидетельствует и его наименование – Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению»².

Однако именно тот квалифицирующий признак доведения до самоубийства, который был ключевым, то ради чего вносились в УК РФ изменения («доведение до самоубийства несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии»), и вызывает больше всего вопросов.

Так, Н.А. Егорова отмечает: «Дифференциация ответственности за доведение до самоубийства и появление в российском уголовном законе статьи 110¹ УК РФ не решает проблему отграничения указанных преступлений от убийства (статья 105 УК РФ). Более того, с появлением таких квалифицирующих признаков доведения до самоубийства, как несовершеннолетие и беспомощное

¹ См. подробнее: Рыжов Э. В. Современные тенденции изменения уголовного законодательства в целях противодействия деятельности, направленной на побуждение к суицидальному поведению // Служа закону – служим Отечеству: материалы межвузовского круглого стола аспирантов и магистрантов. Москва, 30 мая 2017 г. / Под общ. ред. А. М. Багмета. М., 2017. С. 105–109.

² Федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

состояние потерпевшего (пункт «а» части 2 статьи 110, пункт «а» части 3 статьи 110¹ УК РФ), она еще более актуализируется»¹.

В связи с введением этого признака возникает проблема отграничения опосредованного убийства («убийства руками потерпевшего»²) от доведения до самоубийства. И данный вопрос требует серьезного осмысления.

На современном этапе развития уголовного права доведение до самоубийства несовершеннолетнего – преступление, общественная опасность которого выше, чем общественная опасность доведения до самоубийства совершеннолетнего, однако, как ни парадоксально, так было не всегда.

В XIX веке отечественное уголовное законодательство на доведение до самоубийства распространяло норму, предусматривающую ответственность за пособничество в убийстве. Так, в соответствии с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, а также последующих редакциях данного уложения от 1857, 1866 и 1885 годов склонение или соучастие в самоубийстве приравнивалось к пособничеству в убийстве³. Исключение было сделано для лиц, наделенных властью над детьми (родители, опекуны и т.п.), преступления которых были отнесены к числу деяний менее тяжких, чем убийство⁴.

Данное положение было связано с тем, что жизнь несовершеннолетнего в тот период развития общества не признавалась равнозначной жизни взрослого. Ребенок воспринимался, как объект родительской власти. Значительное влияние имели религиозные нормы, требовавшие беспрекословного подчинения детей родителям.

¹ Егорова Н. А. Новое в уголовно-правовой охране жизни человека // Уголовное право. 2017. № 6. С. 12.

² См. подробнее: Крылова Н. Е. Ответственность за доведение до самоубийства и причастность к самоубийству другого лица по уголовному праву Российской Федерации: оценка законодательных новелл // Уголовное право. 2018. № 1. С. 76.

³ В соответствии со статьей 1946 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года «Кто склонит другого к самоубийству или через доставленные средства к тому или иным каким-либо образом будет участвовать в совершении им сего преступления, тот за сие подвергается наказаниям, определенным за пособничество в убийстве, учиненном с обдуманном намерением или умыслом».

⁴ В соответствии со статьей 1947 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года «Родители, опекуны и другие, облеченные какой-либо властью лица, которые через явное, соединенное с жестокостью, злоупотреблению властью побудят подчиненное им или их попечению лицо к самоубийству подвергаются лишению некоторых прав и преимуществ и заключению в смиренный дом на срок от одного года до двух лет, а также предаются церковному покаянию».

По данному поводу так размышлял И.Я. Фойницкий: «От участия в самоубийстве должно быть отличаемо лишение жизни, средством для которого виновный употребляет деятельность самого убиваемого им. <...> Если человек невменяемый или несовершеннолетний, еще недостаточно сознающий значение высшего дара – жизни, подстрекается к самоубийству или получает для того какую-либо помощь, поддерживающую явившуюся в нем решимость лишить себя жизни; для устранения всяких сомнений современные законодательства особо оговаривают этот случай»¹. Тот же подход унаследовали УК РСФСР 1922 года², УК РСФСР 1926 года³.

В УК РСФСР 1960 года уголовно-правовая норма, предусматривающая особые условия уголовной ответственности за преступное воздействие на несовершеннолетних или малолетних с целью доведения их до самоубийства, отсутствовала. Однако, согласно позиции науки уголовного права, подобные действия образовывали состав убийства.

М.Д. Шаргородский, комментируя статью 107 УК РСФСР 1960 года, писал: «Подстрекательство или соучастие в самоубийстве невменяемого, это не помощь самоубийству, а убийство. Тот, кто вкладывает револьвер в руку психически больного, чтобы тот покончил с собой, тот, кто подговаривает ребенка застрелиться, тот фактически убивает»⁴.

Данная точка зрения была воспринята и современным уголовным правом. «Доведение до самоубийства или склонение к самоубийству малолетнего ребенка или психически больного, не отдающих отчета в своих действиях, – писал Г.Н. Борзенков, – следует рассматривать как убийство путем опосредованного причинения смерти и квалифицировать по части первой или второй статьи 105 УК

¹ Фойницкий И. Я. Уголовное право. Посягательства личные и имущественные (издание 5-е). СПб., 1907 [Электронный ресурс]: СПС «Гарант».

² В соответствии со статьей 148 УК РСФСР 1922 года «Содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо неспособного понимать свойства или значение им совершаемого, или руководить своими поступками, если самоубийство или покушение на него последовали» наказывалось лишением свободы на срок до трех лет.

³ В соответствии с частью 2 статьи 141 УК РСФСР 1926 года «Содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо неспособного понимать свойства или значения им совершаемого или руководить своими поступками, если самоубийство или покушение на него последовали» наказывались лишением свободы на срок до трех лет.

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. / Под ред. М. Д. Шаргородского и Н. А. Беляева. Л., 1962. С. 221.

РФ»¹. Ту же самую точку зрения воспроизводит Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации под редакцией Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева, изданный в 2013 году², и другие научно-практические издания³.

Отдельные ученые предлагали данную позицию ввести в ранг закона. Так, С.В. Бородин предлагал статью 110 УК РФ дополнить примечанием следующего содержания: «Деяние с названными в статье последствиями (прим. – доведение до самоубийства), совершенное в отношении несовершеннолетнего или лица, страдающего психическим расстройством, неспособных адекватно оценить ситуацию, является посредственным причинением убийства»⁴.

Таким образом, по мнению ряда, ученых преступное воздействие на малолетнего ребенка или психически больного лица, имеющее своей целью самоубийство этих лиц, надлежит считать убийством.

Данная точка зрения была основана на мнении о том, что малолетний ребенок не в состоянии понять смысла смерти и не в полной мере осознает последствия смерти. Эта точка зрения, во многом, основана на взглядах Зигмунда Фрейда и его последователей⁵.

Вместе с тем, здравый смысл подсказывает, что данный вывод может расходиться с жизненными реалиями. Маловероятным представляется тот факт, что каждый малолетний, а это лицо, не достигшее 14-летнего возраста, или даже большинство детей этого возраста, не могут осознавать истинные последствия смерти, поэтому в науке уголовного права предпринимались попытки предложить более точные возрастные рамки потерпевших.

А.Г. Абрумова, С.В. Бородин, А.С. Михлин предлагают считать, что самоубийство в уголовно-правовом понимании может совершить лицо, достигшее

¹ Борзенков Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья... С. 102.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 13-е издание, переработанное и дополненное / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2013 [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

³ См., напр.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) с практическими разъяснениями официальных органов и постатейными материалами. М., 2017. [Электронный ресурс] // URL: https://bookz.ru/authors/v-4ijevskii/kommenta_878.html (дата обращения: 10.05.2018); Борзов В. М., Костовская Н. В., Яворский В. В. Криминальный суицид... С. 166.

⁴ Бородин С. В. Преступления против жизни... С. 307.

⁵ См. подробнее: Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / пер. с англ. Т.С. Драбкиной. М., 1999. С. 90–91.

возраста 10 лет, поскольку в этом возрасте уже различает понятия жизни и смерти и способно осознавать характер действий, направленных на причинение смерти¹.

Н.Е. Крылова полагает, что «понятие беспомощного лица применительно к квалифицированному составу доведения до самоубийства (п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ) должно трактоваться более узко, нежели это принято в науке и судебной практике применительно к составу квалифицированного убийства (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ), исключая тех беспомощных лиц, которые в силу возраста или наличия психического расстройства неспособны понимать значение своих действий и руководить ими. Доведение до самоубийства указанных лиц (малолетних, невменяемых) необходимо квалифицировать как убийство по статье 105 УК РФ. <...> Применительно к п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ беспомощными лицами могут быть признаны: престарелые, тяжелобольные, инвалиды, лица, имеющие различные физические и психические недостатки, в силу которых указанные лица не могут принять меры к самосохранению и оказать сопротивление преступнику. При этом сознание и воля данных лиц не должны быть нарушены столь сильно, чтобы они не могли принимать самостоятельные решения об уходе из жизни»².

Этой точки зрения на данную проблему придерживается и Н.А. Егорова, по мнению которой, «потерпевшим от «суицидальных» преступлений может быть только физически беспомощное лицо. Что же касается психической беспомощности (например, тяжелое психическое расстройство, возраст до 12 лет), то она, на наш взгляд, исключает способность лица понимать характер и значение совершаемых с ним действий и должна быть основанием для постановки вопроса об ответственности за убийство такого лица»³.

Для уяснения термина «беспомощное состояние» можно также обратиться к судебной практике.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК

¹ Абрумова А. Г., Бородин С. В., Михлин А. С. Предупреждение самоубийств. Изучение и проведение предупредительных мер. М., 1980. С. 45.

² Крылова Н. Е. Ответственность за доведение до самоубийства... С. 79.

³ Егорова Н. А. Новое в уголовно-правовой охране жизни человека... С. 12.

РФ)», под беспомощным состоянием суд рекомендует понимать «неспособность потерпевшего в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство. К лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные и престарелые, малолетние дети, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее»¹.

Для уяснения понятия «беспомощное состояние» можно также обратиться к примечанию к статье 131 УК РФ, в соответствии с которым лица, не достигшие двенадцатилетнего возраста, в силу возраста находятся в беспомощном состоянии, то есть не могут понимать характер и значение совершаемых с ним действий. Однако такой подход также ни лишен изъяна, поскольку, как отмечает Н.Е. Крылова, «понятие беспомощности, как известно, толкуется учеными и правоприменителями различно применительно, например, к убийству и изнасилованию»². Действительно, осознание разницы между жизнью и смертью – это одно, а понимание особенностей половых отношений – это другое.

Ни формулировка п. «а» ч.2 ст. 110 УК РФ, ни руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, ни судебная практика по уголовным делам о доведении до самоубийства малолетних, не позволяют сделать вывод о том, что в п. «а» ч.2 ст. 110 УК РФ речь идет только лишь о беспомощности физической.

Доводы в пользу того, что, указанное в п. «а» ч.2 ст. 110 УК РФ беспомощное состояние предполагает две ипостаси – как физическую, так и психическую, и обе они составляют содержание этой правовой нормы, имеются в Комментариях к Уголовному кодексу Российской Федерации под редакцией В.М. Лебедева, изданном в 2018 году: «Заведомо беспомощным признается потерпевший, который в силу физического или психического состояния не может

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [Электронный ресурс]: СПС КонсультантПлюс.

² Крылова Н. Е. Ответственность за доведение до самоубийства ... С. 78.

защитить себя, оказать сопротивление виновному. Например, в силу малолетнего или старческого возраста»¹.

Какие из этих доводов являются правильными? На чем они основаны? Можно ли определить возраст, достижение которого свидетельствует о том, что человек понимает смысл смерти и последствия самоубийства? И, наконец, нужно ли это?

Исследования в области детской психологии могут помочь найти ответ на эти вопросы.

Мнение Зигмунда Фрейда о неспособности детей в возрасте до 8 – 9 лет понимать смысл смерти, в последующем, было подвергнуто обоснованным сомнениям в работах Сильвии Энтони «Открытие смерти в детстве и позднее» и Ирвина Д. Ялома «Экзистенциальная психотерапия».

Так, И. Ялом писал, что «дети глубоко озабочены смертью, и эта озабоченность возникает в более раннем возрасте, чем принято думать»². В названной работе автором приведены обширные эмпирические данные, полученные в результате наблюдений и экспериментов с детьми³. Вот лишь некоторые из них: «Девочка четырех с половиной лет внезапно сказала своему отцу: «Каждый день я боюсь умереть; мне хотелось бы никогда не вырастать, чтобы никогда не умирать». Другая девочка в три с половиной года попросила положить ей на голову камень, чтобы она перестала расти и не могла состариться и умереть. Четырехлетняя девочка рыдала целые сутки после того, как узнала, что все живые существа умирают». Автором отмечены случаи когда, у 3-летних детей совершенно отчетливо присутствовал страх собственной смерти. С учетом этого, остается только предполагать, насколько раньше трех лет появляется страх

¹ Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII—VIII / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2018. С. 62.

² Ялом И. Экзистенциальная психотерапия... С. 88.

³ Ялом И. описал эксперимент, в ходе которого детям предъявлялся небольшой рассказ с открытым финалом, который нужно было ребенку закончить. Рассказ не содержал никаких упоминаний о смерти. Например, «Когда мальчик вечером лег спать, о чем он думал?», «Мальчик пришел в школу, но на перемене не играл с другими детьми, а стоял один в уголке. Почему?». Примерно в 60% случаев в законченных детьми рассказах присутствовала смерть. Согласно другому описанному автором эксперименту, направленному на определение общего словарного запаса детей, ответы всех детей старше 7 лет и 2/3 детей старше 6 лет обнаружили понимание значения слова смерть (Ялом И. Экзистенциальная психотерапия... 576 с.)

смерти, ведь коммуникация на данную тему с ребенком меньшего возраста едва ли возможна.

Другой причиной заблуждения относительно возраста осознания смерти И. Ялом считал предубежденность взрослых¹. «Каким бы ни было исследование, пишет И. Ялом, – описательным, психометрическим или проективным – собирает и интерпретирует данные взрослые, собственные страхи и собственное отрицание смерти которого нередко приводят к искажению результатов»².

Проанализировав представления детей о смерти С. Энтони, пришла к выводу о том, что представления ребенка о смерти связаны более тесно с его интеллектуальным, чем с хронологическим возрастом, и «концепция смерти у ребенка становится интеллектуально зрелой тогда, когда слово мертвый определяется логически и физиологически. Но для подростка и взрослого это лишь начало пути осмысления смерти, которую в самом буквальном (медицинском) смысле очень трудно точно определить»³.

Анализ зарубежного уголовного законодательства, близкого к российскому, также не вносит ясности в оценке возраста осознания смерти.

Так, в Уголовном кодексе Республики Беларусь⁴ содержится две статьи, устанавливающие уголовную ответственность за преступное воздействие на потерпевшего с целью его самоубийства – статья 145 «Доведение до самоубийства» и статья 146 «Склонение к самоубийству». Обе эти статьи не содержат квалифицирующего признака «лицо, заведомо для виновного находящееся в беспомощном состоянии», поэтому проблема опосредованного убийства, а, стало быть, и возраста с которого доступно понимание смерти, является актуальной.

¹ Ялом И. описал эксперимент, в ходе которого изучались детские страхи у детей в возрасте от 6 до 12 лет, в том числе страх смерти. В ходе эксперимента опрашивались дети и их родители. Родители в 12% случаев оценили страх смерти у детей, как существенный, тогда как при опросе детей данный показатель составил около 55% (Ялом И. Экзистенциальная психотерапия... 576 с.).

² Ялом И. Экзистенциальная психотерапия... С. 92.

³ Энтони С. Открытие смерти в детстве и позднее [Электронный ресурс] // URL: https://bookz.ru/authors/sil_via-entoni/otkritie_474/1-otkritie_474.html (дата обращения: 25.04.2018).

⁴ Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] // URL: <http://уголовный-кодекс.бел> (дата обращения: 28.04.2018).

В это связи В.В. Марчук пишет: «Доведение до самоубийства психически больного потерпевшего способами, указанными в статье 145 УК Республики Беларусь, следует квалифицировать по пункту 2 части 2 статьи 139 УК Республики Беларусь (квалифицированное убийство), если при жестоком обращении либо систематическом унижении личного достоинства потерпевшего виновное лицо предъявляло требование о необходимости суицида. В таком случае доведение до самоубийства, трансформируется в умышленное противоправное опосредованное лишение жизни другого лица – убийство. Аналогичный подход должен быть использован и при доведении или склонении к самоубийству малолетнего лица. Однако при уголовно-правовой оценке содеянного в таких случаях следует учитывать один важный нюанс: осознание виновным лицом того обстоятельства, что малолетний потерпевший в его возрасте не был способен понимать в конкретной ситуации опасные свойства и значение предлагаемого ему действия, связанного с суицидом»¹.

Предложения автора не дают исчерпывающего ответа на постановленный вопрос, поскольку касаются лишь тех случаев, когда потерпевшему предъявлялось требование о самоубийстве, что не может охватить все возможные случаи самоубийств малолетних.

Изучение уголовного законодательства стран, ранее входивших в состав СССР, – Республики Армения, Республики Украина, Республики Грузия, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Латвийской Республики, Литовской Республики, Республики Таджикистан, Республики Туркменистан, Республики Узбекистан показало, что, несмотря на наличие в уголовных кодексах этих стран норм, предусматривающих ответственность за доведение до самоубийства (склонение к самоубийству), они не содержат таких квалифицирующих признаков, как малолетний возраст потерпевшего или его беспомощное состояние.

¹ Марчук В. В. Уголовно-правовая оценка деяний, инспирирующих суицид [Электронный ресурс] // URL: https://law.bsu.by/pub/11/Marchuk_23.pdf (дата обращения: 29.04.2018).

Таким образом, определить конкретные возрастные рамки адекватного восприятия смерти ребенком не представляется возможным, поэтому приведенные аргументы позволяют прийти к выводу, о том, что нельзя разграничить доведение до самоубийства и опосредованное убийство на основании одних лишь данных о календарном возрасте потерпевшего.

Существующая позиция науки о том, что доведение до самоубийства малолетнего следует рассматривать, как опосредованное убийство, на наш взгляд, до принятия Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ¹ имела как правовые, так и нравственные основания, поскольку обеспечивала уголовно-правовыми средствами охрану прав наименее защищенных членов общества, поскольку статья 110 УК РФ в прежней редакции не позволяла этого делать.

Так, редакция статьи 110 УК РФ, действовавшая до изменений, внесенных Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ, относила доведение до самоубийства к числу преступлений средней тяжести, предусматривая максимально строгое наказание за это преступление в виде лишения свободы на срок до 5 лет, что никак не было соразмерным преступным последствиям в виде смерти малолетнего.

Однако дополнив статью 110 УК РФ анализируемым квалифицирующим признаком, законодатель устранил этот недостаток, установив такое наказание, которое по своей строгости, в целом, сопоставимо с наказанием за убийство.

Так, за совершение деяний, указанных в пункте «а» части 2 статьи 110 УК РФ, предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового. Данное наказание является более строгим, чем наказание за простое убийство (часть 1 статьи 105 УК РФ) – лишение свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового, но менее строгим, чем наказание

¹ Федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

за квалифицированное убийство (часть 2 статьи 105 УК РФ) – лишение свободы на срок от восьми до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, либо пожизненное лишение свободы, либо смертная казнь.

В связи с изложенным, по нашему мнению, доведение до самоубийства лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии (в том числе и малолетнего), охватывается пунктом «а» части 2 статьи 110 УК РФ и не должно квалифицироваться по статье 105 УК РФ.

Данный подход, во-первых, следует из содержания пункта «а» части 2 статьи 110 УК РФ, во-вторых, из сопоставления размеров уголовного наказания за убийство и доведение до самоубийства.

В пользу доводов об отсутствии оснований для квалификации самоубийства малолетнего или лица, находящегося в беспомощном состоянии, как опосредованного убийства следует привести пункт «б» части второй статьи 111 УК РФ, где законодатель фактически ставит знак равенства между малолетним возрастом и беспомощным состоянием потерпевшего.

Немаловажным является и тот факт, что постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» ничего не упоминает об опосредованном убийстве.

В качестве еще одного косвенного аргумента, указывающего на то, что доведение до самоубийства малолетнего лица в современных условиях не является опосредованным убийством, следует привести Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации под редакцией В.М. Лебедева 2018 года издания¹, который не содержит указания на то, что самоубийство малолетнего надлежит расценивать как опосредованное убийство и квалифицировать по статье 105 УК РФ, хотя такое мнение излагалось в более ранних редакциях этого издания.

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII–VIII / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2018. С. 60–63.

Представленный подход позволяет поставить точку в вопросе необходимости установления возраста осознания ребенком последствий смерти, который, как показал проведенный анализ, достоверно неизвестен и является индивидуальным для каждого человека.

Вместе с тем, учитывая, что Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит универсального определения «беспомощного состояния», в целях единообразия следственной и судебной практики, целесообразным является дополнить статью 110 УК РФ примечанием следующего содержания: *«Под лицом, заведомо для виновного находящемся в беспомощном состоянии, в настоящей статье, а также в статье 110¹ настоящего Кодекса, понимается лицо, не достигшее четырнадцатилетнего возраста либо лицо, которое в силу престарелого возраста, физического и психического состояния неспособно понимать характер и значение совершаемого в отношении него деяния, если виновный сознает это обстоятельство»*. Необходимость использования термина «деяние» в примечании обусловлена тем, что доведение до самоубийства возможно в форме бездействия.

Рассмотрим другой квалифицирующий признак доведения до самоубийства – несовершеннолетний возраст потерпевшего.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что при рассмотрении уголовных дел о доведении до самоубийства несовершеннолетних существуют проблемные вопросы, а факт несовершеннолетия потерпевшего не всегда оценивается адекватным образом.

Так, из апелляционного определения Севастопольского городского суда от 29 апреля 2016 года по делу № 22-284/2016¹ следует, что постановлением Гагаринского районного суда города Севастополь от 01 марта 2016 года в связи с примирением с потерпевшим прекращено уголовное дело по факту доведения до самоубийства малолетнего ребенка <ФИО3>. Судом установлено, что подсудимый <ФИО1> в различные дни с целью доведения своей малолетней дочери до

¹ Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 30.04.2018).

самоубийства применял к ней физическое насилие, нанося удары руками и неустановленными предметами по различным частям тела девочки, ударяя её головой об пол, дергая со значительной силой за волосы; высказывал оскорбительные слова, в том числе нецензурную брань, принуждал к уборке умышленно разлитой им на полу пищи. Ввиду этого в семье сформировалась обстановка деспотизма, постоянного страха, опасения нанесения побоев и унижения человеческого достоинства. В результате указанных действий потерпевшая употребила вещество из группы фенилалкиламинов и скончалась от отравления. Мотивируя решение о прекращении уголовного дела суд указал, что подсудимый загладил причиненный вред и примирился с потерпевшей <ФИО2>. Судом первой инстанции от уголовной ответственности виновный был освобожден.

В соответствии с частью первой статьи 87 УК РФ несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцать лет.

Относительно верхней границы возраста несовершеннолетнего возраста споров нет, поскольку в соответствии с часть 1 статьи 21 Гражданского кодекса Российской Федерации достижение 18-летнего возраста признается совершеннолетием в соответствии с законодательством Российской Федерации¹. Вместе с тем, относительно нижней границы несовершеннолетнего возраста существуют иные мнения.

Так, Н.А. Егорова констатируя тот факт, что «в уголовном законе не указан минимальный возраст, до достижения которого несовершеннолетний потерпевший не способен к самостоятельному и добровольному принятию решения об уходе из жизни»², предлагает «до прямого нормативного урегулирования данного вопроса несовершеннолетними потерпевшими от преступлений, предусмотренных статьями 110 и 110¹ УК РФ, могут признаваться лица, достигшие 12, но не достигшие 18 лет. Как следует из прямого

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс.

² Егорова Н. А. Новое в уголовно-правовой охране жизни человека... С. 12.

нормативного указания примечания к ст. 131 УК РФ, лицо, не достигшее 12-летнего возраста «находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий»¹.

Вместе с тем, на наш взгляд, правильным представляется руководствоваться критериями, указанными в части первой статьи 87 УК РФ, и под несовершеннолетними, указанными в ст. ст. 110, 110¹ УК РФ, понимать лиц в возрасте от 14 до 18 лет.

С учетом особенностей детской психики применительно к малолетним и несовершеннолетним потерпевшим иным содержанием могут наполняться и способы доведения до самоубийства.

Например, исходя из судебной практики, систематическое унижение человеческого достоинства несовершеннолетнего может выражаться в лишении возможности использовать «блага цивилизации».

В соответствии с приговором Гагаринского районного суда города Севастополя от 27 июня 2016 года по делу № 1-226/2016² подсудимый <ФИО> довел до самоубийства свою малолетнюю дочь, кроме физического воздействия и тем, что лишал её доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и возможности пользоваться мобильным телефоном.

Использование непедагогических методов, как одной из форм «жестокости обращения» и «систематического унижения человеческого достоинства» при доведении до самоубийства несовершеннолетней, отражено в приговоре Ломоносовского районного суда города Архангельска от 29 сентября 2017 года по делу № 1-219/2017³.

Приговором указанного суда Ильин В.В. признан виновным, в числе прочего, в том, что унижал человеческое достоинство своей несовершеннолетней дочери, лишая её домашнего уюта, тепла и спокойствия, <...> безразлично и пренебрежительно относился к её интересам, потребностям, здоровью, досугу, занятиям, времяпрепровождению, тем самым своим бездействием игнорировал

¹ Егорова Н. А. Новое в уголовно-правовой охране жизни человека... С. 12.

² Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 30.04.2018).

³ Там же.

педагогический процесс и процесс формирования личности своей несовершеннолетней дочери, используя при этом непедагогические методы воспитания.

Учитывая, что из приговора не следовал факт наличия у Ильина В.В. педагогического образования, обоснованно предполагать, что отделить педагогические методы воспитания от непедагогических он, как и большая часть людей, не в состоянии. Непедагогические методы *a priori* не являются незаконными, поэтому, применительно к родителям можно вести речь лишь о незаконных действиях. Подобные выводы возможно делать лишь в отношении педагогических работников.

Таким образом, следует обратить внимание на нормативную неопределенность при толковании судами способов доведения до самоубийства (от непедагогических методов воспитания до лишения доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»). Отнесение подобных форм воздействия на несовершеннолетнего (малолетнего) в целях доведения его до самоубийства к числу способов совершения преступления («жестокое обращение» или «систематическое унижение человеческого достоинства») является преждевременным.

Коренному пересмотру подлежат и принципы назначения уголовного наказания за доведение до самоубийства несовершеннолетних и малолетних, поскольку максимальный размер наказания в 2017 году значительно (в три раза) увеличен. Если в редакции Уголовного кодекса Российской Федерации, действовавшей до 2017 года, максимально возможное наказание по ст. 110 УК РФ за доведение до самоубийства несовершеннолетнего не превышало пяти лет лишения свободы, то после указанных изменений, то же преступление стало наказываться лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового.

Основной проблемой при конструировании части второй статьи 110 УК РФ, на наш взгляд, является очевидное несоответствие между наказанием и последствиями, наступившими в результате совершения преступления в тех случаях, когда самоубийство не было совершено, а имело место покушение на самоубийство.

Анализ судебной практики показал, что часто виновное лицо осуждается за доведение до покушения на самоубийство несовершеннолетнего, причем, порой вред здоровью несовершеннолетнего или малолетнего, предпринявшего попытку самоубийства, вообще не был причинен.

Так, из приговора Добрянского районного суда Пермского края от 17 апреля 2015 года по делу № 1-75/2015¹ следует, что Мосолов А.Ю., проживая совместно с <ФИО5> и её малолетним сыном <ФИО4>, систематически унижал малолетнего <ФИО4>, оскорбляя его, в том числе грубой нецензурной бранью, применял к нему физическое насилие, причинял побои. В один из дней Мосолов А.Ю. стал высказывать в адрес потерпевшего оскорбления и угрозы физической расправой, нанес не менее одного удара кулаком в плечо, прижал рукой шею, перекрыв доступ воздуха. В другой день нанес не менее двух ударов брючным ремнем по телу, прижал предплечьем руки шею потерпевшего, перекрыв доступ воздуха. Указанными действиями Мосолов А.Ю. причинил потерпевшему телесные повреждения, не расценивающиеся как вред здоровью (кровоподтеки, поверхностные осаднения). В результате указанных действий потерпевший попытался совершить самоубийство путем повешения, но не довел его до конца в связи с тем, что мать оборвала веревку. За совершение преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ Мосолов А.Ю., приговорен судом к наказанию в виде лишения свободы сроком на два года. Назначенное наказание суд постановил считать условным, установив испытательный срок два года.

Схожая по последствиям ситуация изложена в приговоре Большесосновского районного суда Пермского края от 13 июля 2011 года по делу

¹ Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 01.05.2018).

№ 1-33/2011¹. Судом установлено, что Тарасов Б.С. на протяжении 2010 года и до 26 января 2011 года, находясь в состоянии алкогольного опьянения умышленно жестоко обращался и систематически унижал человеческое достоинство малолетнего сына, в присутствии посторонних лиц выражался грубой нецензурной бранью, а 26 января 2011 года, используя малозначительный повод, нанес сыну удар в область головы. Вследствие указанных действий малолетний потерпевший покушался на самоубийство путем повешения, однако не довел указанные действия до конца, поскольку веревка оборвалась под весом его тела. В результате покушения на самоубийство потерпевшему были причинены телесные повреждения, не расценивающийся как вред здоровью (гематомы, ссадины, кровоподтеки). За совершение преступлений, предусмотренных ст. ст. 110, 156 УК РФ, Тарасов Б.С. приговорен к наказанию в виде лишения свободы сроком на один год шесть месяцев. Назначенное наказание суд постановил считать условным, установив испытательный срок один год.

Однако в соответствии с действующей редакцией пункта «а» части 2 статьи 110 УК РФ данным виновным лицам должно быть назначено наказание от 8 до 15 лет лишения свободы, что строже, чем наказание на простое убийство. Вряд ли даже минимальное наказание в размере 8 лет лишения свободы соответствует характеру и степени общественной опасности тех преступлений, о которых сказано выше.

Относительно установления столь сурового наказания можно предполагать одно из двух: либо законодатель вводит беспрецедентно жесткие меры для борьбы с доведением до самоубийства несовершеннолетних и малолетних, либо – он не учел все аспекты применения нормы.

Первая гипотеза представляется маловероятной потому, что часть вторая статьи 110 УК РФ защищает не только детей, но другие категории потерпевших – лиц, заведомо для виновного находящихся в беспомощном состоянии;

¹ Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 01.05.2018).

беременных женщин; лиц, находящихся в материальной и иной зависимости и др. Поэтому, одной лишь заботой о детях нельзя объяснить суровость наказания.

Кроме того, по справедливому замечанию Чезаре Беккария чрезмерная жестокость наказания не только не приносит пользы и «не только далека от плодотворных добродетелей, порождаемых просвещенным разумом, предпочитающим властвовать над свободными людьми, а не над стадом рабов, самая запуганность которых постоянно сочетается с жестокостью, но и далека и от справедливости»¹.

О необходимости учитывать все аспекты деяния, а не один лишь его противоправный характер, так писал Н.С. Таганцев: «Преступлением почитается деяние, посягающее на юридическую норму в ее реальном бытии, деяние, посягающее на охраняемый юридической нормой интерес. Если мы будем видеть в преступлении только посягательство на норму, будем придавать исключительное значение моменту противоправности учиненного, то преступление делается формальным, жизненепригодным понятием, напоминающим у нас воззрения эпохи Петра Великого, считающего и мятеж, и убийство, и ношение бороды, и рубку заповедного дерева равно важными деяниями, достойными смертной казни, ибо все это виновный делает, одинаково не страшась царского гнева»².

В связи с этим, наиболее вероятным объяснением такой диспропорции является то, что при формулировании санкции части второй статьи 110 УК РФ законодатель упустил из виду, что в указанных пределах необходимо будет назначать наказание не только за самоубийство, но и за покушение на самоубийство. Следует отметить, что подобные случаи в отечественной законодательной практике не являются единичными. Так, например, А.Я. Авдалян, рассуждая о поправках, внесенных в УК РФ Федеральным законом от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные

¹ Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях... С. 92.

² Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Часть общая. Лекции. Т. 1. 2-е изд., пересм. и доп. СПб., 1902. С. 45–46.

в отношении несовершеннолетних», отмечает, что таковые «непродуманны, бессистемны, фрагментарны, а в некоторых случаях – крайне сомнительны. Создается впечатление, что указанные поправки носят популистский характер...»¹.

Санкция первой части статьи 110 УК РФ, предусматривая довольно широкие пределы наказаний, позволяет назначить справедливое наказание, то есть такое наказание, которое соответствует, как указано в статье 6 УК РФ, характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, в зависимости от того совершено самоубийство или покушение на самоубийство. Рассуждая о справедливости наказания В.И. Зубкова отмечает, что «за деяния, совершенные при менее опасных обстоятельствах, не должно назначаться такое же наказание, как за более опасное деяние; оно (наказание) должно быть максимально соразмерно степени общественной опасности содеянного и личности виновного»². Представляется, что размер санкции части второй статьи 110 УК РФ данным критериям не отвечает.

Возможным решением данной проблемы является замена в части второй статьи 110 УК РФ словосочетания «те же деяния» словосочетанием «Доведение до самоубийства». В таком случае доведение до покушения на самоубийство лиц, указанных в части второй статьи 110 УК РФ, будет охватываться частью первой данной статьи.

В целях сохранения повышенного уровня защиты данной категории лиц, а также учитывая, что в результате покушения на самоубийство может быть причинен тяжкий вред здоровью, целесообразно увеличить максимальный размер наказания, указанного в части первой статьи 110 УК РФ, до десяти лет лишения свободы, заменив слова «от двух до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок

¹ Авдалян А. Я. Новеллы в Уголовном кодексе РФ, связанные с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних: лакуны современного правового поля // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12 (26) : в 3-х ч. Ч. 2. С. 15.

² Зубкова В. И. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания и ее достижение в процессе отбывания наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. № 9. С. 12.

до семи лет или без такового» словами «до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до семи лет или без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового».

При установлении максимального размера наказания по части первой статьи 110 УК РФ целесообразно руководствоваться размером санкции части второй статьи 111 УК РФ, которая аналогичным образом определяет наказание за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью тех же категорий потерпевших.

С учетом выводов, к которым мы пришли, предлагается статью 110 УК РФ изложить в новой редакции (Приложение А).

Проведенное диссертационное исследование позволяет сделать вывод о том, что эффективной реализации уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за доведение до самоубийства, препятствуют недостатки в её технико-юридическом конструировании, отсутствие рекомендаций Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам этой категории, противоречивые подходы к оценке одних и тех же предметов и явлений представителями науки уголовного права.

В целях выработки единого научного подхода к проблеме охраны жизни человека от действий (бездействия), способных довести до самоубийства, совершенствования законодательства и правоприменительной практики в этой сфере нами сформулированы следующие выводы и предложения:

1. В науке уголовного права ранее неоднократно предпринимались попытки дать определение доведению до самоубийства, однако исчерпывающего, соответствующего последним изменениям в уголовном законе, понятия не имеется. Одни из существующих понятий не позволяют разграничить доведение до самоубийства и смежные понятия (склонение к совершению самоубийства, содействие совершению самоубийства) или даже отождествляют эти составы преступлений, другие – идут в разрез со сложившейся следственной и судебной практикой. С учетом указанных обстоятельств нами предложено авторское определение доведения до самоубийства.

2. Анализ норм отечественного уголовного закона, карающих самоубийцу и лиц, оказывающих на него воздействие в целях принятия им решения о причинении себе смерти, позволил выделить пять периодов развития законодательства: донормативный, канонический, карательный, мотивационно-канонический, мотивационный. Для первого периода характерно отсутствие уголовно-правовых запретов на самоубийство, для второго, третьего и четвертого – смешение в разной степени норм светского и церковного права, для пятого – освобождение уголовного закона от церковных догм.

3. Правовые нормы, устанавливающие ответственность за доведение до самоубийства, существуют в большинстве изученных нами зарубежных уголовных законов, но ни один из них, в отличие от российского, не содержит столь значительного числа норм, запрещающих деяния, инспирирующие суицид. В государствах Центральной Европы и Северной Америки отдельные формы содействия суициду (эвтаназия) обретают форму правомерных действий. В этой сфере правового регулирования отечественное законодательство идет по пути установления новых уголовно-правовых запретов и ужесточения запретов уже существующих.

4. В диспозиции статьи 110 УК РФ способы доведения до самоубийства сформулированы во множественном числе – угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства, что дает основание некоторым ученым полагать, что единичные формы проявления этих способов не образуют состава преступления. На наш взгляд, даже однократное преступное воздействие на потерпевшего, в зависимости от жестокости и характера совершенного деяния, образует состав указанного преступления. Использование при квалификации этого деяния только формальных количественных критериев является ошибочным.

5. Доведение до самоубийства может быть совершено как с умыслом (прямым или косвенным), так и с неосторожностью (легкомыслием или небрежностью).

6. Учитывая, что объектом доведения до самоубийства является жизнь человека, злоупотребление должностными полномочиями или превышение должностных полномочий, преступными последствиями которого является самоубийство потерпевшего, надлежит квалифицировать по пункту «а» части 2 статьи 110 УК РФ. Квалификация доведения до самоубийства по совокупности с преступлением, предусмотренным ч. 3 ст. 285 УК РФ, либо с преступлением, предусмотренным п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, возможна в том лишь случае, если наряду с самоубийством были существенным образом нарушены права и законные

интересы граждан или организаций либо охраняемые законом интересы общества и государства.

7. Рассматривая проблемы квалификации доведения до самоубийства малолетнего, следует обратить внимание на пункт «а» части 2 статьи 110 УК РФ, содержащий квалифицирующий признак – «то же деяние, совершенное в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии». Системное толкование норм УК РФ, устанавливающих уголовную ответственность за преступления против личности, позволяет отнести малолетнего к числу лиц, находящихся в беспомощном состоянии. Учитывая данное обстоятельство, а также сопоставив размеры санкции статей 105 и 110 УК РФ, мы находим не соответствующей современным реалиям точку зрения некоторых ученых о том, что доведение до самоубийства малолетнего следует квалифицировать как опосредованное убийство.

8. Критериями разграничения преступлений, предусмотренных статьями 110 и 110¹ УК РФ, являются: деяние, способ совершения преступления, наличие или отсутствие преступных последствий, а также форма вины. Кроме того, если в процессе совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 110¹ УК РФ, уговоры, предложения, обман, являющиеся способами склонения к совершению самоубийства, сменяются угрозами, жестоким обращением или систематическим унижением человеческого достоинства потерпевшего, то первоначальные действия виновного лица будут этапом доведения до самоубийства, поэтому совершенное преступление должно быть квалифицировано по соответствующему пункту части 2 статьи 110 УК РФ.

9. Проведенный анализ свидетельствует, что изучаемая уголовно-правовая норма нуждается в совершенствовании по следующим причинам.

Одним из квалифицирующих признаков, указанных в пункте «а» части 2 статьи 110 УК РФ, является совершение преступления в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в материальной или иной зависимости от виновного. Иная зависимость, на наш взгляд, может существовать не только в силу наличия у виновного лица властных полномочий, позволяющих влиять на

поведение потерпевшего, но и в силу фактического характера сложившихся между ними отношений. Статус потерпевшего, также как и статус виновного лица, в иерархии тех или иных социальных групп или коллективах, должен учитываться при уголовно-правовой оценке доведения до самоубийства. Совершение преступления лицом, имеющим высокий статус, в отношении лица, имеющего низкий статус, должно квалифицироваться по пункту «а» части 2 статьи 110 УК РФ.

Пунктом «г» части 2 статьи 110 УК РФ установлены две формы соучастия в доведении до самоубийства – совершение преступления группой лиц по предварительному сговору и организованной группой. Необоснованным, на наш взгляд, является отсутствие в указанной норме еще одной формы соучастия – совершение преступления группой лиц. Примеры из судебной практики, приведенные нами, подтверждают необходимость отнесения этой формы соучастия к числу квалифицирующих признаков данного преступления.

Правоприменительная практика свидетельствует о необходимости установления повышенной уголовной ответственности за доведение до самоубийства, совершенное с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, что указывает на необходимость дополнения части 2 статьи 110 УК РФ соответствующим квалифицирующим признаком.

Доведение до самоубийства является уникальным преступлением с той точки зрения, что смерть потерпевшего наступает от его же собственных действий. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что абсолютная беспомощность потерпевшего невозможна. Для совершения самоубийства потерпевший должен обладать определенными физическими и психическими качествами, позволяющими совершить этот поступок. С учетом данных причин квалифицирующий признак, указанный в пункте «а» части 2 статьи 110 УК РФ – «беспомощное состояние», требует уточнения. Решением этой проблемы, на наш взгляд, будет дополнение статьи 110 УК РФ примечанием.

Санкции частей 1 и 2 статьи 110 УК РФ не учитывают фактически наступившие в результате совершения преступления последствия. Размер

уголовного наказания не зависит от того наступила смерть потерпевшего или нет. При таких обстоятельствах деяние, вследствие которого наступила смерть потерпевшего, при отсутствии квалифицирующих признаков (часть 1 статьи 110 УК РФ) наказывается менее строго, чем деяние, вследствие которого произошло покушение на самоубийство (часть 2 статьи 110 УК РФ). При этом во втором случае вред здоровью потерпевшего может отсутствовать. Подобное построение уголовно-правовой нормы не отвечает принципу справедливости (статья 6 УК РФ).

В целях решения названных проблем предложена авторская редакция текста статьи 110 УК РФ, а изложенные рекомендации могут быть использованы для совершенствования следственно-судебной практики.

Полученные в процессе исследования данные позволяют наметить следующие *перспективы дальнейшей разработки темы исследования*:

- изучение способов доведения до самоубийства несовершеннолетнего с учетом специфики личности потерпевшего;
- исследование особенностей квалифицирующего признака «материальная или иная зависимость» применительно к доведению до самоубийства участников тоталитарных сект, а также членов иных коллективов, зависимость внутри которых не основана на наличии у их лидеров формальных властных полномочий;
- углубленный анализ причинной связи в доведении до самоубийства;
- выработка критериев отграничения доведения до самоубийства (статья 110 УК РФ) от организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (статья 110² УК РФ).

Национальные и международные правовые акты

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».
3. Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (ред. от 18.04.2018) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (ред. от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».
5. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят Генеральной Ассамблей ООН 16.12.1966) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (вместе с «Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», «Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов») (ред. от 10.07.2017) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 24.05.1996 года № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

9. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

10. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 27.12.2018) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

11. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 18.12.2018) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

12. Федеральный закон от 29.07.2017 № 248-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

Законодательство зарубежных стран

13. The Mental Health bill. 2013 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.prsindia.org/administrator/uploads/general/1376983253~~mental%20health%20care%20bill%202013.pdf> (дата обращения: 11.06.2017).

14. Конституция Республики Индия [Электронный ресурс] // URL: <https://india.gov.in/my-government/constitution-india/constitution-india-full-text> (дата обращения 11.06.2017).

15. Уголовный кодекс Белиза [Электронный ресурс] // URL: http://www.oas.org/juridico/mla/en/blz/en_blz-int-text-cc.pdf (дата обращения: 22.06.2017).

16. Уголовный кодекс Бермудских Островов [Электронный ресурс] // URL: <http://www.bermudalaws.bm/Laws/Consolidated%20Laws/Criminal%20Code%20Act%201907.pdf> (дата обращения: 29.05.2017).

17. Уголовный кодекс Великого Герцогства Люксембург [Электронный ресурс] // URL: <http://data.legilux.public.lu/file/eli-etat-leg-code-penal-2017-04-01-fr-pdf.pdf> (дата обращения: 29.06.2017).

18. Уголовный кодекс Демократической Социалистической Республики Шри-Ланка [Электронный ресурс] // URL: http://hrlibrary.umn.edu/research/srilanka/statutes/Penal_Code.pdf (дата обращения: 14.06.2017).

19. Уголовный кодекс Исламской Республики Пакистан [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pakistani.org/pakistan/legislation/1860/actXLVof1860.html> (дата обращения: 24.05.2017).

20. Уголовный кодекс Каймановых Островов [Электронный ресурс] // URL: <http://www.gov.ky/portal/pls/portal/docs/1/11525775.PDF> (дата обращения: 29.05.2017).

21. Уголовный кодекс Канады. [Электронный ресурс] // URL: <http://laws.justice.gc.ca/eng/acts/C-46/page-53.html#h-78> (дата обращения: 30.06.2017).

22. Уголовный кодекс Королевства Бельгия [Электронный ресурс] // URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242695&subID=100102127,100102129> (дата обращения: 30.06.2017).

23. Уголовный кодекс Королевства Дания [Электронный ресурс] // URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241524&subID=100096345,100096366,100096658,100097295#text> (дата обращения: 28.06.2017).

24. Уголовный кодекс Королевства Испания [Электронный ресурс] URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=269097 (дата обращения: 24.06.2017).

25. Уголовный кодекс Королевства Нидерланды [Электронный ресурс] // URL: http://www.ejtn.eu/pagefiles/6533/2014%20seminars/omsenie/wetboekvanstrafrecht_eng_pv.pdf (дата обращения: 30.06.2017).

26. Уголовный кодекс Малайзии [Электронный ресурс] // URL: <http://www.agc.gov.my/agcportal/uploads/files/Publications/LOM/EN/Penal%20Code%20%5BAct%20574%5D2.pdf> (дата обращения: 05.06.2017).

27. Уголовный кодекс Народной Республики Бангладеш [Электронный ресурс] // URL: http://bdlaws.minlaw.gov.bd/print_sections_all.php?id=11 (дата обращения: 23.05.2017).

28. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] // URL: <http://уголовный-кодекс.бел> (дата обращения: 28.04.2018).

29. Уголовный кодекс Республики Болгария [Электронный ресурс] // URL: <https://prostitution.procon.org/sourcefiles/BulgariaCriminalCode.pdf> (дата обращения: 15.06.2017).

30. Уголовный кодекс Республики Ботсвана [Электронный ресурс] // URL: <http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/bw/bw012en.pdf> (дата обращения: 16.06.2017).

31. Уголовный кодекс Республики Зимбабве [Электронный ресурс] // URL: https://www.unodc.org/res/cld/document/zwe/2006/criminal_law_codification_and_reform_act_html/criminal_law_codification_and_reform_act.pdf (дата обращения: 18.06.2017).

32. Уголовный кодекс Республики Индия [Электронный ресурс] // URL: <https://indiankanon.org/doc/1569253> (дата обращения: 11.06.2017).

33. Уголовный кодекс Республики Кения [Электронный ресурс] // URL: http://defensewiki.ibj.org/images/9/9d/Kenya_Penal_Code.pdf (дата обращения: 26.05.2017).

34. Уголовный кодекс Республики Кения [Электронный ресурс] // URL: http://defensewiki.ibj.org/images/9/9d/Kenya_Penal_Code.pdf (дата обращения: 17.06.2017).

35. Уголовный кодекс Республики Кипр [Электронный ресурс] // URL: http://www.sbaadministration.org/home/legislation/01_02_09_01_COLONIAL_CAPS_1959/01_02_01_04_Caps-125-175A/19600101_CAP154_u.pdf (дата обращения: 18.05.2017).

36. Уголовный кодекс Республики Корея [Электронный ресурс] // URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241816&subID=100098555,100098556,100098560,100098654,100098695> (дата обращения: 30.06.2017).

37. Уголовный кодекс Республики Польша [Электронный ресурс] // URL: https://www.imolin.org/doc/amlid/Poland_Penal_Code1.pdf (дата обращения: 21.06.2017).

38. Уголовный кодекс Республики Румыния [Электронный ресурс] // URL: <https://www.juridice.ro/wp-content/uploads/2014/12/Noul-cod-penal-EN.doc> (дата обращения: 19.06.2017).

39. Уголовный кодекс Республики Танзания [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/TZA_penal_code.pdf (дата обращения: 21.05.2017).

40. Уголовный кодекс Республики Танзания [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/TZA_penal_code.pdf (дата обращения: 12.06.2017).

41. Уголовный кодекс Республики Уганда [Электронный ресурс] // URL: <http://www.icla.up.ac.za/images/un/use-of-force/africa/Uganda/Penal%20Code%20Act%20Uganda%201950.pdf> (дата обращения: 26.05.2017).

42. Уголовный кодекс Республики Уганда [Электронный ресурс] // URL: <http://www.icla.up.ac.za/images/un/use-of-force/africa/Uganda/Penal%20Code%20Act%20Uganda%201950.pdf> (дата обращения: 19.06.2017).

43. Уголовный кодекс Республики Фиджи [Электронный ресурс] // URL: http://www.paclii.org/fj/legis/consol_act_OK/pc66 (дата обращения: 02.06.2017).

44. Уголовный кодекс Республики Эритрея [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/101051/121587/F567697075/ERI101051%20Eng.pdf> (дата обращения: 26.06.2017).

45. Уголовный кодекс Республики Южный Судан [Электронный ресурс] // URL: <http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/ss/ss014en.pdf> (дата обращения: 20.05.2017).

46. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия [Электронный ресурс] // URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733&subID=100102942,100102944,100103623> (дата обращения: 29.06.2017).

47. Уголовный кодекс Французской Республики [Электронный ресурс] // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=6D9FB5CDDD56014DAFF313673D62409C.tplgfr31s_1?idSectionTA=LEGISCTA000006165292&cidTexte=LEGITEXT000006070719&dateTexte=20171015 (дата обращения: 20.06.2017).

48. Уголовный кодекс Чешской Республики [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ejtn.eu/PageFiles/6533/Criminal%20Code%20of%20the%20Czech%20Republic.pdf> (дата обращения: 19.06.2017).

49. Уголовный кодекс Южно-Африканской Республики [Электронный ресурс] // URL: [http://hrlibrary.umn.edu/research/Penal%20Code %20\(English\).pdf](http://hrlibrary.umn.edu/research/Penal%20Code%20(English).pdf) (дата обращения: 28.06.2017).

50. Уголовный кодекс Японии [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/PC.pdf> (дата обращения: 29.06.2017).

Нормативные правовые акты, утратившие силу

51. Декрет №1 СНК РСФСР от 22.11.1917 «О суде» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

52. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года (введен в действие с 01.06.1922 постановлением ВЦИК от 01.06.1922) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

53. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года (введен в действие с 01.01.1927 постановлением ВЦИК от 22.11.1926) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

54. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

Руководящие разъяснения высших судебных инстанций и обзоры судебной практики

55. Информация Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 г. «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013 - 2015 годов)» [Электронный ресурс]: СПС «Гарант».

56. Обзор качества рассмотрения окружными (флотскими) военными судами уголовных дел по первой инстанции», (утв. постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2005 года) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

57. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

58. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

59. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2010 № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

60. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

61. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

62. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

63. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

Сборники актов судов высших инстанций, утративших силу, и акты судов высших инстанций, утратившие силу

64. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 27.06.1975 № 4 «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

65. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР. 1942 год. / Под ред. И. Т. Голякова. – М.: Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1947. – 248 с.

66. Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР. 1957–1959 гг. – М.: Госюриздат, 1960. – 352 с.

67. Сборник циркуляров и важнейших разъяснений Пленума Верховного суда РСФСР (январь 1925–май 1926 гг.). – М.: Юридическое издательство Наркомюста РСФСР. 1927. – 220 с.

Материалы судебной практики по уголовным делам

68. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2007 года по делу № 67-006-104. Государственная автоматизированная система «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 17.04.2018).

69. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2010 года по делу № 45-0-10-123. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 28.04.2018).

70. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2006 года № 11-Д05-103 [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

71. Апелляционное определение Севастопольского городского суда от 29 апреля 2016 года по делу № 22-284/2016. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 30.04.2018).

72. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Дальневосточного окружного военного суда от 02 августа 2018 года по делу № 22-110/2018. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 30.11.2018).

73. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Башкортостан от 02 марта 2016 года по делу № 22-1501/2016. Государственная автоматизированная система «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 27.11.2018).

74. Апелляционное постановление Тамбовского областного суда от 20 января 2015 года по делу № 22-21/2015. Государственная автоматизированная система «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 16.04.2018).

75. Апелляционное постановление Хабаровского краевого суда от 06 октября 2015 года по делу № 22-3199/2015. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 24.04.2018).

76. Апелляционный приговор Кемеровского областного суда от 11 марта 2016 года по делу № 22-1338/2016. Государственная автоматизированная система «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 06.12.2018).

77. Постановление Советского районного суда города Нижнего Новгорода от 14 февраля 2017 года по делу № 1-74/17. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 04.12.2018).

78. Приговор Большесосновского районного суда Пермского края от 13 июля 2011 года по делу № 1-33/2011. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 01.05.2018).

79. Приговор Гагаринского районного суда города Севастополя от 27 июня 2016 года по делу № 1-226/2016. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 30.04.2018).

80. Приговор Добрянского районного суда Пермского края от 17 апреля 2015 года по делу № 1-75/2015. Государственная автоматизированная система

Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 01.05.2018).

81. Приговор Донецкого районного суда Ростовской области от 21 января 2014 года по делу № 1-19/2014. Государственная автоматизированная система «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 07.12.2018).

82. Приговор Кировского районного суда города Уфы Республики Башкортостан от 10 августа 2011 года по делу № 1-212/2011. Государственная автоматизированная система «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 29.11.2018).

83. Приговор Красноармейского районного суда Чувашской Республики от 09 июня 2016 года по делу № 1-А-15/2016. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 23.11.2018).

84. Приговор Ломоносовского районного суда города Архангельска от 29 сентября 2017 года по делу № 1-219/2017. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 30.04.2018).

85. Приговор Мензелинского районного суда Республики Татарстан от 24 января 2017 года по делу №1-18/2017. Государственная автоматизированная система «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 07.12.2018).

86. Приговор Первомайского районного суда города Ижевска Республики Удмуртия от 08 июля 2015 года по делу № 1-231/15. Государственная информационная система «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 27.11.2018).

87. Приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 15 апреля 2013 года по делу № 1-19/2013. Государственная автоматизированная система «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 17.04.2018).

88. Приговор Тамбовского областного суда от 26 апреля 2013 года по уголовному делу № 2-12/2013. Государственная автоматизированная система «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 18.04.2018).

89. Приговор Тамбовского районного суда Тамбовской области от 17 ноября 2014 года по делу № 1-114/2014. Государственная автоматизированная система «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 16.04.2018).

90. Приговор Тракторозаводского районного суда города Челябинска от 25 июня 2015 года по делу № 1-86/2015 Государственная информационная система «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 30.11.2018).

91. Приговор Тяжинского районного суда Кемеровской области от 19 апреля 2016 года по делу № 1-6/2016. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 22.04.2018).

92. Приговор Усть-Удинского районного суда Иркутской области от 03 апреля 2012 года по делу № 1-15/2012. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 20.04.2018).

93. Приговор Центрального районного суда города Читы от 02 декабря 2015 года по делу № 1-612/2015. Государственная автоматизированная система «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 06.12.2018).

Судебная практика зарубежных стран

94. Bombay High Court. Maruti Shripati Dubal vs State Of Maharashtra on 25 September. 1986. [Электронный ресурс] // URL: <https://indiankanoon.org/doc/490515> (дата обращения 11.06.2017).

95. Supreme Court of India. P.Rathinam vs Union Of India on 26 April. 1994. [Электронный ресурс] // URL: <https://indiankanoon.org/doc/542988/> (дата обращения: 11.06.2017).

96. Supreme Court of India. Smt. Gian Kaur vs The State Of Punjab on 21 March. 1996. [Электронный ресурс] // URL: <https://indiankanoon.org/doc/217501> (дата обращения: 11.06.2017).

Монографии, учебники, учебные пособия

97. Абрумова А. Г., Бородин С. В., Михлин А. С. Предупреждение самоубийств. Изучение и проведение предупредительных мер. – М.: Изд-во Академии МВД СССР, 1980. – 164 с.

98. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: около 11 000 синонимических рядов. 11-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 2001. – 567 с.

99. Андреева Л. А. Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах: Учебное пособие. – СПб.: СПбЮИ, 1998. – 56 с.

100. Анцупов Я. А., Шипилов А. И. Словарь конфликтолога. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 528с.

101. Борзенков Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья: Учебно-практическое пособие. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2005. – 144 с.

102. Борзов В. М., Костовская Н. В., Яворский В. В. Криминальный суицид (психолого-психиатрические, уголовно-правовые и процессуально-криминалистические аспекты): монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 224 с.

103. Бородин С. В. Преступления против жизни. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 467 с.

104. Булацель П. Ф. Исследования о самовольной смерти: исторический очерк философских воззрений и законодательств о самоубийстве. – СПб.: Тип. Д.В. Чичинадзе, 1896. – 206 с.

105. Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I: Акты о высших государственных установлениях. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Т. 1 / Под ред. Сыромятникова Б. И. (Предисл.) – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1945. – 602 с.

106. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

107. Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
108. Геродот. История (в девяти книгах). – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
109. Гёте И. В. Страдания юного Вертера. – СПб.: Наука, 2001. – 252 с.
110. Гишинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – 520 с.
111. Гусев Д. А. Краткий курс логики: Искусство правильного мышления. – М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2003. – 190 с.
112. Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты: опыт систематического исследования. – Нижний Новгород: Христианская б-ка, 2008. – 813 с.
113. Дигесты Юстиниана: Избр. фрагменты в пер. и с примеч. И. С. Перетерского / отв. ред. Е. А. Скрипилев. – М.: Наука, 1984. – 456 с.
114. Додонов В. Н., Ермаков В. Д., Крылова М. А. Большой юридический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 790 с.
115. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. Пер. с фр. с сокр. / Под ред. В. А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
116. Ефремов В. С. Основы суицидологии. – СПб.: «Издательство «Диалект», 2004. – 480 с.
117. Золя Э. Творчество: Роман / Пер. с фр. Т. Ивановой, Е. Яхниной; Предисл. С. Емельяникова. – М.: Худож. лит, 1959. – 399 с.
118. Зубкова В. И. Преступления против личности по законодательству России: история, законодательство, теория и практика: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 274 с.
119. Карамзин Н. М. История государства Российского. В 12-ти томах. Том 1 / Под ред. А. Н. Сахарова – М.: Наука, 1989. – 643 с.
120. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части четвертой (постатейный) в 2-х томах. Т. 1. / Горленко С. А. и др.; отв. ред. А.А. Трахтенгерц. – М.: ИНФРА-М, 2016. – 483 с.

121. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / Под ред. А. И. Чучаева. – М.: Проспект, 2019. – 1536 с.

122. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (2-е издание, исправленное, переработанное и дополненное) / Под ред. А. И. Чучаева («КОНТРАКТ», «ИНФРА-М», 2010) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

123. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 13-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. В. М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2013 [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

124. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации в 2 т. (постатейный). Т.1. 2-е изд. / Под ред. А. В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2015 [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

125. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) / А. А. Арямов, А. А. Ашин, Е. В. Благов и др.; отв. ред. канд. юрид. наук В. В. Малиновский; науч. ред. проф. А. И. Чучаев. – М.: КОНТРАКТ, 2012 [Электронный ресурс]: СПС «Гарант».

126. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп./отв. ред. А. И. Рарог. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004 [Электронный ресурс]: СПС «Гарант».

127. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. / Под ред. М. Д. Шаргородского и Н. А. Беляева. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1962. – 449 с.

128. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VI–VIII / отв. ред. В. М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2018. – 371 с.

129. Кони А. Ф. О праве необходимой обороны / Авт. вступ. ст. А. Цориева. – М.: Остожье, 1996. – 112 с.

130. Конституционное право Российской Федерации: учебное пособие для бакалавров направления «Юриспруденция» / В. В. Никулин. – Тамбов: Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2012. – 332 с.

131. Контроль сознания и методы подавления личности: хрестоматия / сост. К. В. Сельченко. – М.: «Издательство АСТ», 2001. – 624 с.
132. Корсаков С. С. Курс психиатрии. Т.1. 2-е изд., перераб. – М.: Типо-литография В. Рихтера, 1901. – 692 с.
133. Курс российского уголовного права. Особенная часть / Под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. – М.: Спарк, 2002. – 1040 с.
134. Курс уголовного права. Т. 1. Общая часть: Учение о преступлении / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой – М.: Зерцало, 2002. – 624 с.
135. Лазарева Н. Ю. Сравнительное уголовное право: Учебное пособие. – Ростов н\Д.: ЮРИУФ РАНХиГС, 2017. – 173 с.
136. Ларина Л. Ю. Проблемы уголовно-правовой регламентации, назначения наказания и предупреждения совокупности преступлений: монография – М.: Юрлитинформ, 2013. – 181 с.
137. Ломброзо Ч. Преступный человек. Пер. с итальянского. – СПб.: Мидград, 2005. – 876 с.
138. Неклюдов Н. А. Руководство к особенной части русского уголовного права. Т.1. Преступления и проступки против личности. – СПб.: Типография П.П. Меркульева, 1876. – 555 с.
139. Нечипоренко В. В., Шамрей В. К. Суицидология: вопросы клиники, диагностики и профилактики. – СПб.: ВМедА, 2007. – 528 с.
140. Обнинский П. Н. Об уголовном преследовании покусившихся на самоубийство. – М.: Унив. тип. (Катков и К), 1871. – 9 с.
141. Особенная часть уголовного права Российской Федерации: Учебное пособие / Под ред. С. А. Елисеева. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. – 138 с.
142. Паперно И. Самоубийство как культурный институт. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 256 с.
143. Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. Собрание 1.– СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 5 : 1713–1719. – 783 с.

144. Полный курс уголовного права: в 5 т. / Под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А. И. Коробеева – СПб.: Издательство «Юридический центр «Пресс», 2008. – Т. II : Преступления против личности. – 682 с.

145. Попов А. Н., Аистова Л. С. Объект преступления : учебное пособие /— СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2014. – 40 с.

146. Попов А. Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. – СПб.: Издательство «Юридический центр «Пресс», 2003. – 898 с.

147. Проблемы уголовно-правовой регламентации, назначения наказания и предупреждения совокупности преступлений: монография – М.: Юрлитинформ, 2013. – 181 с.

148. Прокументов Л. М. Групповое преступление: вопросы теории и практики. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 164 с.

149. Прокументов Л. М. Криминализация и декриминализация деяний. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – 142 с.

150. Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении: избранные лекции. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 280 с.

151. Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 304 с.

152. Российское законодательство X–XX веков: Законодательство Древней Руси : в 9 т. / отв. ред. В. Л. Янин; под общ. ред. О. И. Чистякова – М.: Юрид. лит., 1984. – Т. 1. – 432 с.

153. Российское законодательство X–XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства : в 9 т. / отв. ред. А. Д. Горский; под общ. ред. О. И. Чистякова – М.: Юрид. лит., 1985. – Т. 2. – 520 с.

154. Савенков А. Н., Жуков В. И. Социология правовых девиаций и социальных аддикций: монография. – М.: Институт государства и права РАН, 2018. – 408с.

155. Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию. – М.: Наука, 1977. – 383 с.
156. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право: пособие к лекциям. 4-е изд. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. – 364 с.
157. Спасович В. Д. Учебник уголовного права. – СПб.: Тип. И. Огризко, 1863. – 438 с.
158. Суицидология. Прошлое и настоящее: проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах / сост. А. Н. Моховиков. Изд. 2-е, стер. – М.: Когито-Центр, 2013. – 566 с.
159. Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть Общая. – СПб.: Гос. Тип., 1887. – Вып. 1. – 411 с.
160. Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. – СПб.: Типография А.М. Котомина, 1871. – Т. 2. – 466 с.
161. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Часть общая. Лекции. – 2-е изд., пересмотр. и доп. – СПб.: Гос. Тип., 1902. – Т. 1. – 823 с.
162. Тасаков С. В. Нравственные основы уголовного права о преступлениях против личности. – СПб.: Издательство «Юридический центр «Пресс», 2008. – 318 с.
163. Теоретические основы квалификации преступлений. Учебное пособие / А. В. Корнеева; под ред. А. И. Рарог – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 176 с.
164. Толстой Л. Н. Анна Каренина: Роман – М.: Пан пресс, 2006. – 950 с.
165. Уголовное право: учебник для академического бакалавриата : в 2 т. / отв. ред. А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. – 5-е изд., пер. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – Т. 2 : Особенная часть. – 499 с.
166. Уголовное право России. Части общая и особенная: учебник / Под ред. А. В. Бриллиантова. - Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Проспект, 2016. – 1184 с.
167. Уголовное право России: учебник для вузов : в 2 т. / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. Н. Игнатова и д-ра юрид. наук, проф. Ю. А. Красикова. – М.: Издательство НОРМА, 2000. – Т. 2 : Особенная часть. – 639 с.

168. Уголовное право. Общая часть: учебник / Под общ. ред. А. И. Бастрыкина. – М.: Проспект, 2017. – 432 с.
169. Уголовное право. Особенная часть: учебник / Под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. – Издание второе испр. и доп. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2008. – 800 с.
170. Учебное пособие по советскому уголовному праву / Всесоюзная правовая академия. – М.: Всесоюзная правовая академия, 1938. – 340 с.
171. Философия уголовного права / сост., ред. и вступ. статья д-ра юрид. наук, проф. Ю. В. Голика. – Сборник трудов. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2004. – 348 с.
172. Фойницкий И. Я. Уголовное право. Посягательства личные и имущественные (издание 5-е). – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1907 [Электронный ресурс]: СПС «Гарант».
173. Чернышева Ю. А. Причинение смерти лицу по его просьбе: уголовно-правовое, уголовно-политическое, криминологическое и социально-правовое исследование: монография. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 176 с.
174. Шаргородский М. Д. Избранные труды. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. – 363 с.
175. Шекспир У. Ромео и Джульетта: трагедия / пер. с англ. Т. Л. Щепкиной-Куперник. – СПб.: Лениздат, 2014. – 190 с.
176. Шеслер А. В. Криминологические и уголовно-правовые аспекты групповой преступности: учеб. пособие для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля. – Тюмень: Тюмен. юрид. ин-т МВД России, 2005. – 117 с.
177. Шеслер А. В. Соучастие в преступлении: монография. – Новокузнецк: ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2014. – 84 с.
178. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. – М.: Московский клуб, 1992. – 400 с.

179. Энциклопедия уголовного права: Состав преступления. / Н. И. Коржанский, В. Н. Кудрявцев, В. Б. Малинин, В. Г. Павлов и др. – СПб.: Изд. профессора Малинина, 2005. – Т. 4. – 796 с.

180. Энциклопедия уголовного права: Уголовный закон. / Е. В. Журавлева, Л. В. Иногамова-Хегай, М. А. Кауфман, В. Б. Малинин и др. – СПб.: Изд. профессора Малинина, 2005. – Т. 2. – 847 с.

181. Эстрин А. Я. Уголовное право СССР и РСФСР. – М.: Советское законодательство, 1931. – 136 с.

182. Юм Д. Диалоги о естественной религии / пер. С.М. Роговин. – М.: Юрайт, 2019. – 130 с.

183. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / пер. с англ. Т. С. Драбкиной – М.: Независимая фирма «Класс», 1999. – 576 с.

Научные статьи

184. Абраменкова С. В. Проблемы раскрытия убийств, совершенных тоталитарными сектами // Сибирский юридический вестник. – 2004. – № 4. – С. 85–87.

185. Авдалян А. Я. Новеллы в Уголовном кодексе РФ, связанные с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних: лакуны современного правового поля // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 12 (26) : в 3-х ч. – Ч. 2. – С. 14–16.

186. Авдеенкова М. П., Дмитриев Ю. А. Право на физическую свободу // Государство и право. – 2005. – № 3. – С.13–22.

187. Аюпов В. Ш. К вопросу об объекте доведения до самоубийства // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 363. – С. 123–126.

188. Баранов В. М. Правотворческая конкретизация: негативный ракурс // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 2 (26). – С. 9–22.

189. Бастрыкин А. И. Преступления против несовершеннолетних в Интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и

уголовно-правовой оценке // Всероссийский криминологический журнал. Т. 11. – 2017. – № 1. – С. 5–12.

190. Бедарева К. А. Трансформация институтов брака и семьи в современных условиях // Новая наука: опыт, традиции, инновации. – 2015. – № 3. – С. 44–48.

191. Бенгина Е. А., Гришаева С. А. Кибербуллинг как новая форма угрозы психическому здоровью личности подростка // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2018. – № 2. – С. 153–157.

192. Букалерева Л. А., Лавелина В. С., Остроушко А. В. Правовые, организационные, технические меры противодействия призывам к самоубийствам несовершеннолетних в сети «Интернет» // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2017. – № 3 (46). – С. 48–57.

193. Бычков С. Н. Публичность как признак объективной стороны в преступлениях против личности // Вопросы студенческой науки. – 2017. – № 5. – С. 126–130.

194. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Окно Овертона – манипулятивная матрица политического менеджмента // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2015. – № 4 (303). – С. 83–93.

195. Дробышева Е. Э. Культура vs Цивилизация: взгляд через «окно Овертона» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 5 (67). – С. 58–64.

196. Дубовиченко С. В., Карлов В. П. Новеллы уголовного законодательства о преступлениях против жизни: критический анализ // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. – 2017. – № 4, Т. 2. – С. 168–175.

197. Егорова Н. А. Новое в уголовно-правовой охране жизни человека // Уголовное право. – 2017. – № 6. – С. 11–17.

198. Епанчинцева Г. А., Волосова Н. Ю., Козловская Т. Н. Самоубийство: законодательные, психологические и криминологические аспекты // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. Т. 9. – 2015. – № 2. – С. 234–247.

199. Зубкова В. И. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания и ее достижение в процессе отбывания наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2010. – № 9. – С. 10–14.

200. Капинус О. С. Эвтаназия в аспектах *de lege lata* и *de lege ferenda* // Государство и право. – 2008. – № 5. – С. 95–100.

201. Комаров А. А. Новеллы уголовного законодательства об уголовной ответственности за побуждение несовершеннолетних к самоубийству: криминологический комментарий // *Juvenis scientia*. – 2017. – № 11. – С. 41–43.

202. Крылова Н. Е. Ответственность за доведение до самоубийства и причастность к самоубийству другого лица по уголовному праву Российской Федерации: оценка законодательных новелл // Уголовное право. – 2018. – № 1. – С. 75–82.

203. Кулешова И. В. К вопросу о квалификации убийства двух или более лиц // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – № 3. – С. 77–79.

204. Ларина Л. Ю., Пантюхина И. В. Проблемы квалификации преступлений, совершенных в отношении двух и более лиц (на примере ч. 4 ст. 134 УК РФ) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 6 (11). – С. 129–134.

205. Номоконов В. А. Причины преступности в современной России: проблема обостряется // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11. – № 2. – С. 247–257.

206. Павлушков А. Р. Анафема как форма уголовной и политической репрессии в карательной политике Российского государства // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2014. – № 2 (26). – С. 83–87.

207. Попов А. Н. О формах вины по уголовному законодательству России // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2017. – № 3 (59). – С. 59–65.

208. Пучнина М. Ю. Методика и механизм склонения несовершеннолетних к суициду посредством использования социальных сетей // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2017. – № 4 (31). – С. 237–246.

209. Рыжов Э. В. История развития российского уголовного законодательства, устанавливающего уголовную ответственность за самоубийство, доведение до самоубийства и сходные с ним деяния // Следственная деятельность : проблемы, их решение, перспективы развития: материалы Межвузовской молодёжной научно-практической конференции. Москва, 08 декабря 2017 г. / Под общ. ред. А.М. Багмета. – М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. – 2017. – С. 84–87.

210. Рыжов Э. В. Обоснованность использования в уголовном праве термина «покушение на самоубийство» // Российский следователь. – 2018. – № 6. – С. 27–29.

211. Рыжов Э. В. Проблемы определения способа совершения преступления, предусмотренного статьей 110 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2017. – № 3. – С. 82–85.

212. Рыжов Э. В. Современные тенденции изменения уголовного законодательства в целях противодействия деятельности, направленной на побуждение к суицидальному поведению // Служа закону – служим Отечеству: материалы межвузовского круглого стола аспирантов и магистрантов. Москва, 30 мая 2017 г. / Под общ. ред. А.М. Багмета. – М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. – 2017. – С. 105–109.

213. Рыжов Э. В. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства в условиях современного информационного общества // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2017. – № 1. – С. 68–70.

214. Рыжов Э. В. Уголовная ответственность за попытку самоубийства по уголовному законодательству Республики Индия // Российский следователь. – 2017. – № 20. – С. 40–42.

215. Сидоров С. Б., Михопаркин В. Б. Доведение до самоубийства: социально-правовая оценка, место в системе смежных институтов и уголовно-правовых норм и вопросы совершенствования уголовного законодательства // Вестник экономики, права и социологии. – 2010. – № 1. – С. 94–98.

216. Тюнин В. И., Огарь Т. А. Доведение до самоубийства и сопряжённые с ним преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 1 (77). – С. 91–97.

217. Френкель Е. П. Преступления против личности в Уголовном кодексе РСФСР 1926 года // Проблемы преступности: сборник. – 1928. – № 3. – С. 141–153.

218. Фридинский С. Н. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Юрист-Правоведъ. – 2008. – № 4. – С. 67–71.

219. Хатуев В. Б. Эволюция российского уголовного законодательства об ответственности за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство // Российское правосудие. – 2015. – № 9. – С. 72–82.

220. Шарапов Р. Д. Квалификация преступлений, связанных с вовлечением в самоубийство и иное опасное для жизни поведение // Уголовное право. – 2017. – № 6. – С. 78–83.

221. Шикла И. Р. Проблемные вопросы квалификации убийства женщины, находящейся в состоянии беременности // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы XXI международной научно-практической конференции. Москва, 24–25 декабря 2014 г. – М.: Изд-во «Институт стратегических исследований». – 2014. – С. 226–229.

Диссертации и авторефераты диссертаций

222. Андрющенко Е. С. Интернет-отношения: государственное регулирование и самоуправление : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Андрющенко Екатерина Сергеевна. – Саратов, 2010. – 211 с.

223. Безроднова К. В. Честь и достоинство как теоретико-правовые понятия : историко-правовое исследование : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Безроднова Ксения Валерьевна. – Челябинск, 2014. – 165 с.

224. Волконская Е. К. Предупреждение доведения до самоубийства: уголовно-правовой аспект : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Волконская Екатерина Константиновна. – Рязань, 2011. – 193 с.

225. Капинус О. С. Эвтаназия как социально-правовое явление : уголовно-правовые проблемы : дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Капинус Оксана Сергеевна. – М., 2006. – 500 с.

226. Уколова Ю. А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Уколова Юлия Александровна. – М., 2008. – 219 с.

227. Цыркалюк А. А. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Цыркалюк Андрей Анатольевич. – Тамбов, 2011. – 163 с.

228. Чукаева Н. Г. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до доведения до самоубийства (проблемы законодательного регулирования) : дисс.... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Чукаева Наталья Георгиевна. – Тюмень, 2011. – 159 с.

229. Эльмурзаев Д. И. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Эльмурзаев Доку Инаевич. – М., 2004. – 162 с.

Официальные статистические данные

230. Браки и разводы в Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/prez_love0707.pdf (дата обращения: 16.04.2018).

231. Сведения о следственной работе следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2011 – 2018 г.г. Форма № 1-Е (СК). Документ опубликован не был.

232. Сведения о числе умерших от внешних причин смерти за 2011 – 2018 г.г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 23.02.2019).

Электронные ресурсы

233. «Газовые феи». О распространении смертоносных инструкций для детей в сети [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/20170304/1489266266.htm> (дата обращения: 20.12.2018).

234. «Слава Украине!»: московские школьники довели до суицида беженца из ДНР [Электронный ресурс] // URL: https://life.ru/t/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/941643/slava_ukrainie_moskovskiie_shkolniki_dovieli_do_suitsida_biezhientsa_iz_dnr (дата обращения: 25.04.2018).

235. Администратор «групп смерти» получил три года [Электронный ресурс] // URL: https://www.gazeta.ru/tech/2017/07/18_a_10793984.shtml#page1 (дата обращения: 27.04.2018).

236. Администратора одной из подростковых «групп смерти» ищут в Новосибирске [Электронный ресурс] // URL: <https://nsk.rbc.ru/nsk/05/02/2018/5a7743109a79479e44b2b291> (дата обращения: 25.12.2018).

237. Арестован 26-летний безработный куратор «смерти» в Рунете [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2897227> (дата обращения: 25.12.2018).

238. Большой медицинский словарь [Электронный ресурс] // URL: <http://www.medslv.ru/html/p/parasuicid.html> (дата обращения: 07.06.2011).

239. В Алтайском крае родители 11-летнего мальчика признаны виновными в доведении своего сына до самоубийства и в неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего [Электронный ресурс] // URL: <http://sledcom.ru/news/item/559371> (дата обращения: 20.04.2018).

240. В Краснодарском крае оглашен приговор о доведении до самоубийства с помощью Интернета [Электронный ресурс] // URL: https://www.1tv.ru/news/2012-03-27/98044-v_krasnodarskom_krae_oglashen_prigovor_o_dovedenii_do_samoubiystva_s_pomoschyu_interneta (дата обращения: 27.04.2018).

241. В Краснодарском крае перед судом предстанет местная жительница, обвиняемая в доведении до самоубийства своего знакомого [Электронный ресурс] // URL: <http://sledcom.ru/news/item/562487> (дата обращения: 27.04.2018).

242. В Люксембурге узаконили эвтаназию [Электронный ресурс] // URL: <https://pravo.ru/interpravo/news/view/9123> (дата обращения: 24.06.2017).

243. В Республике Татарстан двое местных жителей подозреваются в вымогательстве и доведении до самоубийства [Электронный ресурс] // URL: <http://tatarstan.sledcom.ru/news/item/1098422> (дата обращения: 05.12.2018).

244. В Республике Татарстан перед судом предстанет местный житель, обвиняемый в истязаниях, доведении до самоубийства и других тяжких и особо тяжких преступлениях [Электронный ресурс] // URL: <http://sledcom.ru/news/item/548263> (дата обращения: 28.04.2018).

245. В Санкт-Петербурге коллекторы довели ребенка до самоубийства [Электронный ресурс] // URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/508968> (дата обращения: 05.12.2018).

246. В Санкт-Петербурге предъявлено обвинение администратору одной из «групп смерти» в социальных сетях, от деятельности которой пострадало не менее 20 подростков [Электронный ресурс] // URL: <http://spb.sledcom.ru/Novosti/item/1082389> (дата обращения: 27.04.2018).

247. В Цюрих за смертью [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1641753> (дата обращения: 29.06.2017).

248. В Челябинске завели дело на коллекторов, которые довели должника до самоубийства [Электронный ресурс] // URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1062534> (дата обращения: 05.12.2018).

249. В Чувашии молодой парень предстанет перед судом по обвинению в доведении до самоубийства и незаконном распространении сведений о частной жизни [Электронный ресурс] // URL: <http://sledcom.ru/news/item/602983> (дата обращения: 03.12.2018).

250. Версия: пятнадцатилетняя дзержинская школьница покончила с собой из-за травли в школе [Электронный ресурс] // URL: <https://www.nnov.kp.ru/daily/26450.7/3319992> (дата обращения: 25.04.2018).

251. Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Группы_смерти (дата обращения: 20.12.2017).

252. Детей атакуют газовые феи. Родители столкнулись с массовой рассылкой среди детей опасной картинки о «превращении в фею огня»

[Электронный ресурс] // URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2016/06/07/8279417/picture-winx.shtml?updated> (дата обращения: 20.12.2018).

253. Законодательство России. Свод законов Российской Империи в 16 томах [Электронный ресурс] // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire&nochache> (дата обращения: 09.05.2017).

254. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) с практическими разъяснениями официальных органов и постатейными материалами. – М.: Книжный мир, 2017 [Электронный ресурс] // URL: https://bookz.ru/authors/v-4ijevskii/kommenta_878.html (дата обращения: 10.05.2018).

255. Кони А. Ф. Самоубийство в законе и жизни. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1898 [Электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/k/koni_a_f/text_1898_samoubiistvo.shtml (дата обращения: 23.02.2019).

256. Куратора «Синего кита», который довел челябинку до суицида, начинают судить [Электронный ресурс] // URL: <https://www.chel.kp.ru/daily/26779/3813185> (дата обращения: 25.12.2018).

257. Марчук В.В. Уголовно-правовая оценка деяний, инспирирующих суицид [Электронный ресурс] // URL: https://law.bsu.by/pub/11/Marchuk_23.pdf (дата обращения: 29.04.2018).

258. Монтень М. Опыты. [Электронный ресурс] // URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148035 (дата обращения: 04.04.2017).

259. Петров И. МВД: Около процента детских суицидов совершаются по вине «групп смерти» [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2017/03/30/mvd-okolo-procenta-detskih-suicidov-sovershaiutsia-po-vine-grupp-smerti.html> (дата обращения: 28.04.2018).

260. Роскомнадзор внёс в реестр запрещённых сайтов страницу с изображением мультперсонажа [Электронный ресурс] // URL: <https://echo.msk.ru/news/1781090-echo.html> (дата обращения: 20.12.2018).

261. Толковый словарь русского языка Ушакова Д. Н. [Электронный ресурс] // URL: <http://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 01.03.2019).

262. Толковый словарь русского языка Ожегова С. И. и Шведовой Н. Ю. [Электронный ресурс] URL: <http://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 02.03.2019).

263. Трунов И. Л. Деструктивные секты и сектантство в России [Электронный ресурс] // URL: http://www.trunov.com/nauchnye_i_uchebno_metodicheskie_trudy/nauchnye_publicacii_advokatov_kollegii/16085 (дата обращения: 17.04.2018).

264. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. 2 отделения Собственного Его Императорского Величества канцелярии, 1845. [Электронный ресурс] // URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01002889696#?page=1> (дата обращения: 12.05.2017).

265. Устав морской о всём, что касается к доброму управлению в бытность флота на море. СПб.: Императорская Академия наук, 1780 [Электронный ресурс] // URL: http://militera.lib.ru/regulations/russr/1720_ustav-morskoi/index.html (дата обращения: 08.05.2017).

266. Чернышев-Дмитриев А. Б. О преступном действии по русскому допетровскому праву. Казань, 1862 [Электронный ресурс] // URL: https://books.google.ru/books?id=bdoIAwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbgbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 08.06.2017).

267. Энтони Сильвия. Открытие смерти в детстве и позднее [Электронный ресурс] // URL: https://bookz.ru/authors/sil_via-entoni/otkritie_474/1-otkritie_474.html (дата обращения: 25.04.2018).

Зарубежные электронные ресурсы

268. Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс] // URL: <https://www.britannica.com/topic/suicide> (дата обращения: 04.06.2017).

269. Naveen Kumar Gautam. Decriminalization of Attempt to Commit Suicide [Электронный ресурс] // URL: <http://www.lawctopus.com/academike/decriminalization-attempt-commit-suicide> (дата обращения: 11.06.2017).

270. Suicide rate estimates, age-standardized Estimates by country. World Health Organization [Электронный ресурс] // URL: <http://apps.who.int> (дата обращения: 17.06.2017).

Приложение А

Проект Федерального закона «О внесении изменений в статью 110 Уголовного кодекса Российской Федерации»

Проект

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН****О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В СТАТЬЮ 110 УГОЛОВНОГО
КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Внести в статью 110 Уголовного кодекса Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 25, ст. 2954; 1998, № 26, ст. 3012; 2003, № 50, ст. 4848; 2004, № 30, ст. 3091; 2007, № 31, ст. 4008; 2009, № 1, ст. 29; № 31, ст. 3921; № 52, ст. 6453; 2010, № 19, ст. 2289; 2011, № 11, ст. 1495; № 30, ст. 4601; № 50, ст. 7362; 2012, № 10, ст. 1162; 2013, № 27, ст. 3477; № 48, ст. 6165; № 51, ст. 6685; 2014, № 30, ст. 4228; 2015, № 1, ст. 82; № 48, ст. 6712; 2016, № 27, ст. 4256; 2017, № 7, ст. 1027) изменения, изложив ее в следующей редакции:

«Статья 110. Доведение до самоубийства

1. Доведение лица до самоубийства или до попытки совершения самоубийства путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего -

наказывается принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до семи лет или без такового либо лишением свободы на срок до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или

заниматься определенной деятельностью на срок до семи лет или без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового.

2. Доведение до самоубийства, совершенное:

а) в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного;

б) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;

в) в отношении двух или более лиц;

г) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

д) в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть "Интернет");

е) с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, - наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового.

Примечание. Под лицом, заведомо для виновного находящемся в беспомощном состоянии, в настоящей статье, а также в статье 110¹ настоящего Кодекса, понимается лицо, не достигшее четырнадцатилетнего возраста либо лицо, которое в силу престарелого возраста, физического и психического состояния неспособно понимать характер и значение совершаемого в отношении него деяния, если виновный сознает это обстоятельство».